АНДРЕЙ СУХОМЛИНОВ

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОГО ФУТБОЛИСТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

18-летним юношей пришел в большой футбол Эдуард Стрельцов — чемпион Олимпийских игр и Советского Союза, обладатель Кубка страны, лучший центральный нападающий, любимец миллионов болельщиков.

Книга заслуженного юриста РФ А. Сухомлинова — документальное повествование о том, как слава и всенародное признание переплелись в судьбе Эдуарда с уголовным делом, суровым приговором, тюрьмой, лагерями, работой на лесоповале, в шахтах.

Автор аргументированно и доказательно ставит вопрос о реабилитации великого футболиста — к сожалению, уже посмертной.

- Андрей Сухомлинов
- Предисловие
- От автора
- «Я играю в футбол, сколько помню себя»
- «Посадить, и надолго!»
- В поисках правды
- Дни, ведущие в никуда
- За колючей проволокой
- Возвращение
- Таким он нам запомнился
- «За что меня посадили?»
- Вместо послесловия
- Постскриптум
- Приложение

Андрей Сухомлинов
Эдуард Стрельцов. Трагедия великого футболиста

Предисловие

Уходит XX век. С его триумфами и трагедиями, победами и поражениями, обретениями и утратами, героями и злодеями.

Многое уносим мы в памяти своей из минувших десятилетий в грядущий XXI век. И, конечно же, все о спорте — прекрасном явлении нашей жизни.

Олимпийские игры, чемпионаты страны, Европы и мира, умопомрачительные рекорды, ломающие представления о человеческих возможностях, скромные баталии товарищеских поединков…

И главное, чем останется спорт в наших сердцах, это уникальные фигуры феноменально одаренных, гармонично развитых титанов спорта. Всемирную известность обрели легкоатлеты братья Знаменские, Владимир Куц и Александра Чудина, штангисты Григорий Новак, Юрий Власов и Аркадий Воробьев, гимнасты Юрий Титов и Лариса Латынина, шахматисты Михаил Ботвинник и Анатолий Карпов, боксеры Борис Лагутин, Николай Королев и Валерий Попенченко. Отдельно выделяю футболистов, ведь футбол — это самая давняя и прочная спортивная любовь. Преклоняюсь перед памятью Николая Старостина, Всеволода Боброва, Григория Федотова, Льва Яшина.

В самой первой шеренге великих спортсменов навсегда останется и Эдуард Стрельцов — «русский Пеле», «футбольный Шаляпин», как называют его болельщики мирового футбола. Его имя, коренного москвича, присвоено столичному стадиону «Торпедо», тому самому, где Эдуард делал первые шаги в большом футболе. Памятник ему установлен на стадионе страны № 1 — в Лужниках.

Он — живая легенда. Его по-прежнему любят и боготворят. И многие не знают, что налет трагизма по нынешний день остается на его судьбе. Выпали на его долю не только почет и слава, но и «туманное» уголовное дело, позор и временное забвение. На несколько лет тюрьма и лагеря, лесоповал и шахты прервали его спортивную карьеру, вычеркнули его из состава московского «Торпедо» и сборной страны, лишили нас звонких побед.

Твердо верю, что наветы будут отметены, справедливость восторжествует и имя Эдуарда Стрельцова — Олимпийского чемпиона, одного из лучших центральных нападающих страны и мира — будет ярко сиять. Пусть вкладом в реабилитацию великого футболиста станет и эта книга.

Ю.М. Лужков

От автора

Я был мальчишкой, когда по стране, да и по стадионам мира, гремела слава выдающегося советского футболиста Эдуарда Стрельцова. Понимал, что есть такой идол болельщиков, мастер, каких мало, символ голов и побед, но реальным игроком, человеком представить себе его не мог. И не допускал мысли, конечно, что когда-нибудь судьба сведет меня с этой живой легендой.

Прошли годы. Стрельцов исчез куда-то, потом опять появился, опять с трибун восхищенно и требовательно неслось: «Стрелец! Стрелец!» И тут уже дороги наши пересеклись.

В середине шестидесятых годов началась моя служба в армии, потом учеба в Москве на юридическом факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Тренировался в команде бокса ЦСКА и выступал в соревнованиях. На кафедре физической подготовки и спорта у нас в то время служил Дмитрий Багрич — в прошлом знаменитый защитник армейской футбольной команды. И вот как-то, когда я был на кафедре, он и познакомил меня со Стрельцовым. Они тогда играли уже в команде ветеранов.

Мне дорого было это знакомство, я дорожил и гордился каждой встречей с корифеем футбола.

Несколько раз мы общались, разговаривали с Эдиком. Один раз даже в бане на Песчаной парились. Она была около метро «Сокол». После бани «выполнили» рекомендацию полководца А.В. Суворова.

Казалось, обстановка вроде бы располагала к застольной беседе, но как-то неудобно было мне его расспрашивать. Думал: и так ему досаждают своими вопросами журналисты, допекают фанаты, а тут и я воспользуюсь случаем, поведу себя запанибрата, буду надоедать. Да и положение мое, как мне по-скромному казалось, не позволяло быть фамильярным: он знаменитость, а я просто спортсмен, он — великий, а я — никто. Разница в возрасте 10 лет ощущалась мною болезненно.

А он вел ничего не значащие разговоры на темы дня, шутил, «подначивал». Вот я и упустил тогда первую возможность узнать от него самого что-то интересное, личное.

Потом, после окончания академии я надолго уехал из Москвы. Служил в военной прокуратуре Сибирского военного округа — в Новосибирске, Красноярске…

В середине 80-х я снова оказался в Москве, куда был переведен по службе. Почти случайно, на каком-то футбольном матче, состоялась наша новая встреча. Помню, Эдик тогда сказал

мне:

— Быстро ты от старшего лейтенанта дорос до полковника. Сколько же времени прошло?

Я прикинул. Порядочно — почти 15 лет.

Это показалось тогда большим сроком.

— Да, быстро время бежит, — вздохнул Эдуард. И философски добавил:

— Особенно на свободе.

Потом около пяти лет я служил в должности военного прокурора в подмосковном городе Наро-Фоминске. Со Стрельцовым встречались почаще. Во-первых, дачи ЗИЛа находились на «моей» территории. Во-вторых, нет-нет, да и заезжал он в гости на дачу нашего общего друга.

Теперь говорили больше и доверительнее — стерся, видимо, возрастной барьер. Но, конечно, никаких идей о том, чтобы писать о нем, тем более о планах на будущую книгу, у меня тогда не было.

Ругаю сейчас себя за то, что не решился поподробнее расспросить его о событиях жизни, особенно о «закрытых» тогда для печати годах. Как бы сейчас пригодилась «услышанная» мною тогда информация, мои несостоявшиеся записи разговоров с Эдуардом…

А годы продолжали мчаться. И вот нет уже рядом Стрельцова — осталась только память о нем.

Поручение, взволновавшее меня, получил я около двух лет назад, в 1997 году, и формулировалось дословно оно так:

> «Российский футбольный союз доверяет главному юридическому консультанту Московского городского экономико-правового агентства Сухомлинову Андрею Викторовичу подготовку материалов и ведение дела в судебных инстанциях России по реабилитации бывшего игрока команды мастеров по футболу «Торпедо» (Москва) и сборной СССР Стрельцова Эдуарда Анатольевича.
>
> *Первый вице-президент Н.П. Симонян».*

Начал я эту работу, и появились у меня впервые мысли о книге, посвященной Стрельцову. Хотя и далеко не сразу на это решился.

Я отдавал себе отчет в том, как много было уже написано на эту тему — хвалебные статьи и репортажи, стихи и поэмы, разгромные письма и фельетоны, и многочисленные воспоминания друзей-футболистов, партнеров, соратников,

соперников.

И была уже книга самого Э. Стрельцова «Вижу поле…». Это, как сказано на титульном листе, «эпизоды из жизни Эдуарда Стрельцова, рассказанные им Александру Нилину, который счел возможным дополнить этот рассказ своими впечатлениями, вынесенными из многолетнего знакомства со знаменитым футболистом».

Действительно, Александра Павловича Нилина и Эдуарда Анатольевича Стрельцова связывала многолетняя дружба. На протяжении десятилетий они часто общались, говорили о самом сокровенном, вместе искали и находили ответы на мучившие их вопросы. Это и помогло футболисту Стрельцову восстановить в памяти, логически выстроить эпизоды своей жизни, а писателю Нилину критически взвесить и оценить события, записать и последовательно их изложить. Так появилась книга «Вижу поле…», а затем и документальный фильм с тем же названием по сценарию Александра Нилина. Спасибо ему и за книгу, и за фильм, и за верность «стрельцовской теме».

Работа над сбором материалов об Э.А. Стрельцове привела меня в его семью, и я хочу выразить слова искренней признательности вдове моего героя. Она, эта добрая русская женщина, многие годы была рядом с Эдуардом, поддерживала, помогала превозмочь боль и страдания, продляя ему жизнь. А теперь Раиса Михайловна хранит память о нем, ее воспоминания, щедро предоставленные ею в мое распоряжение семейные архивы, фотографии, чемпионские регалии очень помогли. Добра и здоровья, дорогая Раиса Михайловна, Вам и Вашему сыну Игорю!

Приступая к написанию книги, я поначалу дал себе установку не касаться спортивной, чисто футбольной темы, а посвятить свой труд трагическим страницам его биографии, возникновению и развитию его уголовного дела, юридическим ошибкам, казусам, нелепостям, которые «имели место быть» и позволили исковеркать судьбу истинного патриота, достойного гражданина нашей страны.

Обойти футбольную тему мне, разумеется, не удалось, да это и невозможно, ведя речь о Стрельцове. Моя правовая квалификация помогала мне при изучении юридических вопросов, поиске правильных, на мой взгляд, решений, сказалась и на особом построении книги. А общение со многими из тех, кто знал и любил Стрельцова, собственные воспоминания о встречах с ним позволили, как я хочу надеяться, выйти за пределы ранее очерченных для себя проблем.

Я глубоко признателен звездам нашего спорта футболистам А.А. Парамонову, Н.П. Симоняну, Ю.И. Беляеву, В.К. Иванову,

В.М. Шустикову, В.Н. Маслаченко, шахматисту А.Е. Карпову, боксеру В.П. Агееву, Председателю Союза промышленников и предпринимателей России А.И. Вольскому, журналистам Ю.М. Степаненко, А.Н. Бочинину, В.Н. Ергакову, моим учителям доктору юридических наук профессору А.С. Кобликову и доктору юридических наук профессору Х.М. Ахметшину.

На основе документов и воспоминаний была подготовлена статья «Стрелецкая казнь», опубикованная в ноябрьском номере за 1997 год международного ежемесячника «Совершенно секретно» с ремаркой «Впервые! По страницам сфабрикованного «Дела Эдуарда Стрельцова». Она стала основательным анонсом будущей книги.

Спасибо за публикацию главному редактору А.Г. Боровику.

Спасибо читателям, участникам встреч и обсуждений за многочисленные отклики.

Многие дополнения и пожелания мною учтены.

Так рождалась эта книга. Своим появлением на свет она обязана и горячим приверженцам Э. Стрельцова, моим добрым друзьям из издательства «Патриот», прежде всего его директору А.Л. Мамаеву, главному редактору А.А. Логинову, заместителю директора В.Н. Кошелевой.

«Я играю в футбол, сколько помню себя»

Родился будущий великий футболист 21 июля 1937 года. Одно из первых слов, вошедших в его сознание, было «Фрезер». Станция — Фрезер, поселок Фрезер, завод «Фрезер», футбольная команда и все остальное здесь звалось одним коротким словом — Фрезер. Позже этот участок тогдашнего ближнего Подмосковья стали называть Перово. Здесь на улице 1-го Мая в большой комнате дома № 2 и жила Софья Стрельцова с белобрысым симпатичным мальчиком, названным непривычным для рабочего люда именем Эдуард.

Отца Эдик не помнил и мать о нем разговоров никогда ни вела. Маленький Эдик рано понял, что здесь у них с матерью что-то не так, и вопросов об отце не задавал.

Школа, где учились тогда дети этого района, тоже называлась «Фрезер» и состояла из двух частей: 439-я — мужская и 453-я — женская.

Обе школы находились в одном кирпичном здании, недалеко от железной дороги. Учителя были одни и те же, но общение девочек и мальчиков не поощрялось. Такие были тогда порядки. Сюда и пришел в 1944 году Эдик в первый класс.

Учился он, как и большинство детей послевоенного времени, неважно, но двоек не получал и на второй год не оставался. Особенно не хулиганил и шпаной не верховодил, но и себя в обиду не давал. Больше всего ему нравились уроки истории. Интересно было узнавать, как жили люди раньше. Ну и, конечно, физкультура. В классе не было равных Эдику по прыжкам и по бегу, не говоря уже о спортивных играх. Мать не успевала покупать ему ботинки и штаны, которые рвались на нем с неимоверной быстротой. Нравились игры летом в футбол, а зимой, естественно, в хоккей. Здесь ему тоже не было равных, и уже не только в классе, но и во всей школе.

На игре и приметил Эдика тренер заводской футбольной команды «Фрезер». Отметив шустрого и ловкого паренька, он предложил Эдику серьезно заниматься в заводской команде футболистов и хоккеистов. Так Эдик попал в свой, предначертанный судьбой, спортивный мир. Так у Эдуарда Стрельцова появилось основание сказать: «Я играю в футбол, сколько помню себя». Эти слова и легли в название главы.

Обратимся к воспоминаниям самого Стрельцова. Я и дальше позволю себе эту форму текстовой иллюстрации книги, благо у

меня есть эта возможность благодаря книге «Вижу поле…», которая, повторюсь, увидела свет усилиями человека, много лет знавшего футболиста, писателя и моего товарища Александра Нилина. С его согласия и согласия Раисы Михайловны Стрельцовой.

Вспоминает Э. Стрельцов

…Конечно, с тем, что было уже потом — в большом футболе, самые первые свои сезоны нельзя сравнить. Но вообще-то со мной все происходило быстро, когда касалось футбола…

Оглянуться не успел — только гоняли мы мяч на опилках (у нас во дворе в Перове ледник был, лед засыпали опилками, потом его увозили, и освобождалось поле для игры) — а уже и за детскую команду «Фрезера» ставят, бутсы надел. Вроде недавно совсем мать на меня кричала, что я футболом ботинки разбил, в которых в детский сад хожу. А вот уже она в курсе всех наших торпедовских дел и, когда я домой после игры возвращаюсь, отчитывает меня не хуже тренера: чего это я всю игру на месте отстоял?

Вырос я за одно лето, когда мне тринадцать исполнилось, до того был по росту самым маленьким в команде, но играл центрального нападающего в той почти манере, что и потом за мастеров.

Школа стала мешать спорту, несмотря на то, что здесь училась его первая любовь Аллочка Деменко. Пройдет несколько лет, и именно на ней он и женится 21 мая 1957 года, а на следующий год — 29 марта у них родится дочка — Людмила. Милочка — как они ее ласково называли. Жизнь семейная складывалась плохо. Мать Эдика — свекровь для Аллы — ревновала материнской любовью Эдика к его молодой жене, не любила ее, показывая свой тяжелый характер. Из-за этого Алла с ребенком уехала к своим родителям. Семья почти распалась.

Но это случилось позже, а тогда, после семи классов, пятнадцатилетний Эдик определился работать слесарем на заводе «Фрезер», чтобы до умопомрачения играть за свой завод в футбол и хоккей; причем играет он в команде с взрослыми мужиками, рабочими завода, которые за хорошую игру (по пять голов за одну игру забивал) часто благодарили и хвалили его, ну и, конечно, что греха таить — наливали. Прямо здесь, в раздевалке под трибуной, а если раздевалки не было, то в укромном углу стадиона, где лежала одежда. Отметим эту деталь, эти эпизоды, связанные с ранним приобщением к спиртному. И хотя молодой Эдик к этому еще не пристрастился, истоки его нежелательных поступков можно искать именно там. Стопки за очередную

тренировку, за победу, в утешение за поражение… это становилось обыденным, очевидным, неизбежным. Потом появятся поклонники, за честь считавшие — «посидеть» с кумиром: «Эдик! Отметим по малой!», «Поддержи компанию, не обижай!» Да, именно здесь формировалось начало второй стороны спортивной, звездной жизни, только по другую сторону кулис.

Победы «Фрезера» становились праздниками, рабочий класс района «гулял», и никто вроде бы не видел в этом ничего дурного. Только мама Эдика тревожилась, угадывала опасность и, конечно же, ругала сына за ранние выпивки. Он же не придавал значения происходящему, радовался жизни, футболу, друзьям, возможности вернуться поскорее домой.

На играх «Фрезера» Стрельцова приметили тренеры из «большого футбола» и пригласили в «Торпедо». Команда играла в классе «А», что означало очень многое для любого, тем более для подростка: сборы на Черном море, зарплата слесаря шестого разряда, и не за работу в цехе, а за тренировки и игру. Квартиру обещали дать им с матерью в Москве, недалеко от автозавода. Разве от этого откажешься?! И он согласился.

В 1954 году Эдик Стрельцов был заявлен игроком основного состава московского «Торпедо». Было ему тогда шестнадцать лет, летом исполнилось семнадцать. Чтобы «не дразнить гусей», руководство «Торпедо» в заявке на сезон «состарило» его сразу на семь лет. Так, по мнению «Торпедо», было правдоподобнее и легче спрятать растущий футбольный талант от соперников. Началась новая жизнь. Как потом записали в протокол допроса слова тренера В.И. Горохова: «Пришел Эдик в спортивный мир… в телогрейке». Здесь он встретил настоящих друзей — Л. Тарасова, А. Медакина, В. Воронина, В. Шустикова, В. Иванова, всех не перечислить.

Вспоминает Э. Стрельцов

…Я, конечно, ни в коем случае не жалею, что начал выступать за основной состав так рано. И сто раз повторю: нам повезло, что нас быстро заметили, оценили. Мы, может быть, и зачахли, никак бы и не проявились. Поскольку сами никуда не лезли.

…Главное для начинающего игрока — чувствовать на себе заинтересованный тренерский глаз. А годом раньше вошел в основной состав, годом позже — неважно. Заиграй только по-настоящему, чтобы закрепиться в команде надолго. Я и не думал, что так быстро попаду в основной состав.

… В первых матчах я сидел на скамейке запасных. На поле меня ненадолго, минут на двадцать, тренеры выпускали.

…В игре с ленинградским «Динамо» я уже некоторую пользу

команде принес.

Когда меня выпустили, наши 0:2 проигрывали. Но не собирались сдаваться. И второй гол забили при моем непосредственном участии, счет сквитали — я прямо на защитника шел, он от испуга ошибся и мимо своего вратаря пробил прямо в ворота…

С тбилисским «Динамо» меня уже с самого начала матча поставили играть.

В один из моментов пропихнул я мяч у защитника между ног, развернулся и в верхний угол с левой ноги пробил. У тбилисцев в воротах стоял Владимир Маргания…

Почему-то не мяч в сетке помню, а трибуны кричащие — ко мне публика в Тбилиси сразу как-то по-особенному отнеслась и всегда потом хорошо меня встречала.

А мяч после такого удара, как ребята шутили, из ворот надо было трактором вытаскивать — получился удар.

Вот с Тбилиси и сложились мои отношения с футбольной публикой.

Но запросы тогда были у нас поменьше — это точно. Приедешь после игры домой — мать накормит, форму постирает. С приятелями повидаешься — что еще? Большой футбол для меня только начинался. Я в себя очень верил, но все равно боялся: не ударить бы в грязь лицом при всех. На играх московских команд между собой народу на трибунах — не протолкнешься. Когда опять хорошо стали играть, на стадион валом валили. Это, правда, больше к последующим сезонам относится.

Но мне уже кажется, что и в пятьдесят четвертом году я все время на людях себя чувствовал…

Из футбольной истории. Первую в своей жизни золотую медаль Эдуард получил в 1956 году за победу в составе сборной Москвы на Спартакиаде народов СССР. Здесь его назвали сильнейшим центрфорвардом страны.

В 1956 году в Мельбурне Стрельцов в составе сборной СССР стал Олимпийским чемпионом. Его наградили орденом «Знак Почета».

Об этом — особый разговор. В составе сборной команды СССР, участвовавшей под руководством тренеров Гавриила Качалина и Николая Гуляева в футбольном турнире XVI Олимпиады, было всего два торпедовца. Зато каких! Двадцатидвухлетний правый инсайд Валентин Иванов и девятнадцатилетний центрфорвард Эдуард Стрельцов. Оба они к тому времени уже твердо заняли свои места в главной команде страны. Иванов провел в Мельбурне три игры за сборную и забил

один мяч, и лишь травма колена помешала ему выступить в финальной встрече. На счету Стрельцова — четыре игры и два забитых мяча. Увы, и он не играл в финале, хотя за выход в него команды сделал много, сражался самоотверженно, талант его проявился при этом блистательно.

Так, в первой игре — с Объединенной германской командой на счету Эдуарда был решающий гол, выведший советских футболистов в четвертьфинал. Анатолий Исаев, один из его партнеров по той команде, вспоминает, что «мяч, который незадолго до конца встречи забил Стрельцов…был плодом индивидуального мастерства». Эдик в своем фирменном прорыве протаранил оборону соперника.

Во второй игре, несмотря на постоянные атаки и подавляющее преимущество — как игровое, так и территориальное, — наши футболисты так и не смогли прорвать оборону индонезийцев. Более того, соперники могли даже и победить, когда их форвард ворвался в штрафную сборной СССР. Но, пытаясь поймать Яшина на противоходе, он ошибся и пробил мимо ворот.

В повторной встрече с командой Индонезии, где Иванов и Стрельцов вновь вместе вышли на поле, тренерская ставка была сделана на то, чтобы как можно быстрее забить мяч. И она себя оправдала. Наши к двадцатой минуте уже вели 2:0, индонезийцы вынуждены были раскрыться. И исход матча был, по существу, предрешен. И тут благотворно сказались активность и мастерство Стрельцова.

Наиболее сложным для советской сборной был полуфинальный матч с болгарами.

Как известно, в те годы замены по ходу игры не разрешались. И надо же было такому случиться, что во втором тайме этого принципиального поединка правый защитник Николай Тищенко сломал ключицу, а вскоре и Валентин Иванов повредил колено. Оба они остались на поле, но передвигались с трудом, превозмогая боль. И говорить об их полноценном вкладе в игру было невозможно. А ведь уже в самом начале дополнительного времени соперники открыли счет.

Советская сборная оказалась в критической ситуации. Надо было во что бы то ни стало атаковать. И вот Эдуард Стрельцов, по-особому собранный, спокойный, уверенный в победе, совершает прорыв и неотразимым ударом забивает ответный гол. У нашей команды появляется шанс на переигровку полуфинала, а то и на победу в этой игре. И вот, когда до окончания дополнительного времени остается немногим более трех минут, Борис Татушин с подачи подключившегося в атаку Тищенко

проводит решающий мяч в ворота болгар. Выход в финал состоялся. Причем при решающем вкладе в эту победу самого молодого члена сборной Эдуарда Стрельцова. Он, конечно же, горел желанием и был физически готов выйти в составе команды на финальный матч, но игра состоялась без него. На поле вышел Никита Симонян. Почему сложилось так, об этом чуть ниже.

Между тем, финальный матч против югославов, как ни странно, сложился для советской сборной легче, чем полуфинальная игра против команды Болгарии. Решающий гол забил Анатолий Ильин, поправивший мяч, летевший в пустые ворота после подачи Исаева. В этой встрече вся линия нападения состояла из спартаковцев. По одной из версий, сплоченные и дружные игроки московского «Спартака» — а их было девять — отрицательно относились к появлению на поле «иногородцев». В частности, Татушин неоднократно заявлял Качалину, что ему удобнее играть, когда рядом с ним Исаев, а не Иванов. И в этом его поддерживали не только Сальников и Ильин, но и капитан команды Игорь Нетто.

Быть может, Гавриил Дмитриевич Качалин учел это, может, захотел дать шанс Никите Симоняну, прекрасно понимая, что в его возрасте это наверняка последний крупный турнир в составе национальной сборной. Так или иначе, в финале Стрельцова на поле не было.

Крайне несправедливым тогда было положение, согласно которому право на получение золотых медалей было предоставлено лишь тем одиннадцати футболистам, кто участвовал в финальном поединке. Кстати, позже медалями разного достоинства стали награждаться все игроки, попавшие в заявку сборных. И, например, в победном для сборной СССР Сеуле-88 это правило распространялось даже на Алексея Прудникова и Вадима Тищенко, не сыгравших ни одной (!) минуты в олимпийском футбольном турнире. Ну вот и вышло, что Стрельцов и Иванов, сыгравшие больше половины встреч и внесшие большой вклад в общую победу, наград оказались лишены.

Ошибся даже Ежегодник Большой Советской Энциклопедии 1957 года, в котором написано, что «золотыми медалями за занятые первые места в 16-х Олимпийских играх были награждены следующие советские спортсмены: «…Футбол:…16) В. Иванов (г. Москва, «Торпедо»), 17) Э. Стрельцов (г. Москва, «Торпедо»)…»

Сейчас остается только догадываться, какие чувства испытывал молодой Стрельцов, когда он пропустил самый важный, как впоследствии оказалось, матч в своей жизни и когда

Симонян после награждения предложил ему свою медаль. Однако Стрельцов наотрез отказался принять эту награду от старшего товарища, перед которым преклонялся. Объяснял он этот свой поступок тем, что, мол, у него все еще впереди, а для Никиты это награда, наверное, последняя. Действительно, Эдуарду не было еще и двадцати лет, и казалось, что он находится только на пути к своей вершине. Кто мог тогда предположить, какой крутой поворот готовит Стрельцову судьба…

На таких крупных международных турнирах, как Олимпиада или чемпионат мира, Стрельцов больше не играл ни разу.

В 1957 году известный футбольный статистик Константин Есенин обобщил и проанализировал сто дней из жизни Стрельцова, со всей очевидностью свидетельствующих: и их, только их, взятых безо всего остального, сделанного Стрельцовым, достаточно, чтобы возвести его в ранг великих футболистов. Вдумаемся: девятнадцать выходов на поле, тридцать один забитый гол. В день своего двадцатилетия — 21 июля — в матче сборных СССР и Болгарии он забил два мяча. В конце июля — начале августа в турнире третьих Дружеских игр молодежи он в четырех матчах против молодежных сборных Венгрии, Чехословакии, Китая и Индонезии забил шесть мячей.

В августе, выступая за сборную страны в отборочном матче первенства мира против сборной Финляндии, Стрельцов забивает два гола. За свой клуб в чемпионате и в матче с приехавшим в Москву французским клубом «Ницца» — три. В сентябре, уже во Франции, с этим клубом, а также с «Марселем» и «Рэсингом» — на счету у Стрельцова уже семь голов. В кубковой встрече с динамовцами Тбилиси — пять.

Но рядом с успехами шли, крались и подстерегали его неприятности.

Вспоминает Э. Стрельцов

…Самым результативным нападающим в тот год был Кузьма (В.К. Иванов) — четырнадцать голов забил.

Я — двенадцать. Правда, я и меньше игр сыграл. Второй круг не доиграл. В матче с «Зенитом» травму получил. И с травмой играл против поляков дополнительный матч в Лейпциге. Когда решалось, кто же — мы или они — попадает на чемпионат мира.

Тогда же целая история вышла…

Мы с Кузьмой опоздали — примчались на Белорусский вокзал, когда экспресс Москва—Берлин от платформы отошел.

Пришлось догонять на машине. В Можайске поезд специально из-за нас остановили.

Кругом виноваты — такую вину надо, как на фронте, кровью

смывать. Но тут не кровь наша требовалась, а забитые голы. У меня ко всему травма — как я могу гарантировать, что забью? Если же не забью в этой ситуации — кому такой форвард нужен?

Олег Маркович Белаковский опять выручил — стянул ногу эластичным бинтом.

Свой гол, положенный штрафнику, я забил. И второй мяч тоже с моей подачи забили.

Тренер сборной Качалин сказал после матча: «Я не видел никогда, чтобы ты так с двумя здоровыми ногами играл, как сегодня с одной…»

Иногда и такие приятные слова услышишь.

История эта с поездом, с опозданием, с погоней даром, конечно, не прошла.

Все ошибки теперь, все промахи расценивались только так: занесся.

В применении ко мне, кажется, первому и придумали: «звездная болезнь».

Вино… Хотелось бы обойти этот вопрос — не обернется он здесь приятным для меня разговором.

О вине вина перед футболом кто же лучше скажет, если не мы? Кто — мы? Ну, я в данном случае — устраивает? Выскажу свои личные соображения, ни на что не претендуя.

Не секрет — и я не безгрешен.

Но рискну утверждать, что во всем, с вином связанным, я перед самим собой бывал виноват в большей степени, чем перед футболом, перед товарищами, с которыми вместе играл.

Никогда футболу я ради вина не изменял.

Один-единственный раз по-настоящему я оказался виноват перед футболом из-за вина — тогда в Тарасовке, весной пятьдесят восьмого года. И как был за это наказан!

Не обо всем, что случалось с ним под влиянием, скажем мягко, винных паров, вспоминает в этих строках Эдуард. Были, были и другие случаи. За них журили, о них писали, с ними мирились. Но где-то, по большому счету, их не простили и их учли (и зачли), когда случилось это роковое — в поселке Правда, весной пятьдесят восьмого года… Когда случилось то, что повернуло на сто восемьдесят градусов жизнь и спорт, многое сломало, многого лишило.

«Посадить, и надолго!»

Двадцать четвертого мая 1958 года на московском стадионе «Динамо» состоялся товарищеский контрольный матч по футболу первой сборной СССР с польской клубной командой. Победили наши. В матче в составе сборной Союза играли Э. Стрельцов, Б. Татушин — в нападении, М. Огоньков — в защите.

После матча был ужин в гостинице «Ленинградская». Естественно, среди приглашенных были и футболисты, за исключением Стрельцова, он уехал домой вместе с руководством «Торпедо».

На следующий день, в воскресенье, у футболистов — членов сборной СССР — выходной, но всем надо было приехать для примерки костюмов, сшитых им для парада на предстоящем чемпионате мира в Швеции. Собрались они в ателье в 10 часов утра в Школьном переулке, недалеко от проспекта Мира, и сотрудники ателье, охотно прервавшие свой воскресный отдых ради очередного общения с живыми легендами отечественного футбола, поочередно одевали их, подгоняя пиджаки и брюки.

Стрельцов вспоминал потом, что приехал из дома на такси, свою «Победу» он отдал в ремонт. Здесь встретился с Михаилом Огоньковым, который был на своем «Москвиче». Они дружили, хотя играли за разные команды: Огоньков за «Спартак», а Стрельцов — за «Торпедо», руководство которого не поощряло этой дружбы, мол, спутался с Огоньковым. Болтали о том, что «Спартак» переманивает Стрельцова к себе, а тот хочет согласиться на это из-за своего друга Огонькова.

После ателье они поехали к Борису Татушину, который ждал их в машине на улице Горького. В татушинском «Москвиче», кроме хозяина, сидели его друг детства, летчик Эдуард Караханов, приехавший в отпуск с Дальнего Востока, и две смазливые девушки, Инна Е. и Ирина П. Они, как оказалось, жили в подмосковном городе Пушкино, недалеко от дачи родителей Караханова в поселке Правда…

Туда, на водохранилище в Тишково, они и направились.

На заманчивое предложение провести выходной день на лоне природы Огоньков, улыбнувшись, заметил: «Девушки будут, тогда поедем. А без девушек там делать нечего».

Стрельцов молча согласился со своим более опытным другом — он старше почти на три года, ему виднее. Далее из воспоминаний следует, что именно с этого момента события начали разворачиваться по зловещему, трагическому для Стрельцова, для нашего футбола сценарию. Как было бы здорово,

не встреться он с друзьями, махни рукой на их планы, укати он не за город, а на свою Автозаводскую, корпус «г», в квартиру пятьдесят пять!

Но Эдик поехал не домой. Мог ли он знать, что порог родного жилища переступить ему суждено будет лишь через пять лет?

Поехали за девушками. До сих пор можно слышать от болельщиков, что «потерпевшей была дочь французского посла, а все это произошло на даче у министра обороны». К счастью, советская дипломатия от тех событий не пострадала, а министр обороны Р.Я. Малиновский свою дачу им не предоставлял, он вообще здесь ни при чем.

Одна из девушек, по имени Инна Е., сказала, что надо бы заехать в Пушкино и она пригласит своих двух подружек. За час добрались в Пушкино. Инна сбегала к подружкам — Марианне Л. и Тамаре Т., которые в тот день сажали картошку с родителями в огородах, и сообщила им, что на двух «Москвичах» приехали футболисты из сборной СССР, все красиво одеты и приглашают купаться на водохранилище. Разве здесь удержишь кого-то! Быстро надеты праздничные сарафаны, и компания в количестве уже восьми человек двинулась дальше.

Заскочили в магазин, затем — на дачу к Караханову за посудой, ковром, закусками, а потом поехали на берег. Следом шла «Победа», в которой уместились отец и мачеха Караханова, сосед с соседкой по даче, квартирант с квартиранткой, трое детей.

Вот такая компания около 14 часов 25 мая 1958 года расположилась на берегу водохранилища в районе Тишково.

Начался обычный отдых, который, как правило, в таких случаях сопровождается купанием, потом «выпиванием», «заеданием», песнями, волейболом. А в нашем случае еще и футболом. Играли на берегу: «Спартак» (на воротах Огоньков, в поле — Татушин) против «Торпедо» (на воротах Стрельцов, в поле — четыре девушки).

Через пять минут Олимпийский чемпион Татушин умело обвел всю «торпедовскую команду» и забил гол Стрельцову. Так и закончили 1:0 в пользу «Спартака». Не любивший поражений, Стрельцов недовольно напомнил соперникам, что «победы нужно обмывать». Упрашивать никого не пришлось. Победители, спартаковцы Татушин и Огоньков, поехали в магазин за шампанским — его не оказалось. Была «старка», у знатоков такой напиток считался чем-то средним между водкой и коньяком. Пока спартаковцы ездили, Стрельцов и его новая знакомая Марианна прогуливались по берегу, оживленно разговаривали и целовались. Дело молодое. Стрельцову — двадцать лет (свой двадцать первый

год он «отпразднует» в Бутырке), а Марианне (будущей потерпевшей) — по сообщению газет — «несовершеннолетней», если быть протокольно точным, двадцать лет, четыре месяца и два дня.

Татушин и Огоньков привезли сумку «старки». Застолье продолжилось. Пили все. И пьяные были все. Кто больше, кто меньше — этого не определить.

В ходе расследования следователи пытались разобраться, кто сколько выпил, однако, запутавшись в размерах стаканов, бросили это безнадежное дело. Около 21 часа вся группа на тех же машинах вернулась в Правду, на дачу Караханова. Хлебосольные хозяева предложили поужинать. И опять пили. Потом старшие стали расходиться по комнатам. Их там, на огромной даче Караханова-старшего, много. Наши герои стали играть в настольный теннис, а по показаниям Марианны, еще играли и в «жучка». Что это за игра, из протоколов допросов Марианны и остальных не выяснено. Лично я такой игры не знаю, но рискну предположить что-то веселое и шумное.

Взаимные симпатии между Стрельцовым и Марианной продолжали развиваться.

Поздним вечером Марианна с Тамарой стали собираться на электричку, чтобы ехать домой, но Стрельцов и Огоньков уговорили их остаться до утра. Татушин позже отвез одну девушку домой, в Пушкино: ей нужно было обязательно быть дома. Значит, замечу, желающие могли уехать, но не уехали.

Когда Татушин вернулся на дачу, он спросил, где Стрельцов с Марианной. Ему ответили Огоньков и две девушки, что Стрельцов и Марианна пошли спать, Караханов тоже там где-то. Татушин со своей знакомой Инной посидел немного и уже ночью уехал в Москву.

Что касается Стрельцова и Марианны, то они действительно оказались в комнате, куда их пригласила мачеха Караханова — Вера Георгиевна, приготовившая постель. О том, как попали в комнату, вспоминали по-разному. Стрельцов на допросах показал, что они спокойно прошли в комнату, это же подтверждали и свидетели, в том числе и Инна, которая также заходила вместе с ними в эту же комнату, а затем ушла. Марианна же говорила, что Стрельцов ее туда затащил.

По-разному вспоминают дальнейшие события участники происшествия.

Из показаний Инны Е.:

> «Услышав крик, я сначала растерялась, а потом решила, что она сама пошла со Стрельцовым — целый

день была с ним, ела с его вилки, ходила в его пиджаке, сама села к нему на колени, и поэтому я решила не входить в комнату. У меня сложилось впечатление, что Стрельцов Марианне нравится, в Тишкове она сказала, что он хороший».

Из показаний Ирины П.:

«Сидя на террасе, я никакого крика не слышала. Войдя в комнату, я сказала Караханову, что со Стрельцовым кто-то лежит на кровати… Мы легли в этой же комнате на полу, и тут я увидела, что Стрельцов с Л. выполняют половой акт. Уточняю: это было во второй раз, а первый раз я заметила это будучи на террасе. Тогда я вышла… В машине были Тамара и Огоньков, я им рассказала, что видела, а Огоньков сказал, что это не наше дело… Я не заметила никакого сопротивления со стороны Марианны, возможно, она меня не видела… Слышала, как Марианна говорила Стрельцову, что ей неудобно и у ней болят ребра».

Тамара Т.:

«Я не думала, что Стрельцов сделает что-то плохое Марианне, так как она сама пошла с ним. Ира сказала мне с Огоньковым, что Марианна лежит со Стрельцовым, и была очень возмущена этим, точнее, сказала, что «Марианна со Стрельцовым вовсю живет» и, обняв его, спит».

Необычная ситуация для изнасилованной. Не правда ли?

Стрельцов показывает, что они без особых осложнений разделись и легли в постель.

Марианна же обвиняет Стрельцова — он силой повалил ее на кровать, в борьбе против ее воли стал срывать с нее одежду. Но потом она же показывала, что одежда была аккуратно сложена на стуле. Причина противоречий так и осталась невыясненной.

Из материалов следствия видно, что потерпевшая вначале оказала сопротивление, кричала, поцарапала Стрельцову лицо и укусила его за палец. А Стрельцов в ответ на это ударил ее по лицу.

На полу в этой же комнате спал пьяный Караханов. Рядом спала его знакомая. М. Огоньков в своих показаниях пояснил, что слышал крик, но не решился пойти в комнату, помня об отношениях Стрельцова и Марианны и, видимо, приняв этот крик

за звуки другого рода. Он так и сказал: «Это не наше дело».

Ситуация становится более непонятной, если учесть, что, по показаниям потерпевшей и Стрельцова, в эту же ночь они еще раз «предались любви», но теперь уже по обоюдному согласию. Около пяти часов утра Марианна ушла одна с дачи и через два часа, около семи утра, была дома в Пушкино. Кстати, в материалах следствия нет данных о том, что происходило с Марианной от пяти до семи утра.

Мать Марианны, работница местной СЭС, увидев дочь с синяками на лице, поняв все, что произошло, уложила ее в кровать, а затем пошла и вызвала работников милиции, которые и получили от Марианны у нее в доме заявление об изнасиловании ее Стрельцовым.

Началось следствие. Сразу отмечу, что Б. Татушин и М. Огоньков проходили по этому делу в качестве свидетелей. Было признано: они не только непричастны к тому, что произошло между Эдуардом и Марианной, но и сами никаких правонарушений не совершали. Татушин вообще, как я уже писал, уехал на машине ночью, а Огоньков, хотя и просидел на заднем сиденье своего «Москвича» вместе с Тамарой до утра, однако ничего подобного не совершал. Дело на него, правда, возбудили, но потом, хотя и «со скрипом», прекратили. Здесь надо отметить, что Тамара вначале тоже подала на Огонькова заявление о привлечении его к уголовной ответственности за изнасилование, однако через сутки это заявление она забрала и утверждала, что оговорила Огонькова.

Подала заявление о том, что прощает Стрельцова, и Марианна, но, несмотря на это, прокурор П. Маркво 28 мая 1958 года санкционировал арест Стрельцова. Дело было возбуждено 26 мая 1958 года следователем Мытищинской районной прокуратуры Муретовым и 2 июня 1958 года оно было передано для дальнейшего следствия в вышестоящую прокуратуру — Московскую областную. Дело принял к производству старший следователь областной прокуратуры А. Маркво, он его и заканчивал, предъявлял обвинение, подписывал обвинительное заключение.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассказать, как развертывались события вокруг этого дела.

26 мая 1958 года утром, как вы помните, следователи получили заявление от потерпевшей. В этот же день, 26 мая 1958 года, в понедельник, около 12 часов дня сборная СССР по футболу после выходного начала съезжаться на спартаковской базе в Тарасовке для продолжения последнего этапа тренировок перед выездом в Швецию. Приехали все, в том числе и наши

герои: Стрельцов, Татушин и Огоньков. А около 15 часов нагрянувший в Тарасовку на спецмашинах усиленный наряд милиции задержал и увез этих футболистов. Разразился неслыханный скандал.

Уже утром 27 мая 1958 года начальник сборной СССР по футболу В. Мошкаркин, после посещения прокуратуры, где с ним не стали разговаривать, доложил руководству Управления футбола Спорткомитета СССР В. Антипенку и Л. Свиридову о том, что два нападающих и один защитник сборной страны арестованы милицией по подозрению в изнасиловании и что на чемпионат мира команда уедет ослабленным составом.

В тот же день, 27 мая 1958 года, в «лучших традициях» социалистической действительности, не ожидая итогов разбирательства, состоялось Постановление Спорткомитета СССР о пожизненной дисквалификации Эдуарда Анатольевича Стрельцова. Можно сказать, что свой приговор Спорткомитет уже вынес!

После этого доклад и сообщение о принятых мерах начали движение наверх. От Председателя Спорткомитета Н. Романова информация пошла к заведующему отделом — секретарю ЦК КПСС, курировавшему спорт, от секретаря ЦК — Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву.

Взбалмошный характер Никиты Сергеевича Хрущева общеизвестен. Как не вспомнить здесь и про «кузькину мать», его «крылатое» выражение на дипломатических переговорах периода «холодной войны», и про ботинок, которым он стучал в ходе одного из докладов в ООН для усиления аргументации, и про предательство в отношении Маршала Г. К. Жукова!

Мстя Сталину, упрятал в тюрьму на 8 лет его сына Василия.

Подлила масла в огонь Е.А. Фурцева, в то время 1-й секретарь МГК КПСС. Она давно обижалась на Стрельцова. Рассказывали, что еще в 1957 году на приеме в Кремле в честь олимпийцев Фурцева подошла к Стрельцову и спросила: «Эдик, хочешь познакомиться с моей дочкой?» Ему бы ответить: «Конечно, хочу», но подвыпивший Стрельцов в присутствии друзей-футболистов, не задумываясь, брякнул:

— Не-е, я свою Алку ни на кого не променяю! — Сконфуженная Фурцева отошла в сторону, затаив обиду.

А теперь Стрельцов попал в беду. Любимец рабочего класса, всего народа, легенда русского футбола что-то там натворил. Есть возможность лишний раз показать всему свету свою силу и власть, свою непримиримость к недостойным поступкам людей, невзирая на лица. Чтобы уважали и боялись, чтобы другим неповадно было. «Делай все наперекор другим, против того, о чем

просят, и будешь уважаем вдвойне» — так шутят между собой власть имущие.

Так и поступил Хрущев. Вместо того, чтобы мудро распорядиться, поручить тщательно рас-следовать все и принять продуманное и законное решение, он, как говорили сведущие люди, постучал ногами по полу, руками по столу, назвал Стрельцова негодяем и подлецом и закончил все это коротким словом «посадить», а вдогонку, посмотрев на Романова, добавил «и надолго».

Рекомендация-приказ пошла вниз по той же схеме, только теперь с «заходом» к Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко. Хрущев и Руденко были в хороших отношениях. Вместе долгое время работали на Украине, где Р. Руденко был Прокурором УССР. До этого он справился с трудной задачей Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.

Короче, после смерти Сталина и избрания Н. Хрущева на пост Первого секретаря ЦК Руденко 1 июля 1953 года был назначен Генеральным прокурором СССР, и в тот же год под его, Руденко, личным руководством было успешно завершено «знаменитое» дело Л. Берии и «его банды» (прежний Генеральный прокурор СССР Г.Н. Сафонов за слабый прокурорский надзор за законностью в стране был снят с должности и понижен на 10 ступеней). До 1958 года, за эти пять лет, Прокуратура СССР нареканий не имела, и лично Р. Руденко — тоже. Потом он станет Героем Социалистического Труда, Действительным Государственным советником юстиции (по-военному — Маршал), почетным доктором Пражского и Берлинского университетов и пробудет в должности 27 лет, «пережив» двух Генсеков. А тогда пятидесятилетний Р.А. Руденко продолжал «набирать очки» и с Хрущевым из-за Стрельцова спорить не стал. Решение было принято «мудрое». Дело ведет прокуратура области, забрав его из района, надзор осуществляет прокурор Московской области, а Прокуратура Союза тоже не остается в стороне, она осуществляет методическое руководство и помощь, по существу, не отвечая ни за что. Для этого из Прокуратуры Союза выделили опытного работника Э.А. Миронову.

Как говорят у нас в прокуратуре, дело «гнали». Суд, как и было поручено, был скорым и, увы, неправым. Об этом еще пойдет речь.

А тогда, для ужесточения будущего приговора, к делу по изнасилованию присоединили прекращенное полгода назад — 21 декабря 1957 года — уголовное дело по хулиганству, и этот эпизод получил отдельный состав преступления и отдельную квалификацию: статья 74 часть 2 УК РСФСР — злостное

хулиганство, уголовная ответственность — до пяти лет лишения свободы. Утвердил этот следственный «финт» заместитель Генерального прокурора СССР А. Камочкин.

Что это значило для Стрельцова, легко себе представить. Дело в том, что незадолго до этого было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по борьбе с мелким хулиганством».

Газеты были переполнены выступлениями против нарушений правопорядка. Читаю, например, в подшивке того времени:

С волнением слушаю слово ЦеКа,
Оно, словно лезвие по сердцу.
И я не в силах молчать — строка
Сама на бумагу просится.
В великое время, в великой стране,
В буднях труда и маршей
Мы позволяем какой-то шпане
Мешать нам в работе нашей.

Действительно, звериный облик подонков, своими финками и кастетами мешавших окружающим спокойно трудиться, вызывал у простых людей ненависть и отторжение. Как же недостойно для блюстителей порядка было приравнять к ним Стрельцова, приписав к его недоказанному преступлению проступки, возведенные в ранг злостного хулиганства! И попал таким образом Эдуард под «меч» советской Фемиды. Разве могла власть пропустить столь удобный случай показать свою силу на таком «удачном» примере?

Стоит ли удивляться, что 24 июля 1958 года представитель государственного обвинения прокурор Выборнов, сославшись на санкцию части I Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» от 10 до 15 лет, и с учетом других преступлений, «навешанных» Стрельцову, просил суд определить ему, Стрельцову… Сколько бы вы думали? Правильно, по полной программе, пятнадцать лет лишения свободы. Суд, «сжалившись», дал двенадцать лет. Стрельцова увезли обратно в Бутырку, мать в обмороке — в больницу.

Так великий футболист потерял свободу и любимый спорт, для которого был рожден, а страна лишилась многих золотых страниц в истории отечественного футбола.

В поисках правды

Убежден, что восстановить правду по делу Стрельцова необходимо. Любимец болельщиков был обвинен в преступлении, которого, может быть, и не совершал. Да и было ли само преступление? Может, имела место любовная интрижка, зашедшая… дальше, чем обычно, неосторожные поступки, спровоцировавшие действия, неправильно потом квалифицированные?

Вот уже более сорока лет, и особенно после смерти Стрельцова, многие писатели и журналисты, юристы и режиссеры пытаются ответить на эти вопросы. Они нашли в жизни Стрельцова почти все, и только период с 25 мая по 24 июля 1958 года — это тот срок, в который спрессовалось само событие, его расследование и суд, — остался белым пятном. Даже друг и биограф Стрельцова, Александр Нилин, горестно поделился со мной, что не видел материалов следствия и суда. Без надежды на успех прозвучали его слова: «А где нам взять это уголовное дело и кто нам его даст?»

Дошло до того, что и сейчас мои друзья — работники Генеральной прокуратуры и Верховного суда, узнав, что я работаю над этой темой, звонят и спрашивают: «Слушай, ну ты расскажи нам, что же совершил Стрельцов вместе со своими подельниками Огоньковым и Татушиным?» На эти вопросы я давал ответ: «Потерпите немного, все узнаете. Терпели же более сорока лет!»

Включившись в поиск уголовного дела, я дал себе зарок, что постараюсь изложить по нему официально зафиксированные факты, увидеть и объективно описать ход следствия и суда. И все это для того, чтобы помочь читателю узнать, пусть и спустя годы, правду о Стрельцове.

Найти уголовное дело Э. Стрельцова оказалось далеко не просто. Во всяком случае, Главный информационный центр МВД РФ, а эта служба всегда отличалась объективностью и осведомленностью, на наш запрос от 14 августа 1997 года прислал весьма оригинальный ответ: «Данными об осуждении Стрельцова Э.А. ГИЦ МВД РФ не располагает».

Вот так! Вся страна уже более 40 лет этими данными, пусть и необъективными и далеко не полными, располагает, а МВД не располагает вообще!

И главное, не нашлось ни там, ни в других органах человека, который тяготится этим, пытается разобраться и ответить на бесчисленные вопросы, в том числе и на такой: «А был ли кумир

миллионов болельщиков преступником? А может, он жертва судебной ошибки, небрежности, примитивного шантажа? Чьих-то уязвленных амбиций?»

Почему возникли трудности с поиском уголовного дела, почему это оказалось действительно крайне сложным?

Во-первых, по существующим правилам хранения уголовных дел оно должно было быть уничтожено еще в 1973 году, однако по решению судебных архивных работников это дело было сохранено, за что им большое спасибо.

Во-вторых, по УПК РСФСР того периода дело должно было слушаться и потом храниться в районном суде по месту совершения преступления, то есть в Пушкинском районном народном суде. Но в 1958 году территория входила в Мытищинский район. Однако в Мытищинском районном народном суде это дело не рассматривалось. Пришлось, говоря языком футболистов, «поработать ногами», то есть побегать по инстанциям. В Московском городском суде и в Верховном суде России дела тоже не было. Оказалось оно в особом архиве и числилось за Московским областным судом, который рассмотрел это дело в 1958 году почему-то по первой инстанции.

Итак, местонахождение уголовного дела установлено. Теперь нужно было его изучить и при наличии оснований написать в Верховный суд заявление о принесении протеста в порядке надзора или, как говорят, надзорную жалобу о реабилитации Э. Стрельцова, то есть признании его невиновным и незаконно осужденным.

Людская молва все эти годы говорила, что он просидел свой срок «за того парня».

Косвенно помогла в нашем расследовании газета «Советская Россия». 29 июля 1997 года она опубликовала заметку бывшего прокурора следственного управления Прокуратуры СССР Э.А. Мироновой. Позволю себе привести выдержку из этого материала, а также несколько раз сослаться на него.

«Расследование по делу Стрельцова, — пишет Э.А. Миронова, — с первого дня по поручению Генерального прокурора СССР велось лично мной. Следствием было установлено, а многие футболисты в то далекое время на суде слышали и видели, что Стрельцов, будучи «в стельку пьян», несмотря на отчаянное сопротивление несовершеннолетней Марины Л., выбил ей зубы, сломал нос, порвал одежду и изнасиловал. Марина плакала, звала на помощь, оказала отчаянное сопротивление, но силы были неравны — нападающий Стрельцов и хрупкая девушка-подросток! Она случайно оказалась в этой компании, пыталась ее покинуть, но ее обманным путем

завели в одну из комнат дачи и заперли там вместе со Стрельцовым. Кроме этого, за год до случившегося Стрельцов учинил дерзкое хулиганство в Пролетарском районе г. Москвы. Было возбуждено уголовное дело, однако доброжелатели в лице футбольных боссов и руководителей ЗИЛа сделали все, чтобы Стрельцов вообще не понес наказания. Именно тогда он и решил, что ему все позволено. Предъявленное Стрельцову обвинение в судебном заседании подтвердилось. Приговор Стрельцов не обжаловал».

Когда я прочитал это повествование, у меня вначале опустились руки. Если все действительно так, как пишет старший советник юстиции, заслуженный юрист РСФСР и опытный следственный работник (справки навел непосредственно в Генеральной прокуратуре), то нужно поднять руки вверх, выше головы, и замолчать по этому делу навсегда.

Однако за годы работы в органах прокуратуры я не раз вынужден был ставить под сомнение рассказы своих коллег. Знаете, почему? Если следственный работник начинает усиленно украшать свое выступление — устное или письменное — всевозможными эпитетами в превосходной степени, то смело делай вывод и не ошибешься: он, мягко говоря, не совсем прав. Это, как выражается молодежь, «100 процентов».

В газетном выступлении Э.А. Мироновой «громких» слов по делу Стрельцова более чем достаточно. Поэтому я решил работу продолжить.

Забегая вперед, замечу, что в небольшой заметке бывшего прокурора о Стрельцове многое оказалось неправдой, не было там ни выбитых зубов, ни порванной одежды, никто никого не запирал.

Добавил уверенности звонок из Центра по связям с общественностью Генеральной прокуратуры России. Работник этого Центра, куда я обратился с просьбой о встрече с Мироновой, сообщил, что Эльвира Алексеевна встречаться и разговаривать по делу Стрельцова ни с кем не желает. Это тоже, как мне думается, свидетельствовало не в ее пользу.

Заместитель председателя Московского областного суда К.А. Зотин встретил меня неприветливо, хотя раньше мы были знакомы: я служил военным прокурором в подмосковном Наро-Фоминске, а он в то время был председателем соседнего районного народного суда в Одинцове.

К.А. Зотин долго читал соглашение с Российским футбольным союзом и мой ордер на ведение дела Стрельцова в порядке надзора. А потом тихо сказал: «Дело уже изучалось в Верховном суде. Все оставлено без изменения. Приговор «стоит».

Есть ли смысл опять им заниматься?» Но потом уступил:

— Приходите через пять дней. Мы запросим для вас из архива дело и выдадим его для изучения.

Это была маленькая победа. Через пять дней мне выделили кабинет в Московском областном суде и выдали уголовное дело Стрельцова на 423 листах.

Более месяца ушло у меня на тщательное изучение дела. Многое для меня в нем прояснилось.

Я установил, в частности, что с 3 июня 1958 года допросы в составе группы стала вести прокурор следственного управления Прокуратуры СССР Э.А. Миронова.

Ее допросы отличались глубиной, чего не скажешь про остальных членов следственной бригады. Они систематически допускали нарушения закона, из документов следствия видно, что квалификация их была крайне низкой. Как говорят в прокуратуре (повторим еще раз) — дело гнали. Закончили следствие 5 июля 1958 года.

Расследовать дела всегда нужно оперативно и быстро, тем более особо контрольные. И по закону был установлен двухмесячный срок. На подобные дела, как захочет прокурорское начальство, могли дать один месяц, могли — полтора. В моде был двухмесячный срок с вынесением приговора. Оправдывая эти «следственные гонки», даже придумали тогда практическое обоснование, которое звучало со всех трибун на коллегиях и оперативных совещаниях: «Необходимо максимально приблизить акт судебного реагирования к факту совершенного преступления». Потом кадровики в приказах так и писали: «Дело расследовано в двухмесячный срок с приговором. Преступник осужден к длительному сроку лишения свободы. Следователя и прокурора наградить почетной грамотой». Не хватает только «Ура!».

7 июля 1958 года дело Стрельцова, не читанное и не изученное никем, прокурор Московской области П. Маркво с нарушениями правил подсудности направил в Московский областной суд. Почему никем не читанное и не изученное?

Просто потому, что оппонентам легче согласиться с тем, что дело никем не изучалось, чем объяснять имеющиеся нарушения законности и небрежность, допущенные по этому делу и оставшиеся без какого-то реагирования или «незамеченными».

Вот некоторые из них. Начну с мелких, от этого не менее ярких.

Протокол допроса Огонькова подшит в дело таким образом, что после четвертого листа следует шестой, потом — пятый, а в протоколе допроса Стрельцова седьмой лист подшит не той

стороной.

Протокол дополнительного допроса обвиняемого Стрельцова подшит в дело впереди основного. Это что? Читали дело? В дело вшиты фототаблицы, на которых изображена потерпевшая и Стрельцов со следами телесных повреждений, но такого следственного действия никем не проводилось, фототаблицы никем не подписаны.

Копии протоколов обысков и выемок никому не вручались, вещественные доказательства в присутствии понятых при их изъятии не упаковывались и не опечатывались.

Неясно, как появились образцы крови и слюны Стрельцова на биологической экспертизе, протокол изъятия образцов для сравнительного исследования отсутствует, а в акте экспертизы указано, что их принес в портфеле (!?) следователь Маркво из Бутырской тюрьмы, а как их там получали и хранили, остается только догадываться. Эксперты не предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения либо за отказ от дачи экспертного заключения.

Практически ни в одном протоколе следственных действий не указано время их проведения. Дело дошло до того, что показания протоколировались карандашом на каких-то нестандартных листах и обрывках, как будто следствие велось не в Москве, а в Тайшетском лагере или в двадцатых годах, когда с канцтоварами была «напряженка».

В качестве понятых привлекались заинтересованные лица — свидетели и потерпевшая.

Описательная часть обвинительного заключения, составленного следователем Маркво и утвержденного прокурором области Маркво, не соответствует тексту постановления о привлечении Стрельцова в качестве обвиняемого.

Все это, разумеется, недопустимо и делает материалы следствия в правовом отношении абсолютно не состоятельными.

Арест Стрельцова согласно постановлению произведен 28 мая 1958 года, а во всех остальных документах, в том числе и в приговоре, указано, что он арестован 26 мая 1958 года. А как могли допустить при принятии заявления, что потерпевшая не была предупреждена об уголовной ответственности за заведомо ложный донос? Иными словами, ей и ее матери не дали даже повода задуматься: а не выглядят ли поведение потерпевшей, совершенные ею поступки провокационными, не рискует ли она, оговаривая Стрельцова? Весь день, первый день их знакомства, она на глазах у окружающих обнималась и целовалась с Эдуардом. Добровольно, по показаниям свидетелей, пошла с ним

в комнату, легла в постель, предварительно раздевшись, спала до утра в его объятиях. Тут было о чем задуматься, если бы, повторюсь, придавая этому исключительное значение, ее предупредили бы об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, что, кстати, требуется по закону и до сих пор.

Само заявление потерпевшей об изнасиловании не было нигде зарегистрировано и прокурором не рассматривалось. Во всяком случае, об этом в деле нет ничего. С учетом присоединенного дела по хулиганству, к чему я еще вернусь, общий срок следствия нарушен на 28 суток. Продление срока следствия не производилось.

28 мая 1958 года был направлен в КПЗ Огоньков, затем освобожден; постановления о его освобождении в деле нет и сколько его там держали — неизвестно.

На первый взгляд, кто-то может посчитать все это мелкими нарушениями. Как оправдывался один мой подчиненный, далеко не лучший следователь, «они не влияют на существо дела». Это он так писал в объяснениях перед получением взысканий. На самом деле, и такие огрехи самым непосредственным образом влияют на судьбу и подозреваемого, и обвиняемого, и подсудимого. Понять их, огрехи эти, конечно с оговорками, можно было при условии, если бы дело расследовал начинающий следователь. Но следствие по делу Стрельцова вела областная прокуратура при участии представителя Прокуратуры Союза.

Что это? Низкая квалификация, отсутствие профессиональных навыков? Сомневаюсь. Это выполнение указаний сверху: очень быстро закончить дело. С запрограммированным исходом передать его в суд и доложить в ЦК о выполнении заказа. А все эти подписи, даты, протоколы, написанные даже не ручкой, а карандашом, никому не были нужны. Изначально было ясно: никто на это внимание не обратит и не потребует правильно, без огрехов оформить дело на предварительном следствии, а затем законно рассмотреть его в суде. Убежден, оспорить мое утверждение, что перед отправкой в суд дело никто как следует не изучал, вряд ли кто возьмется. Ни в вышестоящих прокурорских, ни в судебных инстанциях, где вроде бы должны, точнее, обязаны были этим многократно заниматься. Слишком вопиют факты!

Обобщая, смею утверждать и то, что следователи представили в суд не дело, а какой-то ворох плохо подшитых бумаг. В этой связи мне вспоминается Владимир Яковлевич Царев — первый прокурор в моей жизни, «папа», как мы его про себя звали, под руководством которого я начинал работать в прокуратуре в Новосибирске. Он почти каждый день повторял

нам, молодым следователям, одно и то же: «Запомните, уголовное дело — это ваше лицо. Оно должно быть чистым, красивым и аккуратным. Если в деле у вас хаос, то это значит и в голове у вас то же самое. Поняли?»

«Лица» юристов, занимавшихся делом Стрельцова, их квалификация, знания, навыки явно не соответствовали нормативным требованиям, не говоря уже об указаниях нашего «папы».

Но в деле есть и более серьезные нарушения законности. Так, УПК РСФСР в те годы, как и сейчас, предоставлял право обвиняемому ознакомиться с заключением экспертиз и высказать свои соображения по их содержанию. Стрельцова этого лишили, нарушив его права на защиту.

А между тем, группа и тип крови Стрельцова и Караханова полностью совпали. Это иногда встречается на практике. И Стрельцов, изучив акт экспертизы, мог выдвинуть другую версию, после чего я лично не позавидовал бы следователям.

Представьте, что Стрельцов заявил бы: «Да, были вместе на водохранилище, вместе пили, вместе приехали на дачу, вместе зашли в комнату, я полез к ней, она не дается, поцарапала мне щеку, я ударил ее, а потом… отвернулся и заснул. А изнасиловал ее, видимо, поднявшийся с пола Караханов, вот и кровь его на ее одежде имеется».

Караханов по причине опьянения ничего не помнит. Потерпевшая, как она утверждает, без сознания была, то есть тоже ничего не помнит. Кровь Караханова по типу и группе совпадает с кровью, обнаруженной на одежде потерпевшей. В этом случае показания Стрельцова вполне логичны, и опровергнуть их было бы ох как нелегко.

Порой меня, признаться, одолевают смутные сомнения: а может быть, так оно и было? Не случайно же в конце жизни Стрельцов еще раз сказал матери и сыну Игорю, что не ему надо было бы сидеть за все это.

Иных образцов для сравнительного исследования, которые берутся в таких случаях по делам об изнасилованиях, по причине упрощенчества и гонки дела у следствия не имелось. Что было бы тогда с делом? Как минимум, — прекращение за недоказанностью.

Или такой пример. Следователь А. Маркво направил потерпевшую «на мазки» через неделю после случившегося. Интересно, что он там собирался найти, через неделю-то? Естественно, идентифицировать в этом деле экспертам-биологам было нечего.

Мне не хотелось бы здесь, на страницах книги, описывать

утвердившуюся на практике методику расследования дел этой категории, рассказывать про мазки, про смывы, про влагалищный эпителий, про идентификационные исследования биологов. Скажу только, что профессионального мастерства следователи в этом деле не проявили. Им просто повезло, что Стрельцов с самого начала и до самого конца полностью признавал свою вину. Признавался во всем, где надо и где не надо, по-мальчишески все брал на себя, как будто хотел сказать: «Вам надо, чтобы я все признал? Да, да, да…»

К слову сказать, мы хорошо знаем из истории и литературы немало случаев, когда в гнетущей обстановке тюрьмы и следствия сдавали свои позиции, шли на самооговор и вынужденные признания, оказывались сломленными люди значительно большего, чем у Стрельцова, жизненного опыта, интеллекта, более поднаторевшие в правовых вопросах, более закаленные в психологических поединках.

Не знал тогда Эдуард, что тюремные острословы давным-давно изобрели поговорку: «Признание своей вины — это кратчайший путь в тюрьму». Ему, конечно, говорили, что раскаяние будет смягчающим обстоятельством. Однако в обвинительное заключение, а потом и в приговор в качестве смягчающих обстоятельств этого, конечно, не записали.

Говоря о том, что Стрельцов покорно соглашался со всем, в чем его обвиняли, хочу еще раз подчеркнуть: следователи ухватились за это и не дали себе труда доказать его вину фактами. Между тем, это является особенно важным в делах об изнасиловании. Поясню читателю, почему.

Во все времена изнасилованием признавалось половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Это охватывалось частью первой той правовой нормы, которая предусматривала уголовную ответственность за данные действия. Частью первой всегда предусматривались действия с наименьшей общественной опасностью. На практике это называется «простое» изнасилование. Уголовные дела этой категории возбуждались и возбуждаются только по жалобе потерпевшей.

В отдельных случаях, на которых не будем останавливаться, возможно возбуждение уголовного дела и без жалобы потерпевшей.

Существовали ранее, существуют и сейчас более опасные составы этого преступления: изнасилование, сопряженное с угрозой убийством, причинением тяжкого телесного повреждения, либо совершенное лицом, ранее совершившим

изнасилование, либо совершенное группой лиц, особо опасным рецидивистом, или изнасилование несовершеннолетней либо малолетней.

Сейчас добавились такие квалифицирующие признаки, как совершение изнасилования организованной группой, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией и другие.

К делу Стрельцова относится только то, что было указано в самом начале. Эти действия в 1958 году квалифицировались по части I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Наказание от 10 до 15 лет лишения свободы.

И еще — из теории проблемы, из вопросов, которые полезно знать всем.

Изнасилованием признается половое сношение помимо или против воли потерпевшей путем применения к ней физического насилия либо с использованием ее беспомощного состояния. Таким образом, изнасилование характеризуется двумя самостоятельными действиями: насилием, предназначенным для подавления сопротивления потерпевшей, и совершением с ней полового акта вопреки ее воле.

Потерпевшим от изнасилования выступает лицо женского пола.

Объективная сторона изнасилования заключается в половом сношении мужчины с женщиной против воли последней. Физическое насилие характеризуется воздействием на тело потерпевшей, включая причинение ей телесных повреждений различной тяжести.

Рассмотрим обстоятельства, при которых со-вершены действия, повлекшие за собой осуждение Стрельцова.

Имело ли место половое сношение? Да, если исходить из показаний потерпевшей и самого Стрельцова, из заключения гинекологической экспертизы.

Имело ли место половое сношение вопреки желанию потерпевшей? Можно сказать, что да. Об этом свидетельствуют действия потерпевшей: она оказала ему определенное сопротивление, поцарапала лицо, укусила за палец, кричала.

Но здесь надо остановиться подробнее. Мог ли Стрельцов в этой ситуации правильно оценить действия потерпевшей, не принять все это за кокетство и «ломание»? Конечно же, мог. Вспомните, как и сколько времени они провели вместе в тот день, как заходили в комнату, где им приготовила постель хозяйка дачи и куда она же их сама и пригласила.

Немножко отвлекусь и приведу рассказ чемпиона СССР по

боксу, участника Мельбурнской Олимпиады Э. Борисова, думаю, читатель поймет, почему:

> «Своего тезку Эдика Стрельцова я знал хорошо. В те годы я выступал за общество «Спартак», несколько раз выигрывал первенство Центрального Совета «Спартака» и сборы для нас часто проводились на спартаковской спортивной базе в Тарасовке. Сборы тогда проводились длительное время. Тренировались много, а в свободное время, как правило, ничего не делали. Вот и решило спартаковское руководство открыть прямо на базе для спортсменов танцплощадку недалеко от ворот. Девчонки толпами съезжались на эти танцы. Билеты покупали и танцевали с нами. Особенно пользовались успехом футболисты, когда сборная СССР проводила там свои сборы. К Эдику Стрельцову очередь стояла, чтобы потанцевать с ним. Пользовался он у подмосковных девушек большой популярностью, а девчонки съезжались тогда к нам со всей области и даже из Москвы. Когда возвращались с Мельбурнской Олимпиады и восемь суток ехали поездом Владивосток-Москва, на каждой большой станции нас встречали, угощали, благодарили. Эдик Стрельцов пользовался и здесь наибольшей популярностью».

Еще раз напомню вопрос о том, мог ли Стрельцов правильно оценить действия потерпевшей?

Следующий вопрос. Применил ли Стрельцов к потерпевшей физическое насилие? Да, применил. Он ударил ее рукой по лицу и причинил легкие телесные повреждения. Но за что?

Для квалификации этих действий как изнасилование или покушение на него необходимо, чтобы насилие это предназначалось для подавления сопротивления потерпевшей. Так ли было у Стрельцова? И на следствии, и в суде он последовательно объяснял, что, разозлившись на потерпевшую, нанес ей удар только за то, что она укусила его за палец и поцарапала ему лицо. И только за это. Но никак не для преодоления ее сопротивления.

Неубедительно? Может быть. Но только обратное должен доказывать не Стрельцов, а следствие и суд — Стрельцову, если бы руководствовались они принципом презумпции невиновности. Это по всем законам, и по старым, и по новым. Однако никто ничего не доказывал, оценки показаниям Стрельцова в судебных решениях не дано, а просто записано: «после этого изнасиловал». После «этого» — чего? Если «это» направлено совсем на другое, а

обратное не только судом не доказано, но даже не принято во внимание и не оценено.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об изнасилованиях» обращало внимание на то, что при рассмотрении дел этой категории суды должны обязательно устанавливать, являлось ли применение насилия средством к достижению цели по преодолению сопротивления потерпевшей. Только при наличии этого обстоятельства действия виновного могут рассматриваться как изнасилование. В связи с чем судам рекомендовано отличать физическое воздействие на потерпевшую в ходе изнасилования или покушения на него от других преступных посягательств, затрагивающих, например, честь и достоинство потерпевшей, неприкосновенность ее личности, оскорбление и тому подобное.

А теперь еще раз вспомним ситуацию. Вместе были двенадцать часов, проявляя друг к другу обоюдные симпатии, ничто не предвещало какого-либо конфликта. Поведение потерпевшей и всего окружения ввело в заблуждение Стрельцова по поводу ее отношения к нему. Действия потерпевшей Стрельцов расценил как кокетство, естественную стыдливость, а ее сопротивление как мнимое. Плюс ко всему не опровергнутое субъективное мнение о причине и цели нанесенного удара потерпевшей по лицу.

Не забудем и о наличии на даче большого количества людей, внимание которых не было привлечено к комнате, где находились Стрельцов и Марианна. Вот и получается, что с учетом психологической ситуации, поведения участников события, добросовестного заблуждения Стрельцова происходящим, изнасилование не доказано. Это как минимум. Таково мое твердое мнение. И я в нем далеко не одинок. Многие мои коллеги его полностью разделяют. Те же, от кого зависела судьба Стрельцова, получив, видимо, установку «свыше», не отягощали себя многотрудным добыванием доказательств по делу, не терзались в поисках единственно правильного решения. Они на скорую руку «накатали» пару страниц приговора и упекли парня на двенадцать лет в «места не столь отдаленные».

Теперь про потерпевшую. Как бы хотелось футбольным фанатам представить ее с самой плохой стороны!

20-летняя девчонка, чертежница подмосковного НИИ, из простой рабочей семьи. Ее познакомили с кумиром, и не просто с кумиром, а с кумиром № 1 в спорте № 1. Это ведь все равно, что оказаться рядом с кинозвездой или народным героем. У девчонки, конечно же, закружилась голова. От счастья, от мыслей о своем будущем, может быть, с ним, со Стрельцовым.

И вот они в одной комнате. Как вести себя в той ситуации? Кто посоветует? Привлеченный ее обаянием, он проявляет мужское домогательство. Она сопротивляется, кусает его за палец, от неожиданности и боли он бьет ее по лицу. Происходит половой акт. Она возмущается, но не скандалит, не обвиняет его, не уходит, хотя, если бы это произошло против ее воли, уход ее естественен. Они до утра остаются вместе, в одной постели. В объятиях друг друга, после всего случившегося они снова «предаются любви». На этот раз уже добровольно с ее стороны. Необъяснима девичья психология, сложны обстоятельства случившегося. Тем более решать дело нужно было по закону, а не по конъюнктуре, с добром в сердце и мудрым знанием жизни. И, конечно же, с учетом всего того, что обычно принимается во внимание.

Без конца меня спрашивают: а где сейчас потерпевшая? Что с ней? Встречался ли я с ней?

Отвечаю. У меня есть ее адрес и я знаю, где она живет. Но к ней я не ездил и с ней не встречался. Отвечаю сразу на вопрос: почему? А зачем с ней встречаться? Что это даст? Ну, допустим, скажет она через сорок лет, что все было по-другому, по согласию.

Ну и что дает такое признание? Ничего это не дает. Все, что нужно было сказать, она сказала тогда, в 1958 году, и в ходе следствия, и в ходе суда, и на основании тех ее показаний, согласующихся с другими показаниями, доказательствами, признанием обвиняемого выносились и приговор, и кассационное определение. Так что работать нужно только с документами уголовного дела, составленными в 1958 году.

Что же касается отношения потерпевшей к Стрельцову, то она его простила еще 30 мая 1958 года. Правда, прощение это, говоря словами следователя, действительно оказалось как мертвому припарка.

Предвижу и чувствую злобные и недовольные выпады оппонентов в мой адрес:

— Заступаешься за Стрельцова. Заботишься о нем. А если бы дочку твою так?

Ответ у меня готов:

— А если бы сына твоего так? На двенадцать лет, из-за непреднамеренной ошибки двух молодых людей?

Не было учтено и многое другое из того, что обычно принимается во внимание. Так, за два месяца до рассматриваемых событий у Стрельцовых родилась дочь.

Мать его была инвалидом.

Он был кавалером ордена «Знак Почета».

Он являлся Олимпийским чемпионом, был заслуженным мастером спорта СССР.

Но, несмотря на все это, смягчающих обстоятельств в личности Стрельцова ни следствие, ни суд не нашли.

Кстати, о личности. За свою следственно-прокурорскую жизнь я видел достаточное количество характеристик в уголовных делах: хороших, плохих, противоречивых, пригодных для рубрики «Нарочно не придумаешь». Но такого исследования личности, как по делу Стрельцова, я не встречал ни разу: характеристик на Стрельцова в следственном деле нет вообще. Ни одной.

Вдумаемся, восстановим вехи биографии Стрельцова. После седьмого класса — рабочий. С ранней юности — футболист. В заводской команде, в «Торпедо», в сборной страны. Автор многих виртуозных голов, зачастую решавших исход встреч. Кумир болельщиков и любимец команды. И ни о чем этом ни строки в уголовном деле. Ни одной характеристики!

Дело дошло до того, что судья А. Гусев во время досудебной подготовки вызвал мать Стрельцова и попросил ее принести хоть какую-нибудь характеристику в суд. Уж не знаю, почему его мать не пошла на ЗИЛ или в «Торпедо», видимо, предполагала, что это бесперспективная затея. Пошла она к соседям, где они ранее жили, в Перово, и те подписали коллективную характеристику на Стрельцова, утвердили ее у управдома. Вот содержание этой характеристики: «Дана гр. Эдуарду Стрельцову от жильцов дома № 2 по ул. 1-го Мая гор. Перово. Проживая в нашем доме с его основания до выезда на новое место жительства, мы, жильцы, очень близко знали Эдуарда Стрельцова. Он был скромным, вежливым юношей и никогда не было замечаний со стороны жильцов дома. Был очень вежлив со старшими». Далее следует двадцать подписей и печать управдома.

Значит, уже не скажешь: «Ни одной характеристики!» Одна в деле все-таки есть. А на следствии, изучая личность обвиняемого, а этого требует закон, следователи и прокуроры обошлись без характеристик. С задачей изучения личности они справились весьма оригинально. Приобщена справка о взысканиях, наложенных на Стрельцова за последние годы, из которой следует, что Стрельцову объявлено три взыскания за грубую игру в футбол на поле и два взыскания за нарушение спортивного режима — пьянку.

Подшиты в дело три заметки из газеты «Московский автозаводец», фельетон от 2 февраля 1958 года из «Комсомольской правды» (автор С. Нариньяни) «Звездная болезнь», где Стрельцов критикуется за плохое поведение в быту, и подшита еще одна статья из «Комсомольской правды» — «Еще

раз о звездной болезни», авторы Н. Фомичев и И. Шатуновский.

В последней статье авторы 22 июня 1958 года, еще до судебного решения, называют Стрельцова «уголовным преступником», «социально опасным элементом» и «лицом, на которое не распространяются советские законы». Это уже прямое нарушение Конституции СССР. Даже той — старой, «сталинской».

Не забыли подшить в дело и справку о заработной плате, чтобы суду было видно, что Стрельцов, попросту говоря, «зажрался». Допросили нескольких человек из числа руководства, которые в страхе за свою репутацию официально, в протоколах с личными подписями, на пяти — восьми листах каждый, рассказали о личности Стрельцова.

Особенно «усердствовали» секретарь парткома завода А. Фатеев, заместитель председателя заводского комитета профсоюза Н. Платов, журналисты газеты «Московский автозаводец» А. Новичков и В. Устинов, врач С. Егоров, начальник команды В. Ястребов, тренер В. Горохов, руководители заводского спорта С. Кулагин и В. Соколов.

Допросы вела лично Э. Миронова. Она выяснила все — от причин разлада в семье до легкого венерического заболевания. И опять-таки — ни одного хорошего слова.

А в это самое время рабочий класс страны собирал подписи и тысячами отправлял их в Москву Н. Хрущеву и Р. Руденко.

Аркадий Иванович Вольский, в то время трудившийся в литейном цехе ЗИЛа, рассказывал, что эти письма на заводе писали по цехам. Свои письма Р. Руденко послали два Героя Социалистического Труда и три депутата Верховного Совета СССР, работавшие тогда на ЗИЛе.

Даже в воинских частях солдаты и офицеры писали письма наверх с просьбой: если нельзя прекратить дело, то хотя бы учесть заслуги Стрельцова. По закону все письма по уголовному делу приобщаются к нему. В деле Стрельцова этих писем нет. Возникает вопрос: где они? И почему не приобщены к делу? Ответ простой: эти письма надо рассматривать как документы, смягчающие ответственность. А именно такие в этом деле не нужны. Ведь задача поставлена: посадить, и надолго! Хоть бы для проформы приобщили к делу копию орденской книжки, свидетельство о рождении дочери, справку об инвалидности матери, копию удостоверения заслуженного мастера спорта СССР, справку о том, что является чемпионом Олимпийских игр. И хотя закон требовал собирать обстоятельства, не только отягчающие, но и смягчающие вину, ничего этого сделано не было.

В этой связи мне вспоминается другое дело. В свое время я писал научную работу по криминологии (наука о преступлениях),

которая называлась «Психологический портрет преступника». Для исследования я решил найти такого преступника, который одновременно совершил бы два преступления, причем одно умышленное, а другое неосторожное.

И такого преступника я нашел. Им оказался знаменитый армейский хоккеист, заслуженный мастер спорта, чемпион мира, Европы и Олимпийских игр (фамилию называть не буду, тем более что он уже ушел из жизни). Так вот, этот хоккеист в 1961 году в районе кинотеатра «Ленинград», недалеко от московского пансионата ЦСКА, на автомашине «Победа» своего отца, будучи в нетрезвом состоянии, нарушил правила дорожного движения. Сбил человека, причинив ему серьезные телесные повреждения, а затем скрылся с места происшествия. Было совершено два преступления: статья 211 УК РСФСР (автопроисшествие) и статья 127 УК РСФСР (оставление в опасности).

Дело расследовал следователь военной прокуратуры Московского гарнизона. Молодой лейтенант. Ему не давали никаких ценных указаний, его не опекали и не лезли помогать. Главный военный прокурор А. Горный дал только одну рекомендацию — расследовать все объективно.

По делу был досконально исследован и доказан факт опьянения водителя, проведена автотехническая экспертиза, установившая нарушения правил дорожного движения, собраны документы, подтверждающие другие неблаговидные поступки хоккеиста. Но было сделано и другое. Были приобщены документы, характеризующие личность подследственного: награды, дипломы, чемпионские ленты и медали, свидетельство о рождении сына (ему было тогда полгода), допрошены не только тренер Анатолий Владимирович Тарасов, но и хоккеисты А. Рагулин, К. Локтев, А. Фирсов, А. Альметов. Была предоставлена возможность возместить потерпевшему материальный ущерб. Официально ему, потерпевшему, была оказана финансовая помощь. При слушании дела в военном трибунале был допущен общественный защитник.

Хоккеист этот получил условную меру наказания. Впоследствии вел себя безукоризненно. Еще несколько раз становился чемпионом мира и Олимпийских игр. Закончив активный спорт, долгое время работал детским тренером в ЦСКА, дослужился до подполковника.

Я, конечно, понимаю, что Стрельцова обвиняли в преступлении более тяжком, чем ДТП этого хоккеиста. Хотя как посмотреть: там пострадавший чуть не лишился жизни, мог остаться инвалидом. Но я хочу подчеркнуть все то же: уголовные дела должны быть расследованы объективно, без всяких уклонов

в обвинительную или в оправдательную сторону.

Но вернемся непосредственно к делу Стрельцова.

По УПК того периода адвокаты допускались только на стадии судебного разбирательства. Так что Стрельцов, со своими семью классами образования, в одиночку боролся со следственной группой.

Представляете себе Стрельцова при ознакомлении с делом в конце следствия, когда в экспертном заключении он читает: «Обнаружение агглютиногенов «А» и «В» производилось при помощи реакции абсорбции агглютининов в количественной модификации с изосыворотками «а» серии № 55 и «Ь» серии № 50, разведенными физиологическим раствором хлористого натрия до титра 1:32»?

Не знаю, как для Стрельцова, для меня, юриста с немалым прокурорским стажем, все это непросто. Кстати, судебно-биологическая экспертиза, проведенная в НИИ судебной медицины Минздрава СССР под руководством профессора М. Бронниковой, вызывает массу нареканий.

Итак, следствие вроде бы доказало виновность Стрельцова в изнасиловании. Сам он признает все. Показания потерпевшей и свидетелей в чем-то согласуются между собой. Экспертизы подтверждают выводы следствия. Получено все это, правда, с нарушением законности, но о какой законности может идти речь, если в этом деле о ее соблюдении, законности этой, никто и речи не ведет?

Действия Стрельцова квалифицированы по части 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Санкция статьи от 10 до 15 лет лишения свободы. Как вы полагаете, достаточно? По-моему, более чем. Но это только по-моему или по-нашему. А «товарищи», которые вели дело, посчитали, что этого маловато.

Помните, в «Советской России» Э.А. Миронова сообщает, что Стрельцов за год до этого случая нахулиганил в Пролетарском районе Москвы, а дело на него прекратили? Это-де и породило у него чувство вседозволенности.

Так вот, это, как пел Высоцкий, только присказка, сказка — впереди.

Из прокуратуры Пролетарского района Москвы истребуется прекращенное полгода назад — 21 декабря 1957 года — уголовное дело по хулиганству, отменяется постановление о прекращении его, и этот эпизод теперь уже в качестве дополнения к изнасилованию получает отдельный состав преступления и отдельную квалификацию: статья 74 часть 2 УК РСФСР —

злостное хулиганство. Уголовная ответственность — до пяти лет лишения свободы. А чтобы не возникало лишних вопросов, Э.А. Миронова 21 июня 1958 года утверждает свое постановление у заместителя Генерального прокурора СССР А. Камочкина.

Это уже не просто удар ниже пояса, а еще ниже.

Стрельцов объясняет, что в том «хулиганстве» 9 ноября 1957 года он является потерпевшим, что это его ударили по лицу и причинили телесные повреждения. Он погнался за хулиганом, чтобы его задержать. Никого не трогал, а только побеспокоил шумом жильцов в подъезде и в квартире, где искал обидчика. Это же подтвердила свидетельница Г. Чупаленкова и другие лица. Но куда там! Разве их будут слушать, коль скоро появилась возможность добавить срок Стрельцову? Все его просьбы об исключении этого эпизода были отклонены.

Идея о подключении дела о хулиганстве понравилась следователю А. Маркво, и тот уже из отделения милиции истребует и приобщает другие материалы вместе с «корочками» и описью, а также со всеми милицейскими каракулями, к делу. Это еще одно дело о хулиганстве Стрельцова, теперь о мелком, у метро «Динамо», 26 января 1958 года, за что он привлекался к административной ответственности. В постановлении, забыв указать дату, следователь Маркво так и записал: «Приобщить к настоящему делу для характеристики обвиняемого Стрельцова материал по мелкому хулиганству». Этот материал свидетельствовал о том, что нетрезвого Стрельцова не пропускали в метро и он там позволил себе грубость в отношении граждан и работников милиции. За это ему присудили трое суток административного ареста. В этот вечер они нарушили «спортивный режим» на «Динамо» вместе со Славой Метревели. Тот остался «догуливать» с земляками, а Эдик поехал домой.

Таким образом, дело Стрельцова разбухает до критических размеров. Ему уже предъявлено обвинение по двум статьям — статья 74 часть 2 УК РСФСР (злостное хулиганство) и часть 1 Указа 1949 года (изнасилование). Но и этого мало. Ведь установлено, что в ходе изнасилования Стрельцов побил потерпевшую и причинил ей легкие телесные повреждения.

По теории уголовного права легкие телесные повреждения, причиненные в ходе изнасилования, отдельной квалификации не требуют. Все это включается в состав преступления по изнасилованию. Это знает каждый студент юридического института. Так нет же, и здесь есть возможность добавить количество статей УК.

Чем больше, тем лучше для следствия, тем громче можно рапортовать начальству о выполненном задании. Так появляется в

обвинении Стрельцова еще одна статья: 143 часть 1 УК РСФСР — причинение легких телесных повреждений. Квалификация неправильная. Однако реагирования от надзирающих прокуроров не следует. Причины? Не хочу утомлять читателя. Все те же.

Под конец следствия в прокуратуру Мытищинского района следователю Муретову (помните, он начинал это дело?) пришло письмо из подмосковной Мамонтовки, в котором завуч детского дома Е. Новоспасская приглашает следователя на юбилей детского дома. Письмо как письмо, по существу, личного характера. Но в тексте письма автор сообщает, что возмущена преступлением Стрельцова и далее пишет, что по ее, Новоспасской, мнению: «Стрельцов — это наглый откормленный садист, уверенный в том, что положение, которое он занял в спортивном мире, его спасет или облегчит наказание».

И делает вывод: «Стрельцов — ни кто иной, как сексуальный выродок».

Кто хоть раз был в отделе писем любой более или менее популярной газеты или просто в нормальной организации, тот знает, как поступают с такого рода подметными письмами. Ан нет. Письмо «с мнением народа» следователь Муретов срочно отправил в прокуратуру области. И там эту находку достойно оценили — приобщили к делу (лист дела 251). И в этом, конечно, нарушения закона нет. Но задайтесь вопросом — почему сотни других писем от людей не менее уважаемых, чем этот педагог, остались за пределами дела? Да просто они следствию были не интересны и осложняли бы задачу, так как свидетельствовали за Стрельцова, в его защиту. Нормальными людьми владело понятное желание облегчить судьбу своего кумира. А следствие и суд их мнение и желание не устраивали.

Стрельцов сидел под стражей в Бутырке. Вернулась с чемпионата мира из Швеции сборная СССР. Выступила, естественно, неудачно. Во многом из-за отсутствия трех ведущих футболистов. Ну, со Стрельцовым понятно. Но почему не играли Татушин и Огоньков? Ведь они были только свидетелями по делу. Их вывели из состава сборной и дисквалифицировали еще 27 мая 1958 года, и после этого они так и не восстановились. От большого спорта их отлучили. Татушин утратил свои скоростные качества. У Огонькова обострилась болезнь почек. В сборной они больше не играли, были на тренерской работе. Оба рано ушли из жизни.

Из футболистов на допросы никого не вызывали, ограничились руководством, которое дало нужные следствию показания.

5 июля 1958 года следователь А. Маркво подписал

обвинительное заключение. 7 июля 1958 года прокурор области П. Маркво направил его в суд.

Здесь хотелось бы сослаться на статью 17 Положения о прокурорском надзоре в СССР (1955 года), в пункте втором которого говорилось, что «прокурор обязан строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному ограничению в правах». По делу Стрельцова это касается всех прокуроров, причастных к нему, это при их попустительстве так расследовалось дело.

Я не ставил перед собой задачу задним числом выгородить, обелить Э. Стрельцова. Если он виновен, то должен был отвечать. Но если виновен! И отвечать по закону и по справедливости, а не быть той пешкой, которой власть решила пожертвовать в назидание другим. А служебный долг тех прокуроров, честь мундира должны были стать гарантией того, чтобы дело расследовалось объективно. В УПК было записано, что задачами советского уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Именно такой подход хотелось найти в работе по этому делу следователей, прокуроров и судей. Но, увы…

Теперь о суде. Вспомните, как описывала его Э.А. Миронова в «Советской России»: «…Многие футболисты в то давнее время присутствовали на суде и собственными ушами слышали и видели…» Дело в том, что не было в суде никаких футболистов и ничего они там не слышали и не видели. Суд проходил при закрытых дверях.

По закону дело должно было быть направлено по подсудности в районный народный суд. Прокурор П. Маркво направил его в областной, а тот оставил его у себя для слушания в первой инстанции. Все бы ничего, это допускалось как исключение, но, по УПК РСФСР того периода, судебная процедура в областных судах была несколько иной, чем в районных, при этом она существенно ухудшала положение подсудимого.

В частности, в областном суде можно было не исследовать документы, заключения экспертиз, протоколы осмотров и экспериментов, но ссылаться в приговоре на них при этом разрешалось.

Если подсудимый признал свою вину, дал соответствующие показания, областной суд мог вообще дальнейшее судебное

следствие не производить. Более того, мог отказаться и от выслушивания судебных прений сторон. Представляете картину: привезли в областной суд подсудимого, тот все рассказал честно, и суд сразу же удаляется для вынесения приговора? Вот, наверное, когда родилась поговорка: «Суду все ясно».

Статья 32 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик (1938 года) определяла, что областному суду подсудны дела:

1. О контрреволюционных преступлениях.
2. Об особо опасных преступлениях в области государственного управления.
3. О хищениях социалистической собственности.
4. Об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях.

Вот в какую компанию попал наш Стрельцов. К врагам народа(!), для которых приговоры умещались на двух-трех страницах и для которых было установлено это особое судопроизводство в областных судах — без судебного следствия, без исследования документов и иных доказательств и даже баз судебных прений.

В деле Стрельцова, правда, не было «только» оглашения документов, заключений экспертиз, протоколов следственных экспериментов и осмотров. Судебное следствие в сокращенном варианте и прения состоялись. Вину свою Стрельцов в изнасиловании опять признавал полностью, а по хулиганству — нет. Статья 143 часть 1 УК РСФСР (причинение легких телесных повреждений), естественно, «повисла» в воздухе.

Среди болельщиков упорно ходили слухи, что Стрельцов плохо вел себя в суде, пререкался с судьями и говорил, что лучше бы он остался жить во Франции, куда его приглашали. И за это его якобы «засудили».

Это неправда. Не давал Стрельцов повода к раздражению судей. Вел он себя в суде нормально, принес извинения потерпевшей, ни с кем не спорил, про возможность остаться за границей ничего не говорил.

Адвокат Московской городской коллегии Миловский просил оправдательного приговора по хулиганству. А за изнасилование — не более пяти лет лишения свободы. Не правда ли, странную позицию занял адвокат и, естественно, под его влиянием Стрельцов? Они фактически согласились с обвинением по изнасилованию и оспаривали лишь меру наказания по этому преступлению. Считаю, что Миловский должен был просить суд оправдать Стрельцова и по изнасилованию. Можно лишь предположить, что опытный адвокат понимал бесполезность и

даже опасность для подсудимого борьбы за оправдательный приговор. Как мы уже знаем, суд дал двенадцать лет лишения свободы. Кассационные жалобы Стрельцова и две жалобы его адвоката Верховный Суд РСФСР оставил без удовлетворения.

Через два года — в 1960 году — в порядке помилования Президиум Верховного Совета РСФСР снизил Стрельцову наказание до семи лет. Сразу на пять лет. Может быть, дошло до власти возмущение людей по поводу неправого суда над Стрельцовым или сработали ходатайства друзей, болельщиков, родных? Сейчас сказать сложно.

Пробыв в различных колониях Кировской, Московской и Тульской областей почти пять лет и заработав на вредном производстве в Электростали и в районе Новомосковского химкомбината силикоз легких, Э. Стрельцов был условно-досрочно освобожден четвертого февраля 1963 года из исправительно-трудовой колонии Донского района Тульской области (45-я шахта по добыче кварца).

К сказанному можно добавить, что в июле 1998 года, в ходе завершения работы над книгой, неожиданно состоялось мое знакомство с Эльвирой Алексеевной Мироновой. Мы встретились в одной из телевизионных студий ОРТ, где в программе «Как это было» готовилась передача о судьбе Э.А. Стрельцова.

Эльвира Алексеевна — на пенсии. Она заслуженный юрист РСФСР, старший советник юстиции, проработала следователем около пятидесяти лет.

В телепередаче она рассказала о ходе следствия, его сложностях, согласилась, что осудили Стрельцова слишком строго.

Поделилась воспоминаниями о том, как прекращалось уголовное дело на Огонькова. Надо признать, что Миша Огоньков избежал судьбы Э. Стрельцова именно благодаря Эльвире Алексеевне. Она передопрашивала его и «потерпевшую», заново проводила очную ставку, принимала от «потерпевшей» новое заявление, выносила постановление о прекращении дела на Михаила.

Но когда мы отмечаем это сейчас, возникает вопрос: почему такая же гуманность не была проявлена ею в отношении Стрельцова?

Никаких больших упреков и обид в связи с моей позицией в деле Стрельцова я от Э.А. Мироновой не услышал. Когда после записи мы шли к машине, она сказала мне, что, к сожалению, уже неточно помнит детали дела Стрельцова. Возможно, где-то и ошибается. Прошло 40 лет. За эти годы «через нее» прошли сотни, если не тысячи, уголовных дел, в том числе дело Чикатило, дело

об убийстве адмирала Холостякова. Так что отдельные детали именно дела Стрельцова забылись.

Слушая ее, я подумал о том, что вряд ли уместно сейчас, по прошествии стольких лет, предъявлять к ней какие-то претензии. Была другая эпоха, другие подходы, другие взгляды. И хотя сама она отрицает возможность какого-то давления «сверху», оно, конечно же, было, и прямых, и косвенных подтверждений этому более чем достаточно.

Такова горькая правда по уголовному делу Эдуарда Анатольевича Стрельцова.

Дни, ведущие в никуда

Но вернемся немного назад. В 15 часов 26 мая 1958 года все трое — Стрельцов, Татушин и Огоньков — были доставлены в Мытищинскую районную прокуратуру. Здесь их уже ждали. Прокурор еще утром создал следственную группу. Работникам милиции поручили заниматься потерпевшей стороной, осмотром места происшествия, изъятием вещественных доказательств. Работники прокуратуры должны были допрашивать «виновную» сторону, то есть троих доставленных. Их развели по разным кабинетам, где одновременно начались допросы. Стрельцову достался следователь Муретов. Еще не старый, но уже довольно-таки опытный работник районной прокуратуры.

Начался диалог.

Следователь: Ну, Стрельцов, давай рассказывай, что натворил?

Стрельцов: Когда?

Следователь: Не дурачься, сам знаешь когда, в ночь на 26 мая. Только не говори, что ничего не помнишь. Она все помнит.

Стрельцов: Кто?

Следователь: Кто? Кто? Потерпевшая, которую ты изнасиловал. Вот кто!

Стрельцов: Вы что-то путаете.

Видя, что Стрельцов «поплыл», Муретов продолжал напирать, потом взял лист бумаги, протянул его Стрельцову и с видом победителя твердо сказал:

— На бумагу, пиши явку с повинной, тебе же лучше будет.

Эдик взял лист, ручку и начал писать, потом отдал чуть заполненную бумагу следователю. Тот, предвкушая маленькую победу, быстро пробежал глазами:

«Прокурору Мытищинского района
от Стрельцова Эдуарда Анатольевича,
1937 г.р., проживающего: г. Москва,
ул. Автозаводская, кор. «г», кв. 55

Явка с повинной

25 и 26 мая 1958 года мы были на даче в Правде. Никакого изнасилования я не совершал и ничего про это не знаю.

Стрельцов.

26 мая 1958 г.»

— Ничего себе явка с повинной, — с нескрываемой досадой протянул Муретов.

Примерно то же самое происходило в соседних кабинетах, где допрашивали Татушина и Огонькова. Легче всего было Татушину, он действительно ничего не знал, уехал с дачи в ночь на 26 мая и что там происходило, ни Огоньков, ни Стрельцов ему еще толком не рассказали.

Подходил конец рабочего дня. Следователи добросовестно записали все, о чем поведали наши «герои». Картина складывалась неважная: потерпевшая, ее подруга, эксперт-гинеколог утверждают, что было изнасилование. К тому же на Марианне обнаружены телесные повреждения, а на Тамаре, которая просидела в машине с Огоньковым всю ночь, никаких повреждений нет. Однако она тоже подала заявление об изнасиловании ее Огоньковым.

Виновная сторона — «вся в отказе». Татушин вообще ничего не знает. А Огоньков и Стрельцов не признают даже самого факта полового сношения, не говоря уже о насилии.

Наступил вечер. В прокуратуре понимали, что дело еще не готово, сырое. Отправлять доставленных Огонькова и Стрельцова обратно на базу в Тарасовку нельзя, арестовывать тоже нельзя: прокурор уехал домой, печать у него в сейфе, санкции на арест не получили. Да он и не дал бы. Решили Татушина отпустить, а двух других оставить в кабинетах прокуратуры до утра. Следователи оставили им чайник и расположили футболистов ночевать на стульях. Татушина послали в магазин, он купил два батона хлеба, колбасы. Для порядка на ночь оставили с ними стажера.

Весь следующий день прошел в допросах, а ночь опять на стульях.

Утром 28 мая материал доложили прокурору. Тот принял решение: на Татушина дело не возбуждать, он ни в чем не виновен, а Стрельцова с его санкции арестовать и содержать в Бутырской тюрьме, так как на него данных достаточно без его признания. С Огоньковым в течение дня продолжать разбираться. Если не будет признаваться, задержать его вечером, как подозреваемого, на трое суток, а потом принять по нему решение.

Через тридцать минут было готово постановление об аресте Стрельцова, а еще через пятнадцать минут он сидел уже в «зверятнике» мытищинского отделения милиции.

К обеду его отвели в подвал, там находилась камера предварительного заключения, или коротко — КПЗ.

За свою недолгую жизнь Эдик Стрельцов в таких заведениях

не бывал никогда. Пару раз милиция задерживала его пьяным: подержат час-другой, а потом, после звонка от руководства «Торпедо», отпустят или даже отвезут домой на машине. Теперь этого не будет, понял Эдик. Он был прав. Трагедия набирала обороты.

Камера мытищинского КПЗ оказалась полутемной комнатой, четыре на четыре метра. Деревянные нары на высоте тридцати сантиметров. Там, где обычно кладут голову, вместо подушек, под углом была прибита доска. В камере — спертый воздух, страшная вонь от постоянного нахождения в ней, мягко говоря, не очень чистых десяти-пятнадцати человек, грязной обуви, белья, испорченных остатков продуктов, ну и, конечно же, знаменитой во все российско-советские времена «параши» — сваренного кустарным способом бака на три-четыре ведра, в который оправляются люди и который выносится из камеры один раз в сутки утром.

Под самым потолком тускло мерцала зарешеченная лампочка, так что Эдик, зайдя в камеру, сразу не мог разглядеть ничего. Только услышал чей-то голос:

— О, с приехалом!

— Здрасьте, — ответил Эдик, поняв, что таким образом с ним здороваются.

К нему подошел парень лет двадцати пяти с недельной щетиной, худой, и, как показалось Эдику, больной, потому что все время покашливал.

— Ну, рассказывай, по какой чалишься, — обратился парень к Эдику.

— Чего? — спросил Стрельцов, не поняв, что от него требуется.

В камере раздался дружный хохот.

— Рассказывай, говорю, за что сел? Тут ведь для кого тюрьма, а для кого дом родной, — продолжал худой.

— За изнасилование я, — смущенно ответил Стрельцов.

— А-а, тогда тебе места на нарах нет, пока посиди в углу.

Эдик не понял, почему к нему такое отношение. Но не ослушался. Направился в «свой» угол к батарее, снимая куртку. Под курткой была надета старая, но чистая торпедовская футболка с буквой «Т», а на спине его футбольный номер «9». Неожиданно за спиной Эдик услышал чей-то удивленно-восторженный голос:

— Мужики, да это же Стрельцов!

— Ну-ка, тихо всем, — услышал Эдик другой голос.

С нар поднялся мужчина лет тридцати пяти — сорока, смуглый, седоватый, небольшого роста, тоже худой, но чисто

выбритый и свежепостриженный под «ежик». На правой брови боксерский шрам от глубокого рассечения.

— Стрельцов? — спросил он.

— Да! — ответил Эдик.

— Футболист из «Торпедо»?

— Точно.

— Ну, тогда садись рядом, немножко поговорим.

Выслушав сбивчивый рассказ Стрельцова, авторитет начал свои пояснения:

— Статья у тебя позорная, за нее здесь бушлат на голову надевают. Бросят тебя твои начальники. Ни ты, ни твоя семья им больше не нужны. Посадят на приличный срок. И не думай, что отношение к тебе будет особое, как к знаменитости. Знаменитостей здесь вообще не любят. К этому надо готовиться. Но мы тебя не бросим. Поддержим. «Маляву» загоним на волю, пустим ее по этапу. Адвоката дадим: или Додика Аксельбанда, или Миловского. Спать будешь здесь, рядом со мной. Насчет пожрать не волнуйся — подогреем, грев будет. А когда увезут на Бутырку, то и там организуем, что надо. Меня туда же отправляют. Понял? Все ясно?

— Все почти понял, — ответил Эдик. — А как вас звать?

— Николай меня зовут. А погоняло мое Загорский. Запомни это, если что, можешь на меня ссылаться.

— И еще вопрос, — сказал Эдик, — бушлат на голову здесь для чего надевают-то?

Авторитет ухмыльнулся:

— Ложись спать, герой, тебе не наденут, не бойся.

Вечером этого же дня Эдик слышал, как надзиратель в коридоре КПЗ называл фамилию Огоньков. Он понял, что Мишка тоже арестован и содержится здесь же.

«Эх, Михей, Михей! Ты-то за что здесь?» — подумал Эдик.

Ночью Эдик почти не спал. Ворочался на жестких досках нар и все думал про маму, про ребят, про Алку с дочкой. Утром уснул под тихое посапывание спящего рядом нового знакомого. Подняли в шесть утра: «оправка», «пересчет». Потом через «кормушку» пайка хлеба на весь день, тарелка какой-то бурды и кружка кипятку. «Весло» протянул Николай. Есть не хотелось, в рот ничего не лезло. Бока болели страшно. В 10 утра подняли к следователю. Показали бумаги, экспертизу. Допрос шел недолго. На вопрос следователя: «Скажите, вы изнасиловали потерпевшую?» Эдик послушно согласился: «Да, я ее изнасиловал», — и подписал протокол. Когда через два месяца, перед судом, знаменитый московский адвокат С.А. Миловский попросил Стрельцова рассказать, что такое «изнасилование»,

Эдик не смог сказать ничего кроме слов: «Ну! Это! Сами знаете!»

На следующее утро под конвоем на «черном воронке» его и еще трех человек повезли в Бутырский следственный изолятор. Через зарешеченное окошко в обшивке старого «ГАЗона» Эдик узнавал улицы летней Москвы, видел солнце, красивых девушек в платьях-колокольчиках. На душе было муторно и тревожно.

Въезд в Бутырку был такой: как открываются ворота, слышно, а как закрываются, видно в «решку». Машина миновала трое ворот. Заехали в бокс. Охранник по бумаге начал проверять доставленных: он — фамилию, ты — статью, имя и отчество, он — год рождения, ты — число и месяц. Таким образом проверяли личность доставленного. Ошибки исключались. Потом обычная процедура для арестованных: «шмон», стрижка волос наголо, душ, осмотр врачом, дактилоскопирование, затем в «привратку» — комнату для ожидания. Дальше идет «выклик», а потом «вертухай» разводит по камерам.

Эдика отвели в камеру № 127. Не знал тогда он, что нахождение в этой камере называется «сидеть на спецу», то есть в специальной камере, где ведется оперативная работа с теми, от кого надо добиться более полных показаний или признания. Камера была получше, чем в КПЗ. Двухъярусные металлические кровати, их называют «шконками», выдаются одеяло и подушка (их тогда называли почему-то соответственно «баба-яга» и «одуванчик»), выдается тонкий матрац.

Три раза в квадратное отверстие в двери «баландер» приносит еду: полбуханки хлеба на день, кипяток, каша или картошка и «рыбкин» суп. Эдика это не смущало. Есть все равно не хотелось. Пугала неопределенность и полное незнание ситуации.

Окошко камеры выходило во двор. Если громко кричать, то можно узнать и сообщить что угодно. Вечером его так искали. А на следующий день «послали коня». В маляве было написано: «Стрелец — мужик нормальный». Эдик понял, что это от Коли Загорского. С этой малявой, своеобразным удостоверением личности, Стрельцов и прошел за пять лет Бутырку, пересылку на Пресне, два раза вологодский этап в «Столыпине» с собаками, пять лагерей в Вятлаге, зону в Электростали на вредном производстве и два лагеря при 41-й и 45-й шахтах в Донском, под Тулой.

Никогда Эдик больше не видел этого авторитетного в уголовном мире человека, но до конца дней своих помнил его и тогда еще сделал твердый вывод, что ЭТИ люди словами не разбрасываются.

Как потом узнал Эдуард, в эти же дни за него сражался с

обстоятельствами другой человек — его близкий товарищ Борис Татушин.

26 мая 1958 года, около 7 часов вечера Татушин, или «Татушкин», как по-дружески звал его Эдик, вышел из мытищинской прокуратуры.

«На базу, в Тарасовку нужно бы ехать. Там сборы. Там команда готовится к чемпионату мира, через три дня выезд в Гетеборг», — подумал Борис. — А ребята сидят? Нет, не на базу ехать надо, хрен с ней, с базой, а в Москву, ребят спасать. Что-то предпринимать. Но что? С кем посоветоваться? Что делать?»

Боря сел в электричку и поехал в Москву, с вокзала домой, завел свой «Москвич» — ив «Торпедо». Нашел там бывшего футболиста, друга Эдика, Леву Тарасова, с ним поехали к матери Стрельцова — Софье Фроловне, потом к Эдику Караханову.

Всех нашел в этот летний вечер Боря Татушин и в своей машине повез их в Пушкино извиняться перед потерпевшими и уговаривать их. О чем? Кто-то посоветовал, чтобы забрали заявления. В другом месте высказали мысль, что нужны новые заявления, в которых девушки прощают ребят. В третьем — чтобы написали, что ничего вообще не было.

«Хорошо бы какого-нибудь юриста найти или адвоката, но где их брать-то? И вообще как это делается?» — Боря Татушин с пятью классами образования, конечно, этого не знал. А вот то, что руководство «Торпедо», «Спартака» и сборной Союза заниматься этим не будет, это он знал точно. Там таких ЧП не любят и не прощают.

Эх, была — не была. Вперед, куда кривая выведет.

В Пушкино были около 12 ночи. Тамара быстро согласилась и написала:

«Прокурору Мытищинского района

Заявление

Прошу считать мое заявление, поданное Вам 26.05.1958 г. об изнасиловании меня гр. Огоньковым, неправильным.

В действительности изнасилования не было, а заявление я подала, не подумав, за что прошу меня извинить.

Тамара Т.

27.05.1958 г.»

В этот вечер, точнее уже ночью, мать Марианны непрошеных гостей в дом не пустила. Но мать Эдика упросила разрешить приехать к ним на следующий день. Та согласилась.

На следующее утро эта же компания — Татушин, Караханов, Тарасов и мать Эдика — опять поехали к потерпевшей в Пушкино. Ребята остались в машине, в дом пошла только мать Эдика. Все-таки женщина женщину быстрее поймет. Софья Стрельцова понесла подарки потерпевшей: коробку зефира, банку варенья, яблоки и цветы. Все, что смогли собрать, но от чистого сердца…

Все трое в доме плакали. Плакали матери, переживая за своих непутевых детей, плакала потерпевшая… И решили…

— Приезжайте через два дня, 30 мая, напишем все, что надо, — сказала мать Марианны.

30 мая ровно в 9 часов утра Татушин с Левой Тарасовым и матерью Стрельцова отправились в Пушкино, получили от потерпевшей заявление и сразу же отвезли его в Мытищи, в прокуратуру, благо это было по дороге, по Ярославскому шоссе.

Документ был написан так:

«Прокурору Мытищинского района

Заявление

Прошу прекратить уголовное дело в отношении Стрельцова Эдуарда Анатольевича, т. к. я ему прощаю.

Марианна Л.

30.05.1958 г.»

Прочитав это заявление, следователь Муретов усмехнулся и сказал Татушину:

— Это заявление, как мертвому припарка. Уголовные дела об изнасилованиях прекращению за примирением сторон не подлежат.

Татушин, разбиравшийся только в футболе, из этого понял одно, что Стрельцову хорошего ждать нечего.

На следующий день из КПЗ выпустили Огонькова и дело на него прекратили. Текст заявления, написанный «его» потерпевшей, подходил под прекращение дела. Ему повезло. А вот Стрельцову — нет.

Теперь, спустя годы, страшно подумать, что Стрельцов не избежал предначертанного ему на ближайшие годы кошмара только из-за равнодушия, из-за безразличия тех руководителей

команды, кого он считал близкими. Рядом не оказалось знающего грамотного человека, по совету которого было бы написано юридически толковое заявление, такое хотя бы, как у Тамары. Тем более что текст заявления Марианну и ее мать не интересовал вообще. Всего-то несколько слов, но так необходимых для принятия решения в пользу Стрельцова, и тогда, как Огонькова, его бы освободили.

Но случилось то, что случилось, прошлого не переделаешь. И дело по указанию Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко передали для дальнейшего расследования в прокуратуру Московской области.

По старому закону адвокаты допускались к уголовному делу только в суде. На этапе следствия их участие было не положено.

Несколько раз Эдика вызывали на допрос новый следователь А. Маркво и работник Прокуратуры СССР Э.Миронова. Записывали показания, провели очную ставку с потерпевшей. Один раз водили в «больничку», брали кровь из пальца и слюну на марлю и в пробирку. Сказали, что для экспертизы. Потом, уже перед судом, появился адвокат.

15 июля состоялось их знакомство.

— Миловский Сергей Александрович, из Московской коллегии адвокатов, — представился пожилой солидный мужчина. — Со мной заключили соглашение на вашу защиту. Я вас буду защищать. Не возражаете?

— А кто заключил? — настороженно спросил Эдик.

— Ну, допустим, твои родственники, — и после паузы, — скорее всего друзья, — пояснил адвокат, умело переходя на «ты». — Ордер уже оплачен, так что за это не волнуйся.

«Опять Коля», — догадался Эдик, вспомнив разговор в КПЗ.

Адвокат продолжал:

— Я уже изучил твое дело. Там все записано. Конечно, можно бы было занять другую, более хитрую позицию. Признаваться во всем подряд не следовало бы, это явно лишнее, но теперь менять ничего не будем, поздно, только испортим ситуацию. Руководство ЗИЛа и «Торпедо» помощи никакой не оказывают. Даже характеристику не дают. Был я уже и в парткоме у Фатеева, и в завкоме у Платова. И в команде у Ястребова. Все говорят, что характеристику давать не будут. Ездил в Спорткомитет, там дали только справку о наложенных взысканиях.

— Вот суки, — вырвалось у Эдика.

— Ну, ничего, — продолжал адвокат. — Мать твоя поехала в Перово, брать характеристику от ваших бывших соседей.

— Они-то напишут, — горько усмехнувшись, подтвердил Эдик. — Только будет ли толк от этой бумаги, подписанной

бабками?

— Посмотрим, — ответил адвокат. — На безрыбье и рак рыба. О взятии на поруки нигде разговаривать не хотят. Вообще-то шуму ты наделал в стране с этим делом немало. В «Комсомолке» статья большая вышла.

— Читал. Ее даже в дело подшили, — ответил Эдик.

— Говорят, лично Хрущев держит дело на контроле, — вздохнул адвокат и перешел к сути…

Практически через неделю после знакомства с адвокатом Миловским, 23 июля 1958 года, состоялось первое заседание суда. Когда вели из машины к зданию, где должен был проходить суд, Стрельцов увидел на улице толпившихся людей. Кто-то из них крикнул: «Эдик, держись!» — он понял, что это болельщики.

Он пытался что-то ответить им, объяснить, но конвойный рявкнул:

— Молчать, разговаривать не положено!

Дальше все было как во сне — вопросы, ответы, прокурор, адвокат. Мысли Эдика перескакивали с одного на другое, многое из того, что говорилось, проходило мимо, где-то рядом, как будто не его касалось. «Хорошо хоть не в день рождения», — стучало в висках. Накануне суда Стрельцову исполнился двадцать один год.

Судебная машина, запущенная хорошим машинистом, шла к своему финалу. В самом начале судья А. Гусев объявил, что суд будет закрытым. Из футболистов были только Татушин и Огоньков, их допрашивали как свидетелей. Больше из ребят Эдик там никого не видел. Футболисты «Торпедо» в те дни вроде бы играли на выезде.

Суд шел два дня: 23 и 24 июля 1958 года.

В судебных прениях прокурор Выборов запросил Стрельцову 15 лет лишения свободы — на полную «катушку» по Указу об ответственности за изнасилование.

Потом, после речи адвоката, последнее слово дали подсудимому. Эдик стоял и молчал. Он уже понял, что суд не проявит к нему снисхождения, что жернова, в которые он попал, перемалывали и не таких. Но перспективой попасть за колючую проволоку на 15 лет он был просто морально раздавлен. Прошла минута, вторая, третья… Судья спросил:

— Подсудимый, вы будете что-нибудь говорить?

Эдик ответил:

— Нет!

В тот же день суд огласил приговор: 12 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

Две кассационные жалобы, поданные адвокатом Миловским по инстанции — в Верховный суд РСФСР, и жалоба самого Эдика,

написанная каллиграфическим почерком камерного писаря, результатов не дали, о чем Стрельцов 13 августа 1958 года узнал со слов офицера спецчасти, расписываясь в справке на «кормушке» своей камеры.

— Ты знаешь, Эдик, твоя «касуха» не прошла, — с искренним сожалением сообщил пожилой майор.

И началась другая жизнь. Многое вспоминалось потом. Как сидел в пересыльной тюрьме на Силикатном проезде и впервые узнал этот, уже другой живой организм, с его плачущими женщинами в черных платках у ворот, стоящими в очередях в надежде отдать передачу. Как нанюхался смраду от табачного дыма и едкого запаха горящего тряпья, так называемых «дров», с помощью которого арестанты прямо в камере варят свой любимый напиток, «змейский чифир» — плитка чаю на банку с кипятком емкостью 250 грамм.

Не забылось, как хлопотали за него адвокат С.А. Миловский, друзья, болельщики, а самое главное — новое руководство ЗИЛа. Пройдет время, и придет весть о снижении меры наказания через комиссию по помилованию Верховного Совета РСФСР. Сразу на пять лет, с двенадцати до семи.

И, пожалуй, главное, что будет он вспоминать с благодарностью к судьбе своей, к случаю, к доброте человеческой и неброской, без показухи верности слову — встречу с Колей Загорским.

Пройдут годы, и произойдет еще одно незабываемое событие.

…Осенью 1965 года в Одессе, в его первый новый сезон после победы, принесшей «Торпедо» в игре с «Черноморцем» звание Чемпиона СССР, в раздевалку ему передали ящик шампанского, записку и букет цветов. Нет, не роз, не гвоздик, а простых таежных цветов, неизвестно откуда взявшихся здесь, которые называются «иван-чай». Была и записка: «Рад за тебя, Эдик! С уважением, Коля Загорский». Кто был в тех краях, тот знает, что это одновременно самое и дорогое, и горькое воспоминание, и одновременно особый подарок.

Ребята-футболисты ничего этого, естественно, не знали, но на ящик уставились с завистью и, конечно, в тот же вечер его все вместе опустошили.

А Эдуард еще раз добрым словом вспомнил человека, который поддержал его в день, когда переступил он порог Мытищинского КПЗ. Тогда, 28 мая 1958 года, уголовный авторитет, человек из другого мира поверил ему, Эдуарду, дал слово помочь и сдержал его. Этому человеку, с которым так и не свели его потом пути-дороги, он многим был обязан за то, что сумел вынести весь ужас лагерей, выжил и вернулся в большой

футбол.

За колючей проволокой

Через два дня после суда Стрельцов написал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР: «С приговором судебной коллегии я не согласен… Прошу Верховный суд тщательно разобраться в моем деле…» Не разобрались, но, как и прозвучало в указании первого лица страны — посадили, и надолго.

Начались лагерные будни… Работа, работа и еще раз работа. Выгодный для страны практически бесплатный труд заключенных.

Вятские лагеря — это Вятлаг, красноярские — Краслаг, амурские — Амурлаг, и вся страна — ГУЛАГ — Главное Управление лагерей, плод творчества «отца народов» и его подельников Ягоды, Ежова и Берии.

Стрельцов попал в Вятлаг, в Кировскую область. Почти центр России. Вокруг леса, леса и леса.

Достаточно и многого другого. Летом — гнус, мошка, комары. Осенью и весной — пронизывающий, холодный ветер. Ну и все остальное, чему положено там быть: бараки, вышки, конвоиры с собаками, делянки в лесу, голод, зимой — холод.

Повезло лишь в одном. Начальник Вятлага оказался страстным болельщиком и любителем спорта, особенно — футбола. Заставлял своих подчиненных бегать, прыгать, сдавать зачеты по физической подготовке и играть в футбол. Под его руководством разработали Положение о первенстве Управления по футболу среди лагпунктов, то есть лагерей (позже — исправительно-трудовые колонии), и годами проводили в два круга этот необычный чемпионат. Участвовало до двадцати команд, благо лагерей было там более чем достаточно. Народу на этот футбол приходило много: сотрудники, их семьи, местные жители, расконвоированные. Интересно было.

Команды были составлены из штатных лагерных сотрудников, но среди игроков по Положению можно было иметь до трех человек из числа расконвоированных представителей «переменного состава».

В 1959 году Стрельцова — находку для команды — на время каждой игры на один день «расконвоировали», а потом опять «закрывали». Все знали об этой хитрости, но молча соглашались. Разрешал это и сам начальник Вятлага, который с женой, двумя дочерьми и с тремя заместителями приезжал посмотреть игру «своего» Олимпийского чемпиона в организованном им же чемпионате и даже, говорят, гордился этим.

Так шло бы и дальше, но…

В 1960 году в Управление неожиданно пришел наряд на перевод Стрельцова под Москву.

То ли не понравилось кому-то в центре слишком необычное положение знаменитого зэка в тех лагерях, то ли сработали письма и обращения болельщиков и зиловского начальства, старавшихся как-то помочь Эдику? Если так, то сработали они наоборот, то есть не на улучшение положения, а на ухудшение. Истину сейчас не найти. Суть в другом: Стрельцов поехал назад.

Опять этап. Опять «столыпин», конвоиры, бетонный пол на пересылках, хлеб с селедкой — основное блюдо в этой дороге.

И вот — город Электросталь. Один час от Москвы. До дома — рукой подать.

«Лучше будет, — подумал Эдик. — Ребята смогут приехать, мама. Тренироваться, наверное, дадут. Или, как в Вятлаге, даже удастся поиграть».

Ошибся Эдик. Лучше не стало. Начальник лагеря в Электростали, или «зоны», как называли тогда это заведение там, так и сказал Эдику в присутствии начальника отряда:

— Мне здесь футбол не нужен. Мне нужен план!

И пошло-поехало. Оборонный завод. Вредное производство, где с нарушением правил техники безопасности и советских законов, теряя здоровье и сокращая себе жизнь, обреченно трудились заключенные. Лакокрасочные работы — без респираторов, работа в «громком» цехе — без шумозащитных приспособлений.

Молоко? Какое там молоко! В стране жрать нечего, а тут еще зэкам молоко давай! Эдик попал на пескоструйное производство — шлифовку металлических поверхностей с применением сжатого воздуха, использованием металлической стружки и кварцевого песка.

Специалисты, у которых я консультировался по этому вопросу, рассказывали, что такие болезни легких, как туберкулез и силикоз, здесь зарабатываются в рекордно сжатые сроки — три-четыре месяца.

Именно через три-четыре месяца администрация меняет бригаду. Новая работа — библиотекарем. Это вроде бы как награда, как извинение за допущенные нарушения законодательства об охране труда на производстве и подорванное здоровье.

После смены Эдик ходил на спортплощадку. Занимался сам с собой. Гонял мяч, который передали ребята. У него находились силы «постучать» по мячу, «пожонглировать». Старался не потерять «чувство мяча». Делал «рывочки» по 30–40 метров. Но все это, конечно, не то.

Нужны практика и система. Поймут это те, кто хоть когда-то занимался серьезно спортом на высоком уровне, кто знает, что тренироваться одному, без партнеров и тренера — это не радость, а мука. В футболе — особенно.

Попробуй потренируй сам себя в обводке защитника, получи или отдай пас в «одно касание» или направь мяч «на ход» своему партнеру, которого нет. Получится? Ответ однозначен: ничего не получится. Помогают только воспоминания: мяч в сетке, свисток арбитра, круг почета, кубок у груди, который футболист нежно целует, как невесту.

Жизнь показала, что для спортсмена мирового класса достаточно трех месяцев, чтобы навсегда потерять форму. Приходится только удивляться футбольному таланту, природному дару Стрельцова, который сумел обрести форму, вернуться в большой спорт и вновь добиться выдающихся результатов после стольких лет вынужденной паузы.

В 1961 году Эдика ожидало еще одно испытание — в составе большой группы заключенных его перевели «на прорыв», в шахты поселка Донское Тульской области.

Работать пришлось в самых страшных 41-й и 45-й шахтах рядом с Новомосковским химкомбинатом. Там добывался кварц. Производство тоже в части соблюдения законодательства об охране труда и здоровья, мягко говоря, далеко не передовое.

Рабочий процесс здесь был организован в лучших традициях настоящей каторги, а вот отдых и занятия футболом Стрельцову пришлось организовывать самому, правда, с участием нескольких энтузиастов. В том числе и местного начальника Управления.

Так прошел еще год. И, прямо скажем, слухи о том, что Эдуард Стрельцов, отбывая наказание, только и занимался тем, что играл в футбол, сильно преувеличены!

Много тягостного осталось в душе от этих лет. И не только тяжелые воспоминания, но и большой шрам на левой щеке — отметка, оставшаяся от разборок с «козлами».

Написал об этом, и захотелось сослаться на воспоминания другого большого спортсмена, тоже оставившего заметный след в истории нашего спорта. И тоже в молодые годы привлекавшегося к уголовной ответственности, отбывавшего наказание в местах лишения свободы.

Встретились мы с Виктором Петровичем Агеевым, разговорились, вспомнили Стрельцова. Свой рассказ он разрешил привести в книге, как картинку из той жизни, которая была и у Эдуарда — почти один к одному.

Вот что рассказал мне заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер России, двукратный чемпион Европы,

обладатель золотой медали Кубка Европы, четырехкратный чемпион СССР по боксу Виктор Агеев:

…С торпедовцами у меня отношения всегда были близкими. Был знаком с Ворониным, Ивановым, Щербаковым. Хорошие ребята. Эдика Стрельцова тоже знал. Он постарше был на четыре года. Когда случилась с ним беда, я только начинал путь в спорте. В 1959 году стал чемпионом Союза по юношам. А когда он в 63-м освободился, тогда уже близко познакомились. Я тогда был на «взлете».

Потом я попал в такую же, беду, а когда освободился — опять с ним повстречались. Помню, шутили и называли друг друга «собратьями по несчастью». Наказание я отбывал в Коми. Это вообще-то по карте недалеко от Кировской области, где сидел Эдик. Были мы с ним в разных лагерях, но порядки везде одинаковые.

Не любят в тюрьмах известных людей. Ведь кто там, как правило, сидит — беспризорники, жизнью обделенные, постоянно голодные, обойденные материнской заботой и отцовским вниманием. А тут «звезда» в камере появляется. По возрасту такой же или даже младше, но уже был обласкан судьбой. За границу ездил, шмотки красивые носил, нос задирал, шампанское пил, с девочками любовь крутил.

Теперь сравнялись, а если не сравнялись, то сравняют. Там ведь не то что футболиста Стрельцова «опустить» могут, там даже боксеру Шоцикасу не справиться. Бывает: «на воле» большой человек, а попал туда, и все — сломался, опустился.

Мне, конечно, полегче было, чем Эдику. Боксер все-таки. К единоборству ближе.

Помню, сижу в бараке, книжку читаю. Прибегает «шнырь» и говорит:

— Витя! Ты сегодня будешь бокс нам показывать. Они сказали, — и кивает куда-то в сторону.

Отвечаю ему:

— Пошел ты на х… что я вам, гладиатор, что ли?

«Шнырь» убежал, а через пять минут степенно подходят трое — уже постарше и говорят:

— Ты, Витек, что-то рано разбушлатился. Бокс сегодня нам будешь показывать, с Гибоном будешь драться.

Короче, вышел с ними я за барак. А там уже толпа болельщиков, человек сто. Вывели соперника по кличке Гибон, килограмм 120 в нем, а во мне, после тюремной баланды, если и было 70, то хорошо.

Дали старые перчатки. Начали боксировать. Машет Гибон своими пудовыми кулаками, как мельница, а я уклоняюсь и

«ныряю». Сам не бью, а он попасть не может. Удары страшные над головой свистят. Толпа хохочет. Довольны. Вижу, злится Гибон, глаза у него кровью наливаются. Его там, главного мордоворота, «за торпеду держали» — кого избить, кого прижать… А тут еще, слышу, заговорил мой Гибоша:

— Убью, блядь.

Ну, думаю, Витя, хватит. Пора кончать этот спектакль. Подошел к нему «с ногами», финт левой в голову, финт правой в корпус, «дернул плечами», «показал глазами». Не бью, рано еще. Вижу: клюнул Гибон на мои «коронки», правой стал размахивать, как купец Калашников. Ну, здесь под его правую я навстречу и «рубанул» правым боковым. Как раз правая перчатка рваная была, набивки никакой.

Упал Гибон лицом вниз. Лежит на земле, не шевелится, кровь из ушей пошла. Улыбки у зрителей моих пропали. Слышу, сзади «шнырь» пропищал:

— Агей Гибона убил.

Испугался я, думал, правда убил. А тут уже и охрана бежит. Утащили Гибошу в медпункт, через тридцать минут он очнулся. Ничего с ним не случилось. Обыкновенный нокаут. А меня на пятнадцать суток — в ШИЗО. Вот где вес хорошо сгонять. Сидишь, как гарибальдиец Овод, в каменном мешке. Не хватает только охапки сена и цепи. Трапеза через день. В «летные» дни хлеб и кипяток. А в «пролетные» — воспоминания об этом. За пятнадцать суток десять килограмм как не бывало.

Законы тюремные знать надо хорошо. Помню, сели в карты играть. В «прикупе» приходят ко мне два валета, и оба бубновые. Что-то не сработало у партнера. Я этому партнеру — колодой по морде, а кулаком по печени. А ночью, когда спал, толпа на меня налетела. Избили. Кто-то лопатой по голове шарахнул. Оказывается, я был не прав: нужно было доиграть кон, а потом уже разбираться.

Эдика в лагере один раз ведь тоже чуть не убили, доской по лицу ударили. За то, что он водки в грелках после футбола им не привез. А как он мог ее привезти? Его ведь дальше футбольного поля не выпускали.

Вообще-то, по тем законам, ему такие «задания» давать не должны были: он же с малявой авторитета шел. Видно, не специалист был Эдик в этих делах. Помню, как-то в одной компании мы с ним показывали друг другу свои «боевые» шрамы. Он — на лице, а я — на затылке.

…Слушал я Агеева и думал о том, что эпизоды его лагерной жизни очень сходны со всем пережитым в свое время Стрельцовым. Но того уже не расспросишь. А тут — участник

событий рядом.

— Давай, Петрович, про тебя книжку напишем.

Витя улыбнулся и ответил:

— Зачем десять книг об одном и том же писать-то? Ты напиши одну. Хорошую. Про Эдика. Она и будет про нас про всех: про него, про меня, про боксеров Ваську Соломина, Олега Коротаева, Толю Петрова, про дзюдоистов Суслина и Солодухина. Про всех, кого сначала за уши наверх, на Олимп Славы, а не успел еще оступиться, — с восторгом и удовольствием вниз, в грязь. И не просто, а обязательно мордой об асфальт. Наш долг перед Эдиком — реабилитировать его. И мы, спортсмены-ветераны, сделаем для этого все, что в наших силах.

Вот и вернемся мы к рассказу о лагерных днях Стрельцова. Случалось, пусть и нечасто, в той жизни и хорошее. Приходили письма от друзей и болельщиков. Приезжал каждый месяц к нему на свидания с мешком еды от ребят Витя Шустиков. Доходили до него вести о том, как боролся за его условно-досрочное освобождение новый секретарь парткома ЗИЛа Аркадий Вольский.

Приятными были минуты, когда ждал и получал вести от мамы и сам в вечернем уединении писал ей о своей жизни. И поскольку, выйдя на свободу, он больше всего не любил затрагивать лагерную тему, о его отношении ко всему происходившему тогда можно судить именно по его письмам к матери — Софье Фроловне.

Поэтому и считаю необходимым привести отрывки из этих своеобразных документов «уголовного дела» Эдуарда Стрельцова.

Здравствуй, дорогая мама!

Мама, Верховный суд утвердил приговор. Скоро, наверное, направят в лагерь. Мама, за меня не беспокойся. Все будет хорошо. Береги свое здоровье, себе ни в чем не отказывай. Если будет тяжело, то продай машину. Мама, купи мне сапоги и подбей их подковами, чтобы они не стаптывались. Найди какой-нибудь плохонький свитер и все это принеси 18 числа. Если не успеешь, то в следующий раз принеси обязательно. Погода стала плохая, идут дожди, а у меня прохудились ботинки. Еще принеси носки теплые и шапку зимнюю черную каракулевую. В лагере, говорят, дают плохую.

…Мама, меня из Бутырской тюрьмы перевезли в пересылочную «Красную Пресню». Чувствую себя хорошо, так что за меня не беспокойся. Мама, пришли мне эти вещи: сапоги, телогрейку, что я ходил на работу, помазок для бритья, футболку шерстяную красную с рукавами, и ремень для брюк. Мама, береги свое здоровье.

Тебе будет тяжело без меня, ты продай машину и ни в чем себе не отказывай. Возьми свидание со мной и мы обо всем поговорим…

…Мама, я нахожусь в хорошем лагере. Уже работаю. Сейчас, правда, выбираю специальность. Может быть, буду шофером или слесарем. Поступил в восьмой класс, надеюсь кончить десять классов. Здоровье хорошее. Работаю с 8 утра и до 5 вечера, а затем иду в школу. Так что хорошо. Мама, я тебя попрошу — пришли мне 100 рублей. Это мне на первый месяц, а затем я буду сам зарабатывать, и пришли сахару. Если у тебя тяжело с деньгами, то не нужно. Пока писать нечего больше. Времени стало в обрез, пишу тебе на работе. Но писать тебе буду регулярно, как ознакомлюсь с новой обстановкой…

***Телеграмма**: Здравствуй, мама. Нахожусь в Вятлаге на повале, вышли пищевую посылку, здесь ничего нет. Адрес Кировская обл. Кайский рн. Турунья.*

Эдик.

Привет из Вятлага.

Здравствуй, дорогая мамочка!!!

Мама, шлю тебе большой привет и желаю хорошего здоровья.

Мама, извини, что так долго не писал. Все это время находился в Кирове на пересылке и думал: куда меня везут. И вот я приехал в знаменитый Вятлаг. Здесь все связано с лесом, в общем, лесоповал. Сейчас, то есть первое время трудно работать. Грузим и колем дрова. И так за этим занятием целый день. Со школой я распрощался, здесь школа только начальная, до 4-х классов. Приходишь в барак и кроме как спать нечего делать. Да и за день так устанешь, что руки отваливаются. Но это, наверное, без привычки. А как привыкну, будет легче. Кино теперь, как в Кирово-Чепецке, не посмотришь. Здесь один раз в неделю. И то как следует не посмотришь, клуба нет и показывают в столовой…

Я тебе просто описал жизнь в этом лагере. И ты за меня не волнуйся, я уже ко всему привык…

…Мама, как ты там одна живешь? Начинаю привыкать к лагерной жизни, правда, попал в лагерь поздновато, если бы летом, то было бы хорошо. Но ничего, привыкаем и к климату, и к лагерю. Лагерь хороший, ребята тоже хорошие, так что за меня не беспокойся… Мама, начинается зима, пришли мне, пожалуйста, шерстяную фуфайку от костюма тренировочного, футболочки шерстяные, безрукавки две штуки, если есть варежки или перчатки. Если ты отослала мне 100 рублей и сахар, то больше

ничего пока не надо.

…живу ничего, работаю слесарем. Учусь в 8-м классе «Б». Продуктов никаких нету, если что можешь, то пришли, а если нет, то за меня не беспокойся, ничего не случится…

…Много писать не буду, да и нечего. Большое спасибо за папиросы, деньги я не просил и не надо было их высылать. Мы один раз договорились, что я попрошу, то и вышлешь, если конечно, сможешь.

… с питанием здесь очень плохо и посылки пришли вовремя. Ты так много посылок не посылай. Сама не ешь, а мне шлешь, так делать не надо. Если сможешь, так присылай в месяц одну посылку. В посылку можешь из питания класть все, здесь нет ничего. Мама, тебе тяжело будет посылать посылки каждый месяц… ты продай машину и тебе будет легче. Доверенность я послал заказным письмом…

…Мама, ты пишешь, что отбирают комнату. Отдай им эту комнату и не расстраивайся. Буду жив и здоров, заработаем все потерянное, а если не заработаем, то проживем и на пятнадцати метрах. Самое главное для меня, это чтобы ты была жива и здорова… Приеду я только к тебе!

…Насчет квартиры, мама, не переживай, пускай отбирают. Но чтобы они тебе дали такую же, какую ты отдала в Перово. Они не имеют права меньше дать…

Мама, не ты не доглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя и вот результат… Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе — ив этом заключался весь сыновний долг. Л оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому…

Мама, я чувствую, что ты больше меня переживаешь… Наберись еще немного терпения, возможно, скоро все будет хорошо. И не пиши мне, что я, мол, тебе не верю и ты меня обманываешь. Если я тебе не верю, то кому же должен верить и кого слушать. Один раз не послушал и очутился здесь.

…посылку твою и от рабочих посылку получил, за все большое спасибо. Мама, я тебе послал доверенность на продажу машины…

Сейчас устроился слесарем на электростанцию. Работа стала легче… плохо, что нет школы. Ну что же поделаешь, мы находимся в заключении…

..Давай-ка быстрее продавай машину, расплатись с долгами и ставь себя на ноги. Хуже нам было в войну и после войны, и то пережили. А это как-нибудь переживем. Ведь не я один сижу, многие матери так же остались одни. И если все будут говорить: не хочется жить, то что нам останется делать? У нас же хуже положение, и то мы не унываем… Мама, когда продашь машину, я попрошу тебя, чтобы ты выслала сто рублей. Эти деньги будешь высылать вместе с посылкой. Запечатайте их или в сахар в коробке. Коробку откройте, выложите половину сахара, положите сто рублей, опять сложите сахар и заклейте коробку, чтобы не было заметно. Они мне нужны. Только вышлешь, когда продашь машину… Мама, у тебя очень плохое здоровье. Ты быстрее продай машину и езжай на курорт. Может быть, здоровье у тебя и поправится. А в мае я уже буду знать точно: сколько мне сидеть… если сможешь сама купить мяч, то купи и пришли. Валенки были немного малы, но я их растянул и подшил, теперь они стали по ноге…

…мне Алексей Иванович написал, что машину продали. Давно надо было это сделать. Ты за машину не переживай. Машина — ерунда. Вот здоровье — это самое главное. Было бы здоровье и машина будет. Ты, самое главное, береги свое здоровье…

…Мама, ты хочешь ко мне приехать и привезти, что мне нужно. Возьми часы, а то без часов очень плохо, возьми пиджак, возьми бритвенный прибор, только не железный, а в сумочке с замком, который подарила команда ФРГ, и пушистый помазок. Из питания, что хочешь, если у тебя нет денег, то не нужно, правда, здесь ничего из питания нет, но ничего, обойдемся…

…Добрый вечер, дорогая мама!

Поздравляю тебя с пятидесятилетием, пожелаю хорошего здоровья, счастья и долгих лет жизни.

Мама, извини, что не могу подарить подарок, но думаю, ты не обидишься, если подарок подарю позже, когда освобожусь.

…За мячик большое спасибо… Он мне очень скоро пригодится. У меня будет два мяча. Правда, первый старенький пооббился, но ничего…

…со школой сейчас очень трудно. Ведь я не учился целый год. А сейчас, чтобы перейти в 9-й класс, мне нужно обязательно ответить каждый предмет за весь учебный год… Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начинается розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей… Я перешел работать в зону.

…Погода у нас стоит хорошая, очень жарко. С этого воскресенья у нас начинается розыгрыш первенства по лагпунктам. Время летит незаметно. Мама, я ведь сижу уже год, пошел второй. А кажется, что посадили недавно. Но ничего, может быть, кодекс что-нибудь даст. У вас о нем ничего не слышно? У нас идут разные разговоры, а толком ничего не известно. Освобождают, кто половину просидел, и то очень мало. Я знаю только то, что у меня статья легкая и мне надо сидеть половину. Ну ладно, об этом хватит…

…сейчас некогда писать. Почти каждую пятницу мы ездили на другие лагпункты, играли на кубок.

Выиграли кубок Вятлага, а теперь субботу и воскресенье я нахожусь в своем лагпункте и время у меня будет свободное…

Попроси Галю, пускай она купит календарь игр на первенство СССР по футболу. И если ребята приехали с юга, попроси от моего имени мячик…

…мы с тобой договорились ждать и не расстраиваться… Пока мы будем ждать ответ, сходи к Борису Павловичу Хренову, попроси у него мячик, или в «Торпедо». Если дадут, то пришли мне бандеролью и положи тапочки, трусы и рубашку, а то у этих рубашек воротнички чеканулись. Мама, мне уже стыдно просить, но здесь ни одного мяча нет, а иногда хочется постукать… Если мяч не достанешь, то и не надо…

…играл на днях в футбол и немного ногу потянул, сейчас пришлось на время прекратить игру. Ну, это ерунда, немного дам ей отдохнуть, и все пройдет.

…Мое здоровье не вызывает сомнений, так как я занимаюсь спортом, а спорт слабых не любит…

…Верховный суд РСФСР оставил мне семь лет. Пять лет скинул. До половины мне осталось сидеть год и четыре месяца, это значит в 1961 году в ноябре я по суду могу освободиться.

…Мама, у нас есть коньки «канады». Мне, помнишь, давали играть в хоккей за «Торпедо». Если они остались, то привези. Мы залили каток здесь и будем играть отряд на отряд.

…вот я снова покидаю по счету уже четвертый лагерь… мне очень интересно, почему меня перегоняют с лагпункта на лагпункт, по какой причине. Вы там не писали никуда насчет моей учебы? Если это по причине учебы, то хорошо. А если по другой причине, то какую цель они преследуют, перегоняя меня из лагеря в лагерь? Ну, ладно, об этом хватит, поживем — увидим.

…Мама, играя в футбол, я нечаянно упал на руку, и у меня врачи после снимка обнаружили трещину в кисти руки. И сейчас правая рука в гипсе и поэтому писать мне нельзя, так что не волнуйся, что почерк не мой…

…Лагерь здесь новый, строится и обживается, я даже не знаю, что про этот лагерь и писать. Он похож на 4-й…Только здесь вода своя и в любом количестве…

…Я учусь в восьмом классе. Очень трудно, целый год не учился. Погода у нас плохая. Десять дней стояла хорошая, солнечная погода, а сейчас пошел снег, стало холодно, опять наступила зима. Но мы этому не удивляемся, ведь мы находимся на севере.

…Время летит быстро. Подъем у нас в шесть утра — по-московски: пять. Идем на работу. В пять — это по-московски: в шесть начинаются занятия и до половины одиннадцатого. Затем спать.

Мама, к тебе приедет Гена Баронин, он тебе расскажет, как я живу и как себя чувствую.

Мама, я тебя очень прошу, Гена едет через Москву и несколько дней задержится в Москве. Я тебя как маму прошу: прими его хорошо. Прими так, как если бы я приехал. Гену ты знаешь. Саша тогда не мог выйти, вместо него вышел Гена. Пускай он живет у тебя, пока будет в Москве. Мама, я тебя прошу как сын, сделай это для меня. Прими его хорошо…

Это мой друг. А у меня по лагерю всего три друга. Витек — ты его знаешь, Гена и Санек. Когда Витек пришел следом за мной на 5-й лагпункт, нас стало четверо. Мы вместе питались и делили все.

…Вышли, пожалуйста, какие-нибудь ботинки, рубашку и трусы. Ботинки с рубашкой я прошу для того, чтобы если придет

положительный ответ, ехать домой мне будет не в чем, а мяч можно не высылать.

…духом не падаю. Но жду с нетерпением, какой дадут вам ответ.

Мама, если даже будет и отрицательный ответ, то все равно сообщи.

…Курить я бросил с 30.12.60 года. Сегодня одиннадцать дней не курю. Возможно, вообще брошу.

…Одно только новое, это не курю 20 дней…

…Работаю, остальное время (свободное) читаю книги… что принесет нам Новый 1961 год…

…некоторые пишут заочницам или своим девушкам коллективно. Затем получают от них письма и начинаются прения. Иногда смеются, возможно, над девушкой, возможно, над собой. Но все это нехорошо, поэтому я никому не даю читать свои письма и ни у кого не беру…

…Мама, давай с тобой договоримся — высылаешь то, что я попрошу. И не будем с тобой об этом больше говорить. Я бы чувствовал себя хорошо, если бы знал, что ты здорова.

…здоровье мое хорошее и веду себя, как положено всем заключенным…

…Еще я могу тебе посоветовать никуда не ходить. Это по-моему для тебя будет лучше. А ты со своим здоровьем доходишься, что ляжешь и не встанешь. А когда я освобожусь, то мне некуда будет ехать, никого у меня не будет… Ты же прекрасно поняла, что пять лет мне сбросила комиссия президиума Верховного Совета не по вашей просьбе, их заставил это сделать кодекс, но вид они сделали, как будто по вашей просьбе. Они знали, что мой указ будет по новому кодексу до 7 лет. А если оставить мои 12 лет, то им нужно было бы переквалифицировать статью с части 1 на часть 2. Ну ладно это еще полбеды, пускай они думают, что сделали «благородное дело». Ведь они и стоят на таких постах, чтобы делать «благородные дела». Вот плохо, что приходится расстаться с «половинкой». У меня была надежда на половину срока, а теперь все рухнуло. Не подходишь, говорят, у тебя 74 ст. А ведь 74 ст. я уже давно отсидел по ней. Мне дали 3 года, а я уже

сижу 4 года. Уже просидел половину срока указа.

Но ты, мама, не расстраивайся, я ведь себя чувствую ничего, духом не падаю, и ты это видела на свидании. Теперь я буду надеяться, что когда пойдет 26 мая 1965 года, меня отпустят. Ведь 26 мая 1965 года у меня исполняется 7 лет. Конец моего срока. И если посмотреть по годам, то осталось 1963 г., 1964 г., 1965 г., это, по-моему, не очень много. 1962 г. я не считаю, так как он уже начался. Вот, мама, наберись терпения и давай с тобой ждать этот год 1965…

Передай спасибо Алексею Георгиевичу Крылову за все хорошее, что он сделал, помогая освободить меня…

…Здесь есть школа-десятилетка. Разные подготовительные курсы: электриков, токарей и т. д. Но плохо, что нет футбольного поля. За зоной есть поле, но это надо ждать, пока станет сухо, только тогда нас будут выводить или нет, точно не знаю. Пройдет апрель, тогда будет видно… сейчас я работаю учеником токаря, учиться два-три месяца.

Мама, меня везде встречают ребята очень хорошо. Подыскивают такую работу, чтобы я меньше поднимал тяжестей, в общем, стараются, чтобы я сохранил свое здоровье. И я тебя прошу: пришли мне денег, я им куплю что-нибудь. Да и мне на папиросы. Ведь я сейчас учеником работаю и денег мне не платят.

…получил от болельщиков письмо, вернее, открытку. Они пишут, что в команде разлад. Санек Медакин, Валерка Воронин и Генка Гусаров уходят. Они просят, чтобы я написал им, возможно, это их остановит. Но я не знаю, что писать, и вряд ли мое письмо поможет. Ведь они до этого не уходили, а сейчас видно есть на это причины. А раз есть причина, вряд ли их остановишь…

…у меня к тебе просьба. Узнай у Алексея Ивановича Рогатина или у Иноземцева, могут ли они достать еще мяч (такой, который прислали мне). Этот мяч хотят приобрести солдаты, которые нас охраняют. Если они смогут, то напиши, сколько он стоит. Солдаты вышлют свои деньги. Вы купите мяч и пришлете мне. Мама, если они купят мяч на свои деньги, то я его не приму. А эти ребята играют летом с нами в футбол. И они, увидев у меня мяч, очень просили, чтобы я узнал: можете ли вы достать такой же мяч им?

…Вот какие мои дела на сегодня, то есть 4 марта 1962 года. Кругом тьма и не видно даже маленького просвета…

Здравствуй, мама!

Мама, у нас 11 марта 1962 года, то есть в это воскресенье, будет происходить слет передовиков производства. Приглашаются и родители передовиков. Вот поэтому и пишу тебе. Ты сможешь приехать на этот слет. Родители будут в зоне находиться, и мы можем с тобой говорить хоть весь день. Ты посмотришь зону, как мы живем, посмотришь, где рабочее мое место. В общем, увидишь все. Слет открывается в 11 часов утра, и ты должна приехать часам к десяти утра в воскресенье 11 марта. На поезде, мама, едва ли ты успеешь. Сходи в «Торпедо» или к Алексею Георгиевичу и попроси, чтобы тебя отвезли. Если, конечно, сможешь приехать. Попроси лучше Алексея Георгиевича, он, по-моему, не откажет. Это я тебя просто предупредил, если сможешь, а если нет, то, как ты просила, попробую на апрель взять суточное свидание…

Билет, по которому ты пойдешь в зону, если приедешь, передадим здесь, на вахте…

…вчера, то есть 29.05.62 г., расписался за отрицательный ответ. Вот тебе еще одно доказательство, что все эти ходатайства и просьбы остаются без внимания. Поэтому очень прошу, не ходи и не мучай себя… Я как-нибудь отсижу восемь месяцев, январь 63 года не за горами… И прошу тебя, не пиши, пожалуйста, что кто-то что-то обещал, мне уже все это надоело. И писать я больше никому не буду.

***P.S**. Мама, пойми правильно, я не буду больше писать никакую просьбу или что-то в этом роде, а рабочим или совету пенсионеров я как отвечал, так и буду.*

…Как и ты, считать начал дни, раньше считал месяцы, но теперь и время изменилось, и обстоятельства: подходят две трети.

…С каждым днем все ближе и ближе возможность освобождения. Правда, дни вроде бы стали длиннее, но это закономерное явление, так как сейчас приходится считать месяцы, а затем и дни придется считать. Но это видно будет только до школы.

С 1-го сентября пойду в 9-й класс, времени свободного будет меньше. А все заключается в свободном времени. Чем его меньше, тем быстрее пролетает день. Мама, прошу тебя, пришли мне, пожалуйста, авторучку и тетрадей, желательно, чтобы все были в клеточку…

Мама, ты эти пять месяцев лучше отдохни и никуда не ходи. Не расстраивай себя отказами, а я все сделаю, что от меня

зависит.

…Самое главное, мама, что ты веришь мне, а я тебя больше не подведу. Не так уж много осталось ждать, чтобы они убедились в этом на деле, всего пять месяцев. Мама, ведь это не так долго. Правда!?

Крепко, крепко целую и много раз, твой сын Эдик.

…Попроси Бориса Павловича, если удобно, пускай возьмет в «Торпедо» лыжный костюм и привезет мне в обмен, а то я этот весь в футбол потрепал. Но это, мама, при условии, если удобно, то спроси.

Мама, задержался с ответом в связи с переводом в новый лагерь. Теперь нахожусь на 45-й, а не 41-й шахте. В футбол мне запретили тренироваться, отобрали мяч. И, наверное, эти пять месяцев мне не придется до мяча дотронуться. Чувствую себя ничего, пока знакомлюсь в лагере. Мама, попроси Алексея Георгиевича, чтобы он переговорил с генерал-майором Хлопковым, возможно, разрешат мне тренироваться.

…настроение хорошее, остается ровно четыре месяца до двух третей…

…Стал каждое утро делать зарядку, обливаться холодной водой, в общем, потихоньку начинаю готовиться к свободе. Правда, пока одни надежды, но через два с половиной месяца надежды могут и оправдаться. Так что, мама, наберемся терпения и эти два с половиной месяца подождем…

…пишу письма, а на душе так приятно, пошел декабрь. Правда, время очень раннее — двадцать пять минут третьего, но очень важно, что ноябрь прошел, а день освобождения придвинулся. А это самое главное. Пройдет двадцать пять дней декабря, и мне остается ровно месяц до двух третей…

…Время идет, дни летят, правда, сейчас день тянется очень долго, но как бы ни тянулся, а две трети все ближе и ближе. Осталось сорок пять дней. В основном, скорей прошел бы декабрь, а там легче, пойдет январь — мой месяц. Правда, две трети в конце января, но, главное, месяц этот мой, поэтому легче…

…У меня все хорошо, здоровье, самочувствие тем более хорошее, так как до двух третей осталось пятнадцать дней…

Медленно, ох как медленно, но все же с каждым днем приближался день освобождения. Хотя и прошли из долгих двенадцати, определенных поначалу судом, еще только (только!) пять лет, надежда на освобождение обретала конкретные черты. Активно велись хлопоты за досрочное завершение Стрельцовым лагерной жизни — УДО.

Спросите у любого бывшего или теперешнего осужденного, что такое «УДО». Ваш собеседник воспримет эту аббревиатуру неоднозначно. Это первые три буквы самых, пожалуй, приятных в тех местах слов — условно-досрочное освобождение. Далее в законе записано «от наказания», но это уже не столь важно. Это и так ясно. Главное — конец. Свобода. Домой.

Вообще-то, УДО в местах лишения свободы для того, кто твердо решил продолжать заниматься тем, за что он туда попал, — не в почете. «Западло» — как они там говорят. Но это для того, кто решил продолжать преступать закон, а для абсолютного большинства — это единственный способ скорее вернуться домой. Во все времена уголовный кодекс ставил это самое УДО в зависимость от целого ряда условий. Прежде всего от тяжести преступления, то есть от конкретной статьи УК, поведения и исправления осужденного, срока наказания, его предыдущих судимостей и применения к нему УДО ранее, мнения администрации места лишения свободы и административной комиссии исполкома. Целая наука, в основном с бюрократическим уклоном.

Самое же главное, что определяет возможность применения УДО, — это тот минимальный срок, который должен отбыть осужденный, после чего и появляется право на УДО. Эти сроки записаны в уголовном кодексе. Каждый осужденный начинает свою «отсидку» именно с того, что с карандашом в руке и пользуясь правилами арифметики, пройденными еще в начальных классах средней школы, рассчитывает свое УДО.

Минимальный период, который надо отбыть, равнялся тогда половине определенного судом срока. За тяжкие преступления — две третьих, за особо тяжкие — три четвертых срока. Были по старому УК и такие преступления, по которым УДО не применялось. Такие статьи уголовного кодекса назывались в местах лишения свободы «звонковыми», то есть отбывать надо срок «от звонка до звонка».

Так все было и у Стрельцова. Срок у него начинался с 26 мая 1958 года, несмотря на то, что арестован он был по постановлению прокуратуры, как вы помните, 28 мая 1958 года. «Стулья», видимо, зачли, два дня подарили. Спасибо!

Сначала было двенадцать лет, потом семь.

А ведь не часто Верховный Совет РСФСР при помиловании «пятерками» разбрасывался, тем более для осужденного, не отбывшего половины срока.

26 мая 1965 года — конец этих семи лет. Преступление по части I Указа 1949 года (с 1961 года — статья 117 часть I УК РСФСР) относилось к категории тяжких. Минимальный срок для УДО — две третьих срока.

Давайте рассчитаем. По приговору суда был установлен срок наказания — двенадцать лет. Верховный Совет снизил срок наказания до семи лет. Теперь берем семь лет, умножаем на две третьих и получаем четыре года восемь месяцев. Столько нужно было отбыть Эдику, чтобы появилось право на УДО.

Практически долгожданный день настал — четвертого февраля 1963 года. В колонию приехал суд — судья, два народных заседателя, прокурор района. За отдельным столом, покрытым красной скатертью и с обязательным графином с водой, но без стаканов, руководство колонии. По очереди заходят счастливчики. Через десять-пятнадцать минут выходят еще более счастливыми. Иногда бывает так, что выходят оттуда и побледневшими, мрачными — «пролет», так называются случаи отказа в УДО.

— Суд оглашает представление на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбытия наказания на Стрельцова Эдуарда Анатольевича, — строго и официально сказал судья Рябов после формальностей с открытием процесса.

— Оглашаются характеризующие документы, — продолжал судья.

— Все документы положительные. Было одно нарушение в Кировской области. Наказание снято.

Эдик почесал шрам на левой щеке — отметку о том нарушении.

— Ну что, Стрельцов, вы осознали свою вину? — спросил судья.

Что ответить Эдику в этой ситуации?

— Осознал.

— Вам можно верить?

— Можно.

— Вот документ. За вас хлопочет и трудовой коллектив вашего ГАЗа, — продолжал судья.

— ЗИЛа, — поправил Эдик.

Судья, заседатели, прокурор и администрация дружно заулыбались…

На следующий день утром — в спецчасть за документами. Справка об освобождении, 25 рублей денег на дорогу. Прощание

за руку с «хозяином» — начальником колонии. Именно за руку. И только здесь. По неписаному правилу советских тюрем начальник мог подать руку людям этой категории только при прощании. До этого нельзя — дурной тон.

И вот за спиной захлопнулись двери с «вертушкой» (не путать со специальной телефонной связью руководителей страны). Эдик на свободе. Посмотрел на стоянку, увидел там одиноко стоявшую черную «Волгу». А из нее уже бегут к нему Витя Шустиков и администратор «Торпедо» Жора Каменский. У мамы Эдика даже не было сил выйти из машины.

— Эдька, дружище! А мы тебя с семи утра здесь ждем. Ночью из Москвы выехали. Вольский машину дал.

Затащили Эдика в «Волгу». Заработал мотор. Домой!

— Подожди, — сказал Шустиков шоферу и полез в сумку. Достал бутылку коньяка.

— Давай выпьем за твое освобождение.

— Давай, только совсем немножко.

— Не знаю, как ты, а мы с Жорой выпьем за тебя как положено, — сказал Шустиков, наливая себе полный стакан.

Шофер опять хотел трогаться.

— Подожди, — это теперь уже Эдик.

Он вышел из машины, снял черную «зоновскую» телогрейку с отпоротой накануне биркой, где было указано «Стрельцов Э.А. № 1311», и выбросил ее в сугроб.

— Так лучше будет, — пояснил друзьям.

Шустиков и Каменский молча согласились.

Домой, домой, домой! Путь оттуда простой и приятный. Намного приятнее, чем туда. Тридцать минут по лесной дороге. Вот и Каширское шоссе. Направо, теперь по прямой. Водитель выжал из 21-й «Волги» все, что можно было — 120 км/час. Мелькают за окном знакомые места. Кашира, мост через Оку, Домодедово, совхоз имени Ленина, Борисовские пруды, теперь к центру. Вот и Автозаводской мост через Москву-реку. Направо на мост. Начинаются цеха ЗИЛа и его проходные. Автозаводская улица. Метро «Автозаводская». Вот и дом.

Через три часа Эдик был уже у себя в квартире. В свое время, когда Эдик сел на двенадцать лет, жена с дочкой ушла к своим родителям, а в двухкомнатной квартире осталась одна его больная мать. ЖКО ЗИЛа хотел было эту квартиру забрать. Спасибо, что не забрали, оставили хоть одну комнату. И вот сейчас, спустя почти пять лет, переступил он порог родного дома.

Начиналась совсем другая, новая для Эдуарда Стрельцова жизнь.

Возвращение

Утром Эдик пошел в заводоуправление ЗИЛа.

Еще вчера шофер, который привез его домой, сказал, что его будет ждать Аркадий Иванович Вольский.

От дома до заводоуправления идти пятнадцать минут по Автозаводской улице. Поднялся на этаж. Зашел в приемную секретаря парткома. Раньше, до минувших пяти лет, он бывал здесь часто. Тогда, у секретаря парткома Александра Ивановича Фатеева, даже выпивали в кабинете.

Молодая незнакомая секретарша, делая строгий вид и глядя поверх очков, спросила у Эдика:

— Вы к кому?

— Меня пригласил Аркадий Иванович.

Секретарша нажала кнопку селектора:

— Аркадий Иванович, к вам посетитель.

По обратной связи Эдик услышал отдаленно-знакомый голос:

— Из какого цеха? Кто?

Секретарша вопросительно посмотрела на Эдуарда.

— Из «Торпедо», Стрельцов.

Секретарша повторила.

Через несколько секунд из кабинета в приемную буквально ворвался Аркадий Иванович Вольский и на виду у пораженной секретарши, ничего не знавшей ни о Стрельцове, ни о его нашумевшей истории, ни о том, откуда он накануне вернулся, «сгреб в охапку» Эдика и утащил его в кабинет.

Из этой встречи, состоявшегося разговора понял Эдуард, что хозяин кабинета ему рад и по-прежнему принимает самое горячее участие в его судьбе. В заключение Аркадий Иванович сказал:

— Сейчас иди в отдел кадров. Тебя определят на работу в инструментальный цех. Потом иди в «Торпедо». Там все знаешь, учить не надо. Ждет тебя руководство команды — Шебилов, Золотов, Хренов, ну и, конечно, ребята. Играть будешь пока за клуб, потом разберемся.

Видимо, и сам Вольский не допускал мысли о том, как трудно и долго будет тянуться это — «разберемся».

Ну, а что до Стрельцова, то ему мечталось все эти годы: вот окажется он на свободе, в Москве, и на завтра состоится его возврат к спорту, возобновятся тренировки. Казалось бы, и родные команды — «Торпедо» и сборная страны — с распростертыми объятьями встретят центрфорварда экстра-класса, а болельщики — своего кумира.

Но сложилось все иначе, и за возвращением домой не

последовало, к великому сожалению, быстрое возвращение Стрельцова в большой футбол. Этому активно мешали те, кто по-прежнему считал его уголовником, недостойным находиться в составе команд мастеров, снова взойти звездой на футбольном небосклоне. Мешала и вся ситуация, о чем еще поговорим.

Были и те, кто полагал, что не сможет человек, на пять лет выбитый из спортивного режима, подорвавший непосильной работой в лагерях здоровье, восстановить форму и наверстать упущенное. Футбол ушел далеко вперед, омолодился, обрел новых лидеров, иными стали техника и приемы игры. А Стрельцов, конечно же, отстал, утратил в лагерях свои былые уникальные бойцовские качества, технику.

И основания для таких рассуждений, что скрывать, были. Внешне он действительно погрузнел, раздался, стал медлительнее, пропала буйная шевелюра.

И тем более честь и хвала, и низкий поклон тем, кто сохранил любовь к великому футболисту, кто не потерял веры в него, не утратил убежденности в его невиновности, чистоте и порядочности. Тем, кто не побоялся поручиться за недавнего зэка, отстаивать на всех этажах власти его доброе имя и место в строю действующих футболистов.

Еще раз выделю А.И. Вольского, который вел упорную борьбу во многих «инстанциях» за то, чтобы со Стрельцова официально сняли дисквалификацию от 27 мая 1958 года и разрешили включить в основной состав «Торпедо».

Сколько бумаг написал, характеристик, ходатайств, сколько обил порогов «больших» начальников! Но вопрос, к сожалению, не решался.

Стремясь выяснить причины этого, я встретился со многими из тех, кто три десятилетия назад в той или иной мере был причастен к большому спорту. Мои собеседники сходились во мнении, что отмену дисквалификации Стрельцова поддерживали Ю.Д. Машин — в то время председатель Спорткомитета СССР (тогда Союз спортивных обществ и организаций СССР), СП. Павлов, в то время Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, другие руководители, чье мнение, как мне казалось, должно было быть принято в расчет.

Однако их мнение не смогло изменить ситуацию, потому что на верху пирамиды власти по-прежнему находился Н.С. Хрущев. Кто мог взять на себя смелость отменить дисквалификацию, когда в памяти еще свежо было «высочайшее» напутствие по Стрельцову (помните: «посадить, и надолго»)?

Вопрос решился только после смещения Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Сейчас нередко в печати можно

встретить суждения о хрущевской «оттепели», о первых ростках демократии в шестидесятых. Не хочу спорить с этими утверждениями. Но уверен, что многие люди старшего поколения хорошо сохранили в памяти нравы тех лет. Среди чиновников любого уровня бытовала предубежденность и перестраховка в отношении людей, ранее оступившихся или попавших в «черные» списки. Случайно человек оступился или все произошло по злому умыслу тех, кто вершил судьбы людей, в это не вникали. Поэтому пусть читатель постарается представить себе то благородство и мужество, особенно у государственных, партийных или хозяйственных руководителей, которые стояли за такими акциями «по Стрельцову», как включение его в состав торпедовской и сборной футбольных команд, вторичное присвоение ему звания «Заслуженный мастер спорта СССР», назначение детским тренером.

Пока же Стрельцов работал на ЗИЛе, а в свободное время тренировался и играл, как когда-то в юности, в заводской клубной команде. Благо дисквалификация на эти игры не влияла. Пророческими оказались «пожелания» Стрельцову, которые якобы от имени товарищей по сборной страны и «Торпедо» опубликовала «Комсомольская правда» в 1958 году еще до того рокового случая: «Начни-ка, друг Эдик, все сначала. Поиграй в клубной команде. Наведи порядок в своем быту, в своей семье. Докажи, что ты осознал свои поступки серьезно, не на словах, а на деле, и, может быть, мы снова поставим тебя центром нападения…». Народ валом шел на «его» матчи, и он не подводил. Старался, как всегда. И верил, что справедливость восторжествует.

И она восторжествовала. А о том, как это практически происходило, я узнал все от того же А.И. Вольского. Расскажу, как я шел к этой информации «из первых рук».

Когда уже была практически закончена рукопись книги, я решил встретиться с Аркадием Ивановичем Вольским, поговорить о том периоде его работы, об участии в судьбе Стрельцова, согласовать главу, где пишу про него.

Позвонил в Союз промышленников и предпринимателей России. Представился по телефону помощнику Б.А. Нефедову, рассказал о том, чем вызвана просьба о встрече. Через день получил согласие, было названо время.

Союз промышленников и предпринимателей находится на Старой площади, в здании, где раньше находились МГК КПСС и ЦК КПСС и где мне доводилось не раз бывать. С холодком в спине ходил тогда по тихим коридорам, покрытым красивыми ковровыми дорожками. Я докладывал там некоторые уголовные

дела.

Запомнился строгий пропускной режим, предельно внимательные и придирчивые дежурные. В обязательном порядке проверялся не только партийный билет, но и отметка об уплате членских взносов.

Теперь все по-другому, во всяком случае, в Союзе промышленников и предпринимателей. Все проще и демократичнее. Я представился, и через три минуты меня провели к Аркадию Ивановичу.

Раньше мы были знакомы только по телефону. Я звонил ему, когда готовил статью про Стрельцова в «Совершенно секретно». Встретил он меня хорошо, поговорили, вспомнили гвардейскую Кантемировскую танковую дивизию, где он служил в конце сороковых — начале пятидесятых годов, а я, как уже писал, был там в конце восьмидесятых годов военным прокурором. Тепло и заинтересованно говорил Аркадий Иванович об Эдуарде Стрельцове. Один эпизод, самый важный для меня, воспроизвожу с документальной точностью.

«Где-то в конце 1964 года, уже после Октябрьского Пленума ЦК КПСС, когда после смещения со всех постов Хрущева Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Л.И. Брежнев, «прорвался» я к нему на прием с докладом о положении дел на ЗИЛе. На эту встречу взял с собой двух наших представительниц «слабого пола», одна — Герой Социалистического Труда, другая — депутат Верховного Совета СССР.

Рассказал ему про завод, про людей, про производство, про планы. Вообще — все как положено. Женщины «мои» рядом сидят, подтверждают, улыбаются. Вижу, Леонид Ильич доволен встречей.

Вопрос о возвращении Стрельцова пока не поднимаю. Рано. Здесь ведь тоже, как в футболе, тактика своя нужна: некстати вопрос задашь и вылетишь из кабинета ни с чем, да так, что больше никогда туда и не попадешь.

В конце встречи Леонид Ильич, как обычно в таких случаях, говорит:

— Ну, а чем помочь вам надо?

Я поблагодарил Генсека за готовность помочь ЗИЛу в решении жизненно важных вопросов. Поставил их перед ним, получил добро. Вот тут, как я почувствовал, и настала пора заговорить об опальном футболисте.

— Негоже получается, Леонид Ильич, с Эдуардом Стрельцовым. Вы заядлый болельщик и не можете не помнить его. Вернулся парень из лагерей, а играть в «Торпедо» ему не дают, дисквалифицирован Спорткомитетом. Рабочие и весь

коллектив просят.

Женщины «мои» головами закивали в поддержку моей просьбы, улыбнулись, глядя на Леонида Ильича с надеждой.

Брежнев задумался на несколько секунд и говорит:

— Я, Аркадий, одного не пойму: если вышел из тюрьмы слесарь, то ему можно работать слесарем, а если футболист вышел, то ему, выходит, играть в футбол нельзя? Законный вопрос? Справедливо ли это?

Я и обе «мои» помощницы почти хором ответили, что вопрос ставится правильно, что лишать Стрельцова возможности играть в футбол несправедливо, что это нужно поправить.

И вопрос был решен в тот же день. Решен, конечно же, положительно. С 1965 года Эдик опять играл в нашей команде, и в тот же год мы стали чемпионами Союза».

Такой эпизод вспомнил и рассказал мне А.И. Вольский. А я подумал о том, как стройно и логично для того времени выстроилось все в трагическом отрезке жизни Стрельцова: судьбу его определили два человека, занимавшие высшие посты в государстве. Один, Н.С. Хрущев, в назидание другим распорядился: «Посадить, и надолго!». Другой, Л.И. Брежнев, своим словом вернул его спорту, футболу, болельщикам. Кто еще будет утверждать, что решалось это дело не «сверху»?!

Прощаясь с Аркадием Ивановичем, я отдал ему фотографию Стрельцова, где он стоит с Кубком СССР.

Аркадий Иванович посмотрел на фотографию и сказал:

— Это 1968 год. На нашей базе в Мячиково. Кубок этот мы тогда шампанским наполнили.

И вновь с большим удовлетворением подчеркнул, сколь велик был вклад Э. Стрельцова в оба эти самые высокие достижения торпедовцев — победы в соревнованиях за звание чемпионов Советского Союза и за обладание Кубком СССР.

Итак, Стрельцова включили-таки в 1965 году в основной состав «Торпедо», и в последующие четыре года он доказал и друзьям, и недоброжелателям-перестраховщикам, и болельщикам, и всей стране, что он стоит первым в шеренге лучших центральных нападающих нашего футбола.

В своей книге «Облом» известный футболист, писатель и поэт Александр Ткаченко вспоминает, что первый свой официальный матч после семилетнего перерыва Эдуард Стрельцов играл в Одессе. Показательно, что тренер сборной страны Борис Андреевич Аркадьев специально полетел на игру «Черноморец» — «Торпедо», чтобы посмотреть Стрельцова. Вернувшись, он на первом же собрании рассказал о матче, отметив, что Стрельцов сыграл неудачно и что вообще «от Стрельцова осталась

половинка».

Следующая игра Стрельцова в чемпионате СССР — первая в Москве, была в Лужниках: «Торпедо» — «Локомотив». Стрельцов был великолепен. Несмотря на персонального опекуна, он «раздел» «Локомотив» один, на глазах у заполненной до краев чаши стадиона, у болельщиков, которые пришли увидеть возвращение Эдика.

Два гола забил сам и третий сделал полностью, пройдя сквозь всех защитников до самой штанги, пяткой отбросив мяч на вошедшего на скорости в штрафную Щербакова. Тому ничего не оставалось делать, как подставить «щечку».

Через день после игры, на разборе — первыми словами Аркадьева были следующие: «Стрельцова немедленно в сборную, я ошибался. Стрельцова стало на половину больше — теперь он еще и тактик, и стратег ко всем его возможностям».

И действительно, это было феноменально — семь лет не играть в большой футбол и сразу стать одним из лучших игроков Союза!

Суммируя свои впечатления, А. Ткаченко, живущий и поныне футболом, обращается к молодым, не знавшим Стрельцова: «… Тем, кто не видел его игру, я скажу, что двадцатый век породил двух гениев футбола — Пеле и Стрельцова. Поверьте мне на слово, а тот, кто знал и видел его, может подтвердить, что это так».

Но вернемся к первому, для Стрельцова, кругу чемпионата. Вел он себя неброско. Не форсировал события, не спешил заявить о себе эффектными прорывами и голами. В нем жила спокойная уверенность в том, что будут и мощная игра, и голы, и победы — «куда они денутся?!»

И во втором круге все действительно стало на свои места, состоялись весомые голевые пасы. В том числе и уникальные стрельцовские — пяткой. И уже представить было немыслимо, что еще недавно «Торпедо» играло, обходилось без Стрельцова.

Если в 1963 году «Торпедо» в чемпионате СССР заняло лишь 10-е место, то в 1965 году со Стрельцовым команда стала чемпионом страны. Только в одном круге он сыграл в 26 играх, забил 12 голов. В следующем году — уже 31 игра и снова 12 голов. А главное — он выступал организатором, координатором атак и успешного взятия ворот соперников.

И в том же, 1966 году — очередной удар по самолюбию, очередная выходка перестраховщиков: его не выпустили в Англию в составе сборной СССР на чемпионат мира, разрушив его последнюю надежду еще раз побороться с корифеями мирового футбола.

Упорно ходили слухи, что английские газеты заранее подготовили заголовки для своих спортивных репортажей: «Советский уголовник покоряет сердца футбольных болельщиков Англии»; «Уголовник Стрельцов — лучший нападающий советской сборной». И этих досужих вымыслов оказалось достаточно, чтобы оставить дома ведущего игрока сборной!

Эдику объявили, что английское посольство не выдает виз ранее судимым. В действительности было немного иначе. МВД СССР (тогда Министерство охраны общественного порядка СССР) не выдало ему заграничный паспорт. Причина? Неблагонадежен.

Кто расскажет теперь, каково было Стрельцову от подобных оскорбительных решений? Можем только догадываться, а еще лучше расспросите тех, кто сам оказывался в таком положении.

Нам же хорошо известно, что в игре он продолжал свое второе восхождение.

Убедительным ответом недоброжелателям явилось то, что по итогам 1967 и 1968 годов он заслужил звание лучшего игрока страны. Наиболее показательным был 1968 год, тридцатый чемпионат СССР. На нем развернулась увлекательная для болельщиков гонка бомбардиров. В спортивной прессе того времени любители футбола могут найти много интереснейших статистических материалов о забитых и пропущенных голах, удачных голевых передачах.

Вот как об этом пишет спортивный журналист Владимир Ергаков:

«Первыми, в начале мая 1966 года, эту гонку возглавляли столичные игроки — Рудольф Атамалян, Борис Орешников (оба — «Локомотив») и Владимир Янкин («Спартак»), а также куйбышевец Борис Казаков — по 4 мяча. В середине месяца их догнал кутаисец Демури Векуа.

Затем произошла перегруппировка: вперед с 6 голами вышел Янкин, а Атамаляна и Векуа настиг Берадор Абдураимов из «Пахтакора» (у них стало по 5). Вскоре всех обошел Абдураимов — 8, а к июлю у него — 9 голов. К лидерам подтянулся Олег Копаев (ростовский СКА).

И вот тут вернувшийся из сборной Эдуард Стрельцов за месяц преодолел дистанцию, которую другие форварды не смогли покрыть за три, у него — 7 забитых мячей.

В середине июля лидируют Абдураимов и Стрельцов (по 10). У спартаковца Галимзяна Хусаинова стало 9, а у Копаева — 8.

Затем Стрельцов забивает еще 2 гола и идет вторым за Копаевым и Абдураимовым — по 13.

Стрельцов продолжает наращивать количество забитых мячей: в сентябре — 14, к середине октября — уже 17, а через

несколько дней — 18. Правда, гонку опять возглавляет Абдураимов (19).

Итог этой драматической и изнурительной гонки бомбардиров: Берадор Абдураимов и Гоча Гавашели финишируют с одинаковым результатом — по 22 забитых мяча. А Эдуард Стрельцов, устанавливая личный рекорд результативности за сезон, остается третьим — 21…»

И опять добавим, да и можно ли это сбрасывать со счетов: соперники и партнеры Эдуарда все последние годы жили только футболом, у них не было за плечами ни тюрьмы, ни лагерей, ни лесоповала, ни шахт, ни семи лет насильственного отлучения от игры, которая предопределена была ему судьбой как главное дело всей его жизни. И для сравнения вспомним, что в сезоне 1957 года, то есть до всех пережитых кошмаров, он в 19 матчах забил 31 мяч. И будь все нормально, он при «хорошем раскладе» намного прибавил бы в своих результатах.

Увы. Спортивная жизнь коротка.

Сезон 1969 года для Стрельцова практически был последним, он подвел черту под выступлениями в календарных играх. Отыграв 11 матчей, Эдуард во встрече дубля с динамовцами Москвы получил тяжелую травму — разрыв «ахилла». Молодой динамовец Никулин неудачно выполнил «подкат» против него.

Спустя годы мастер спорта международного класса С. Никулин так будет вспоминать этот эпизод:

— Увы, я вошел в историю как защитник, который ускорил уход Стрельцова из большого футбола. Действительно, во встрече дублеров «Динамо» и «Торпедо» я нанес ему, еще не залечившему как следует травму, новую, после которой Эдуард, если не ошибаюсь, так и не оправился до конца. Такой уж я был защитник — жесткий, не признававший никаких авторитетов, и мне было все равно, кого опекать. У меня всегда было одно задание — не пропускать. Позже я узнал последствия травмы, нанесенной Стрельцову, ездил к нему в больницу извиняться, хотя поверьте мне, злого умысла в моей жесткой игре против Эдика не было. Это, к счастью, понял и сам пострадавший, который успокоил меня тем, что в футболе трудно прожить без травм.

На поле он появлялся и после этой травмы, но мячей не забивал. Нога болела, травма не залечивалась.

Так в 1969–1970 годах заканчивался спортивный путь Эдуарда Стрельцова в большом футболе. Путь, который начался в детской, а затем продолжился во взрослой команде завода «Фрезер», а с шестнадцати лет — в основном составе «Торпедо» (1953–1958 и 1965–1970 годы). С восемнадцати лет — в составе сборной страны (1955–1958 и 1966–1968 годы). Ежегодно его

называли лучшим в стране центром нападения (кроме одного года, когда дали второе место).

Приведу сухую статистику, которую дал Ю. Кошель в спортивном ежемесячнике за 1990 год, о футболисте Стрельцове:

— 222 матча в чемпионатах СССР;

— 39 игр в составе сборной страны — 25 голов;

— Олимпийский чемпион (1956 год, Мельбурн);

— чемпион СССР (1965 год);

— второй призер в чемпионате СССР (1957 год);

— третий призер в чемпионате СССР (1968 год);

— обладатель Кубка СССР (1968 год);

— чемпион Спартакиады народов СССР в составе сборной Москвы (1956 год);

— лучший бомбардир чемпионата СССР (1955 год) — 15 голов в 21 матче;

— лучший футболист страны, которых определяла Федерация футбола СССР (1967, 1968 годы);

— в списках тридцати трех лучших футболистов, которых определяли журналисты, — шесть раз, в том числе четыре раза под № 1.

На счету Эдуарда 100 мячей в чемпионатах СССР, 15 — в розыгрышах Кубка страны, 3 — в европейских кубковых турнирах и 25 — в матчах национальной команды Союза.

Эти голы забиты им в ворота 28 отечественных клубов, двух зарубежных клубов и 13 национальных сборных:

— 14 — тбилисскому «Динамо»;

— 11 — ЦСКА;

— 10 — ленинградскому «Зениту»;

по 8 — московскому «Спартаку» и киевскому «Динамо»;

по 6 — донецкому «Шахтеру» и одесскому «Черноморцу»;

по 5 — куйбышевским «Крыльям Советов» и кутаисскому «Торпедо»;

по 4 — московским «Динамо» и «Локомотиву» и кутаисскому «Торпедо»;

по 3 — свердловскому ОДО, одесскому СКА и ташкентскому «Пахтакору», сборным Швеции, Чили и Индии;

по 2 — алма-атинскому «Кайрату», кишиневскому «Буревестнику», ростовскому СКА, волгоградскому «Трактору» и ленинградским «Трудовым резервам», команде «Спартак» (Трнава, Чехословакия), сборным Франции, ФРГ и Финляндии;

по 1 — ленинградскому «Адмиралтейцу», ереванскому «Арарату», кемеровскому «Кузбассу», харьковскому «Локомотиву», бакинскому и ферганскому «Нефтяникам», горьковскому «Торпедо», команде «Мотор» (Цвиккау, ГДР), сборным Дании,

Румынии, Венгрии, Польши, ГДР и Австрии.

Без громких проводов, без выноса на руках с поля, без заказных прощальных матчей Стрельцов уходит из футбола.

Невольно напрашивается сравнение с тем, как в декабре 1972 года сто пятьдесят тысяч бразильских болельщиков пришли на знаменитый стадион «Маракана» в Рио-де-Жанейро, чтобы проводить из большого спорта своего кумира Гарринчу. Те же годы, тоже не простая судьба, но другая страна. Страна, где люди могли свободно выразить свое восхищение кумиром. И как хорошо, что в наше время это стало правилом и у нас, в России. Пусть поздно, пусть лишь малой толикой признания футболисту служат сегодня мемориальные футбольные матчи памяти Эдуарда Стрельцова, собирающие полные стадионы болельщиков.

Уйдя из игры, Стрельцов не оставил футбол. Он успешно окончил институт физкультуры и высшую школу тренеров и в течение почти 15 лет добросовестно растил футбольную смену в родном клубе, оставаясь кумиром и идолом для своих торпедовских мальчишек.

У него новая семья: жена Рая, сын Игорь.

В восьмидесятые годы его мучает болезнь легких — сказалась работа на «пескоструйке» и в шахтах. Ускорило процесс обострения болезни участие в футбольном матче ветеранов в опасной близости от Чернобыльской АЭС, после аварии на третьем блоке. Был и такой эпизод в его жизни.

Принимались запоздалые меры по спасению Стрельцова, но ничто не помогало — ни лечение, ни клиники, ни врачи — светила медицины. Не спасли богатырские силы, заложенные в него природой. Казалось еще недавно, что все нипочем, все доступно и преодолимо. Не получилось, спасти его не удалось.

…В середине лета 1990-го года на центральном стадионе «Динамо» по чьей-то жестокой небрежности прозвучало сообщение о смерти великого футболиста. На следующий день в печати появилось опровержение. А сам Эдик вспомнил горькую шутку: «Сведения о моей смерти сильно преувеличены!» По народной примете — жить бы еще 100 лет. Но судьба распорядилась иначе: 22 июля 1990 года Стрельцова не стало. Это случилось на следующий день после его 53-летия и накануне очередной годовщины суда, исковеркавшего и сократившего его жизнь, перечеркнувшего многочисленные несостоявшиеся победы советского футбола.

22 июля 1990 года в газете «Московская правда» был опубликован траурный очерк почетного члена Федерации футбола СССР, известного спортивного журналиста Ю.Ваньята «Прощай, великий форвард».

«Ушел Эдуард Стрельцов. Закончил жизненный путь великий форвард отечественного футбола, игрок, как говорится, милостью Божьей, коренной москвич, коренной торпедовец, любимец миллионов поклонников советского спорта.

Тяжкая и долгая, пока еще неизлечимая практически болезнь отняла у нас кудесника мяча вслед за другим великим московским футболистом — Львом Яшиным. Эти потери невосполнимы. Они оставляют зияющие бреши в нашем футболе. Но навсегда остаются в его истории, на ее золотых страницах.

Талант, будь то в литературе, искусстве, науке, спорте, всегда неординарен, это, как сказать, «товар штучный».

А дарование Стрельцова ярко проявилось уже к семнадцати годам.

Статный светловолосый гигант из подмосковного физкультурного коллектива завода «Фрезер» сразу же проявил себя в знаменитом московском «Торпедо» конца 50-х годов. Удивительное чувство позиции, чувство мяча соединялось в любимом нами Стрельцове с нестандартной техникой. Чего стоил знаменитый стрельцовский пас пяткой точно назад к партнеру! Чаще всего к Валентину Иванову или Борису Батанову.

В той автозаводской «команде-звезде» Эдуард выделялся своими действиями на поле. Даже «фанаты» других клубов — известных соперников «Торпедо» — регулярно ходили тогда «на Стрельцова».

Ибо его игра, впитавшая в себя русское озорство, удаль и мощь, неизменно привораживала трибуны, делала замечательную игру праздником, неудержимо влекла мальчишек в футбол.

И вот первый всемирный спортивный успех: на Олимпийских играх в далеком австралийском Мельбурне Стрельцов в составе сборной СССР становится в 1956 году олимпийским чемпионом. А значит и заслуженным мастером спорта. Но два года спустя, после очень странного судебного процесса, Эдуард лишается этого почетного звания. А главное — на несколько лет лишается свободы.

Но ни на один день огромный автозаводский коллектив не бросает своего любимца. Ему помогают и с питанием, и со спортивной прессой, и даже с мячом для самостоятельных тренировок на той территории, где Эдуард работал, отбывая наказание.

Думается, что все это в итоге помогло Стрельцову по выходе на волю столь быстро набрать форму, во многом похожую на ту — олимпийскую.

И снова зритель пошел «на Стрельца». И опять он вошел в состав футбольной сборной СССР. Возвратили ему и звание

заслуженного.

Когда же пришла пора уходить с поля по возрасту, Эдуард Анатольевич Стрельцов перешел на тренерскую стезю. Взял под отеческую опеку своих любимых футбольных мальчишек. Да и сам продолжал восхищать зрителей, выступая за разные команды ветеранов. Но все оборвал недуг.

И сегодня мы говорим: спасибо тебе, Эдуард, наш Эдик, за все, что ты сделал для «Торпедо», для столичного футбола, для всего нашего многонационального спорта. Мы тебя не забудем. Как не забыли Всеволода Боброва, Льва Яшина, Андрея Старостина, Александра Пономарева, Григория Федотова.

Вырастут еще у нас на Руси яркие футбольные таланты. И имя Стрельцова они всегда будут произносить с уважением».

Склоним и мы головы в память о великом футболисте.

Таким он нам запомнился

Много добрых, в том числе и самых высоких слов было сказано о великом футболисте. Привести бы их все, да разве уместятся они на тесных страницах одной книги? И мне захотелось выбрать из воспоминаний о Стрельцове самые яркие, принадлежащие людям неординарным — его соратникам, «однополчанам» по спорту, друзьям. Они видели его не со стороны, не с трибун, телевизионных экранов и газетных полос. Они знали его годами, дружили с ним, добротно делали одно общее дело. И остались или останутся в истории рядом с ним.

Воспоминания эти опубликованы в разных источниках — газетах и журналах, в книге «Вижу поле…», брошюре Ю.М. Степаненко «Эдуард Стрельцов». Я уже писал о том, что когда готовил эту книгу, неоднократно общался с ветеранами футбола, нашими неувядающими легендами А.А. Парамоновым, Н.П. Симоняном, Ю.И. Беляевым, В.К. Ивановым, В.М. Шустиковым, В.Н. Маслаченко, ездил в Российский футбольный союз, в футбольные клубы «Торпедо», «Динамо», ЦСКА, встречался с А.И. Вольским, писателем А.П. Нилиным, журналистами Ю.М. Степаненко, А.Н. Бочининым, В.Н. Ергаковым, шахматистом А.Е. Карповым, боксерами В.П. Агеевым и Э.В. Борисовым. Все в один голос сказали примерно так: «Можешь смело приводить наши воспоминания. Лишь бы польза была для пересмотра дела Стрельцова».

Напомню еще раз, уважаемые читатели, что по уголовно-процессуальному законодательству органы следствия и суда должны исследовать личность виновного. По делу Стрельцова о его личности допрошены только те лица, чьи показания устраивали обвинение, а в суде вообще никто не допрашивался.

Вот и давайте через 40 лет, хотя бы на страницах книги, восполним этот пробел и «допросим» по характеристике личности Стрельцова тех, кто был рядом с ним долгие годы. Итак, об Эдуарде Стрельцове говорят известные люди нашей страны.

Г. Качалин, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, старший тренер Олимпийской сборной в Мельбурне в 1956 году:

«Обладая точным и сильным ударом, Стрельцов в тактическом плане не только успешно решал поставленные тренером задачи, но и вносил в игру свое, личное, не предусмотренное установкой на игру, исходя из складывающейся ситуации. Это свидетельствует о творческом интеллекте Стрельцова.

В 17 лет он был привлечен в состав сборной СССР, успешно выступавшей в тот период. Он был под стать своим партнерам: стержневым игроком, лидером в линии нападения, грозой соперников. Несмотря на то, что к нему часто прикреплялся один из игроков противника, для нейтрализации Стрельцова отряжался и второй страхующий защитник.

Его игра вызывала повышенный интерес к нему не только со стороны тренеров команды-соперника. Многие любители футбола посещали матчи с участием команды «Торпедо» потому, что в ее составе выступал Стрельцов. Он, несомненно, усиливал игру команды «Торпедо», сборной команды СССР.

Следует сказать что футбольное счастье Эдуарда Стрельцова было не только в нем, в его таланте, но и в его товарищах по команде, тренере В. Маслове, его ближайшем партнере — В. Иванове. Вместе они представляли дуэт, который всегда вызывал беспокойство у соперников. Эта тревога была обоснованной, так как их взаимопонимание и совместные действия нередко ставили в затруднительное положение соперников».

М. Якушин, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР:

«Хорошо помню, как Эдуард Стрельцов дебютировал в большом футболе. Это был впечатляющий дебют молодого мастера. Подкупали в нем скромность, трудолюбие и, безусловно, редкий талант…

И когда после большого перерыва Эдуард вновь появился на футбольном поле, он блистал, как в лучших своих матчах.

Я, будучи тренером сборной команды страны, привлек его в команду уже в тридцатилетнем возрасте. Чем был продиктован этот выбор? В Стрельцове я видел лидера, способного повести за собой команду, сплотить игроков вокруг себя — такими были его человеческие качества. Это был настоящий товарищ, вожак. Два года тогда, в 1967–68 годах, Эдуард успешно выступал за главную команду страны. Вся команда, и в ней особенно Эдуард Стрельцов, могла гордиться играми в тех впечатляющих сезонах».

Н. Озеров, заслуженный мастер спорта СССР, спортивный комментатор, народный артист России:

«Стрельцов — это величайший футболист. Вспоминаю, когда он играл, яблоку негде было упасть на трибунах — столько зрителей ходило на игры, чтобы увидеть в деле этого замечательного футболиста. И если бы его жизнь сложилась иначе, в нашей стране вырос бы футболист уровня Пеле, а может, даже и выше. Это необычайно добрый, порядочный, очень ласковый человек.

Я всегда испытывал вдохновение, когда вел репортажи о

матчах с участием Стрельцова. Его выход на поле для меня всегда был праздником, хотя и не всегда Эдуард играл в полную силу. В 1963 году мне посчастливилось вести репортаж с лондонского стадиона «Уэмбли» о товарищеском матче между сборными Великобритании и остального мира. Во втором тайме в игру вступил знаменитый венгр Пушкаш. Но поскольку за 7 лет до этого он по известным причинам (политическим) не вернулся на родину, упоминать его фамилию было запрещено. Представляете, в каком положении оказывался я, когда мяч попадал к Пушкашу? В 1965 году Стрельцов вернулся в большой футбол, и мне, мягко говоря, не рекомендовали часто называть его. Но он вновь, как и в молодости, играл так ярко, что умолчать об этом, несмотря на отрицательную реакцию моих начальников, я просто не мог. Вот такой великий футболист был у нас, и осталось только сожалеть, что его талант не раскрылся до конца».

В. Николаев, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, участник Олимпийских игр в Хельсинки в 1952 году:

«Стрельцова надо отнести к выдающейся плеяде советских футболистов пятидесятых-шестидесятых годов из команды «Торпедо», которые прославили футбол. Они были чемпионами Советского Союза и обладателями Кубка СССР. Они же составляли костяк сборной команды. То были урожайные годы для игры торпедовской команды. Тогда были и выдающиеся наставники у автозаводских футболистов — среди них Виктор Александрович Маслов, сам воспитанник «Торпедо». Еще в тридцатые годы я приходил смотреть на игру Маслова.

Жаль, что судьба так несправедливо поступила с Эдуардом Стрельцовым: как я считаю, он был осужден по недоразумению и был вынужден пропустить несколько лет своей спортивной деятельности. Но, несмотря на это, он, когда вышел и вновь начал играть в «Торпедо», показал опять-таки грамотную, интересную и в тактическом плане, и в физической подготовке игру. И, глядя на него, молодежь перенимала многие его «фирменные» приемы. Такие, например, как игра пяткой. Стрельцов был очень интересный форвард. Он обладал очень большой массой. И когда он владел мячом, он умел прикрывать этот мяч корпусом. Защитнику было очень тяжело к нему подступиться. И его, когда он стремительно шел на ворота, остановить было очень сложно.

Я вспоминаю игру в Швеции, где Эдик выступал впервые за сборную СССР. Так вот, ту игру мы выиграли со счетом 6:0. Три мяча забил Стрельцов. Его игра очень впечатляла. Она напоминала игру Всеволода Михайловича Боброва, масса которого, может, была меньше, но Бобров с мячом всегда шел на

игрока. Шел для того, чтобы обыграть. Он не искал путей для того, чтобы бежать куда-то в сторону. И часто выигрывал такие единоборства. Вот в таком же стиле играл и Стрельцов. До него в «Торпедо» был похожий по манере игрок — Александр Пономарев — тоже нападающий таранного типа. Может быть, Стрельцова кое-что перенял и у Пономарева».

А. Вольский, председатель Союза промышленников и предпринимателей России:

«Долгие годы моя жизнь была связана с трудовым коллективом ЗИЛа: работал в цехе, был секретарем парткома завода-гиганта. Разговаривая с рабочими, бывая на стадионе, видел, как любят автозаводцы свою команду и особенно Стрельцова. И ведь так было не только в родной Москве. Однажды я поехал вместе с командой на игру в Куйбышев. На первый тайм Эдуарда, недавно вернувшегося в команду, не поставили. Так вот волжане на трибунах подняли невообразимый шум, скандировали: «Стрельцов! Эдика на поле!» Растерянные местные руководители сказали, что болельщики грозят поджечь трибуну, если не увидят Стрельцова. Пришлось делать срочную замену.

Любопытная история произошла осенью 1966 года, когда «Торпедо» должно было ехать в Италию на ответный матч Кубка европейских чемпионов со знаменитым миланским «Интером». Стрельцов недавно вышел из тюрьмы, считался, как говорилось тогда, невыездным. Решение о выдаче ему заграничного паспорта обсуждалось в моем присутствии на бюро горкома партии. Яростно выступила против поездки Стрельцова секретарь горкома, отвечавшая за идеологическую работу. «За кого вы ратуете, — убеждала она всех, — за преступника?.. Да он вас…»

Но все же большинством голосов «добро» было получено. Правда, мне сказали: «Смотри, товарищ Вольский! Вы тут ходатайствуйте, но если что — положите партбилет!»

С тяжелым ощущением уехал я в Италию. В Милане мы проиграли, если не ошибаюсь, 0:1… Утром надо было возвращаться домой. Раненько, часа за три до отъезда, заглянул к Стрельцову в номер. А он еще спит. Подхожу к кровати… Ба! Да его нет. Под одеялом только сумка. «Ну, думаю, пропал ты, Аркадий! Вот-вот улетать, а «беглеца» все нет. И лишь минут за пятнадцать, когда я уже ни на что не надеялся, Эдик появляется перед автобусом: «Решил вот подышать напоследок итальянским воздухом. Когда еще придется?»…

Об этой истории тогда в Москве никто не узнал».

Н. Симонян, Олимпийский чемпион 1956 года, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР:

«Эдика мы очень любили. Звали его «бэби». Не только

потому, что он был самый молодой в сборной страны. Нас, стариков, Эдик подкупал своей бескорыстностью, добродушием. Заметьте, для юноши его возраста — а ему было всего восемнадцать — это редкое свойство. Как правило, молодые люди, а особенно футболисты — честолюбивы, тщеславны, да, а он… Я вам один случай расскажу.

В Мельбурне было. По положению золотые медали вручали лишь тем, кто участвовал в финальной игре. Как известно, тренеры на финал, на последнюю игру поставили меня. Вместо Эдика. До этого он отыграл все предварительные матчи. Причем блестяще! И в том, что наша команда дошла до финала, — немалая заслуга его.

Словом, получил я золотую медаль, а никакой радости, совесть мучает. Иду к Стрельцову, говорю: «Эдик, эта золотая медаль не моя. Она твоя. Ты ее заслужил. Можешь взять ее себе».

Эдик наотрез отказался: за кого, мол, меня принимаешь? А я все равно места себе не нахожу. Снова подошел к нему на следующий день. Теперь уже на теплоходе «Грузия» — в море, когда отплыли домой. Тут Эдик осерчал. Говорит: «Если ты еще раз предложишь мне свою медаль, обижусь».

…До сих пор стоит перед глазами гол, забитый Эдуардом в ворота сборной Болгарии. Подхватив мяч на своей половине поля, он обыграл по пути едва ли не всю болгарскую команду и с лицевой линии закатил мяч в ворота. Это было потрясающе. Даже суперголы Марадоны на мексиканском первенстве мира не оставили такого впечатления. Подобное мог сотворить только великий футболист, каким, безусловно, был Эдуард Анатольевич.

Или еще один памятный матч. Не прошло и десяти минут с начала игры, а торпедовцы проигрывали ереванскому «Арарату» с крупным счетом 0:3. Но, проявив недюжинный свой характер, Стрельцов вместе с командой сумел переломить ход игры. В те минуты мы видели на поле настоящего вожака, который вел за собой товарищей по команде. И они сумели вырвать победу, забив четыре мяча. Такие игры не забываются.

Мне посчастливилось играть вместе со Стрельцовым. Он был выдвинут вперед, я действовал чуть сзади. Его нещадно били по ногам. Но никогда Эдик не давал сдачи, терпел. Он делал людям только добро. Делать добро — было его назначением в жизни. И дарить свою прекрасную игру зрителям — это тоже от его доброты.

Совершенно уверен, если бы Эдуард Стрельцов был с нами на чемпионате мира в Швеции в 1958 году, советские футболисты возвратились бы оттуда с медалями».

А. Парамонов, Олимпийский чемпион 1956 года,

заслуженный мастер спорта СССР:

«В «Спартаке» и в сборной я сделал немало голевых передач — всех, естественно, и не помню. А вот самую первую передачу Эдуарду Стрельцову запомнил на всю жизнь. Было это весной 1955 г. в Стокгольме, где сборная СССР со счетом 6:0 выиграла у Национальной команды Швеции. В том матче Стрельцов забил три мяча, и первый — с моей подачи.

После этого мы с ним играли на Олимпийских играх в Мельбурне, и хотя Эдуард был моложе всех, для нас он был равноправным членом нашей дружной команды.

А ценили мы Стрельцова не только за великолепную игру, но и за добрый, отзывчивый характер.

Эдуард Стрельцов — звезда мирового футбола. Много хлопот доставлял он своим соперникам, особенно защитникам. Примером может служить моя команда «Спартак» тех лет. Тогда опытный центральный защитник Анатолий Масленкин не в состоянии был найти пути, чтобы закрыть, хоть как-то нейтрализовать Стрельцова. В действиях Стрельцова было не только трудно, но порой и невозможно угадать — что же дальше?.. Против него играть было очень сложно, но приятно.

Насколько я помню, от него не исходило никаких обид к партнерам: не так дал, не так сыграл. Он уважал и партнеров, и противников. Несмотря на множество различных легенд о нем, он был скромным, без зазнайства, всегда уважительно относился к старшим.

Таким он и запомнился во всем мире. На первенстве мира в Италии после конференции ФИФА я встретился с только что избранным президентом УЕФА — шведом Юхансоном, центральным защитником национальной сборной 50-х годов. Первым, о ком он спросил, был Эдуард Стрельцов…»

В. Иванов, Олимпийский чемпион 1956 года, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР:

«Это легенда советского футбола! Имя его золотыми буквами вписано в историю. И навечно в ней останется рядом с такими именами, как Федотов, Пономарев, Яшин…

Стрельцов играл не только со мной, более старшим по возрасту. Он играл и с молодыми — Щербаковым, Гершковичем. И всегда его характерной чертой была — не жадность. Если у него есть возможность отдать мяч, чтобы другой забил, — он отдавал пас. Это его отличало от многих, подчеркиваю — многих наших форвардов. Отдать свой гол способны немногие.

Такие футболисты, как Стрельцов, рождаются раз в сто лет. Он обладал такими качествами, каких не было ни у кого. Физическая мощь, скорость и самое главное — ум. Эдик, как

никто другой, умел мыслить на поле, знал, когда бежать, когда постоять.

Наш путь в большой футбол был одинаков. С 1952 г. в «Торпедо» была такая практика — отбирать способных мальчишек и вести их на сбор в Сочи. Так я попал в этот набор, и после Сочи меня пригласили в основной состав «Торпедо», а спустя год Эдик прошел тот же путь.

Слава у него была большая, но чаще всего мы делили ее пополам, потому что, наверное, никто в нашей дружбе не понимал друг друга так, как мы со Стрельцовым. Вот, например, он бежит ко мне спиной и другой бы на моем месте остановился, но я-то знал, что Эдик, не оборачиваясь, отдаст мне свой знаменитый пас пяткой.

И в сборную мы пришли вместе. И забивали вообще-то тоже вместе. В чемпионатах я забил, например, 126 мячей, Эдик — 100. А если бы у него не было семилетнего перерыва, то, наверное, рекорд чемпионатов мы бы установили.

Стрельцова не с кем сравнить. Пеле — великий мастер, но у него не было мощи Стрельцова. У других была мощь, но не хватало быстрого мышления.

Уже тот факт, что Стрельцов после такого перерыва дважды признавался лучшим футболистом страны, говорит о его таланте».

А. Бышовец, заслуженный мастер спорта СССР, тренер олимпийских чемпионов 1988 года:

«Это, по всей видимости, самый выдающийся футболист последних сорока лет советского футбола. Его можно смело ставить в один ряд с такими корифеями, как Всеволод Бобров и Григорий Федотов. Для нас, еще молодых футболистов, он был образцом для подражания. Хороший товарищ, скромный, отзывчивый. Никогда не чувствовалось, что он — СТРЕЛЬЦОВ.

За простотой его обращения проглядывала жизненная мудрость. В целом он явил миру удивительное сочетание великого футболиста и Человека с большой буквы».

А. Севидов, мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР:

«Стрельцов был спортсменом-джентльменом. И он был таким потому, что джентльменское отношение к людям было основой его жизни. Это был человек неординарный и как футболист-профессионал, и как гражданин, как друг и товарищ. У него не было недругов. Он оставался любим народом. Вместе с Эдуардом в Высшей школе тренеров учился и мой сын Юрий. Вспоминаю, как часто он с увлечением рассказывал о Стрельцове. Многие учащиеся Высшей школы тренеров смотрели на великого футболиста как на бога. А он отвечал им нескрываемой простотой

и вниманием. Никому не отказывал в совете, а посоветовать ему, конечно, было что. И очень остроумно, с юмором рассказывал о жизни, футболе.

В образе Эдуарда Стрельцова гармонично сочетались прекрасные качества замечательного человека и выдающегося футболиста».

Ю. Беляев, заслуженный мастер спорта СССР:

«Стрельцов — это выдающийся футболист нашего периода, пятидесятых — шестидесятых годов. Но он был, наверное, и самым человечным игроком за всю историю мирового футбола. Мы его знаем как доброго, отзывчивого, бескорыстного. Особенно мне запомнился матч на Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне, когда советская команда играла с болгарской. По существу, когда у нас из состава выпали два ключевых игрока — Иванов и Тищенко, Эдуард Стрельцов сделал свое дело: он забил решающий мяч, сквитав счет в дополнительное время, после чего за пять минут до конца Татушин вывел нашу команду вперед. Вот этот матч врезался в память на всю жизнь: потому что он решил в пользу сборной СССР вопрос о золотых медалях Олимпиады. Побольше бы таких, как Стрельцов, росло сейчас в нашем футболе. Тогда, я думаю, наша сборная блистала бы на всех международных турнирах. Недаром Эдуарда за рубежом называли «русский танк» — потому что его невозможно было удержать, особенно когда он входил в кураж. Мощный футболист с хорошо поставленным ударом и в то же время быстрый. Это был футболист простого склада. Григорий Иванович Федотов говорил: «Класс — это просто!» Вот Стрельцов делал все просто и классно!»

В. Сальков, мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР:

«В моей памяти есть эпизод, его я рассказываю всем футболистам, с которыми работаю в различных сборных. В одном их последних своих матчей за команду «Торпедо» Эдуард Стрельцов провел, на мой взгляд, наиболее мастерский из своих голов. Я играл тогда за команду «Шахтер». И так получилось, что во всех матчах, когда мы встречались с «Торпедо», мне давали задание играть персонально против Эдуарда. Матч, как помню, проходил в Лужниках. По-моему, в 1966 году. Стрельцова поставили слева, и я тоже переместился в эту зону…

Эпизод же следующий. У нас тогда был надежный вратарь Коротких — с прекрасной реакцией, с хорошим пониманием игры. Но вот к штрафной площадке приблизился Эдуард и замахнулся бить по воротам. Я на этот замах среагировал. Он сразу поменял решение, так как я закрывал полет мяча в ворота. Делает второе обманное движение. Я и на него отвечаю

перекрытием зоны удара. Но и этот замах был ложным. Тогда он принимает третье решение, после которого я потерял координацию и упал. В этот момент он вновь замахивается бить по воротам. Я лежа приближаюсь к нему и закрываю, так сказать, амбразуру телом. Он, видя, что его удар может прийтись мне в спину, забирает мяч назад и мимо меня, лежащего, на легком таком замахе катит мяч в ворота… Вратарь готовился к сильному удару. Был в застывшей динамике. И когда Стрельцов из-под меня легко катнул мяч в дальний угол, — даже Коротких уже не способен был среагировать…

Для меня это был эталонный гол. Потому что я, защитник, видел много нападающих, но то, что Эдуард сделал в этом эпизоде, — это было из разряда самого высокого мастерства».

И. Лукьянов, судья международной категории:

«Его игру было очень просто судить. Великолепный мастер и удивительно скромный человек. Грубого слова я от него никогда не слышал на поле. И, думаю, его товарищи тоже. Звездой-зазнайкой он никогда не был. Я, например, сколько его знал, очень редко видел, чтобы он носил значок «Заслуженный мастер спорта». А это уже о чем-то говорит. А ведь он один из двух советских футболистов, кто получил звание «заслуженного», не являясь даже «мастером».

В. Маслаченко, заслуженный мастер спорта СССР, спортивный комментатор:

«Все, что делал Эдуард Стрельцов на поле, сродни искусству. Он — футбольный Шаляпин.

В 1966 году «Торпедо» участвовало в Кубке европейских чемпионов. После встречи с итальянским «Интером» «Газетте делла спорт» от 01.10.1966 года писала:

«Великолепное впечатление оставила игра центрального нападающего русской команды Стрельцова. С ним не могли сравниться даже такие знаменитости, как Маццола, Корсо и Жаир. Он был выше их в искусстве владения мячом и в глубине, яркости футбольного мышления».

М. Хурцилава, заслуженный мастер спорта СССР:

«…Труднее всего играть против тех, кто едва ли не любым своим движением пытается загадать тебе загадку. К таким форвардам я относил Эдуарда Стрельцова. Играть против него было хотя и нелегко, но приятно. Все время держал себя настороже, подстегивал, как бы бросал вызов: давай состязаться в сообразительности, находчивости! Выиграть такой поединок — одно удовольствие.

Наши пути со Стрельцовым стали пересекаться уже после его возвращения в большой футбол, когда и «Торпедо», и тбилисское

«Динамо» стали ведущими в стране. Какие же были дуэли между нами! До сих пор вспоминаю о них с трепетом. По-разному проходили наши единоборства, но ни разу я не спорил против него грубо, с желанием причинить боль. А о том, как по-джентльменски вел себя на поле Стрельцов, знали все — грубить, по-моему, он вообще не умел. Словом, наша борьба была честной, и я с гордостью вспоминаю о том, что нередко отбирал у него мяч. Зато когда торпедовцы встречались не с нами, с тбилисскими динамовцами, я с удовольствием следил за его игрой и всегда радовался, когда Эдик кого-нибудь красиво обыгрывал».

А. Папанов, народный артист СССР:

«За что я люблю Стрельцова? Он, Стрельцов, пяткой думает… А если серьезно, люблю этого футболиста за то, что на поле мыслит, думает».

А. Галинский, известный спортивный журналист:

«Мы все в неоплатном, тяжелом долгу перед Эдуардом Стрельцовым. За то, что не подняли в свое время голос в его защиту. И сегодня нужна реабилитация этого человека в глазах общественности за несправедливые репрессии в его адрес, а не амнистия.

Он был одарен феноменальным талантом. Такие личности не часто приходят в большой футбол, может быть, в 20–30 лет один на всю нашу огромную страну. Да и в мире, убежден, таких талантов были единицы.

Стрельцов обладал прекрасной координированностью, был гибок и пластичен. Его по-футбольному мудрая голова, словно электронно-вычислительная машина, давала оптимальные задания, и он в считанные мгновения принимал верные решения.

Он обладал вкупе со скоростью мышления редкой скоростью передвижения. И часто по этой причине оказывался «вне игры», судьи не могли предположить, что можно развивать такую скорость. И это несмотря на то, что Эдуард Стрельцов имел врожденное плоскостопие. Если бы не это обстоятельство и безвозвратно потерянные для большого футбола годы, да плюс человеческое внимание и забота — наша страна имела бы такого мастера, которым гордился бы весь футбольный мир…»

И. Нетто, заслуженный мастер спорта СССР, бывший капитан сборной СССР, Олимпийский чемпион:

«Футбольный талант Эдуарда Стрельцова, его на удивление отзывчивый характер хорошо известны не только тем, кто с ним часто общался на футбольных полях и за их пределами, поэтому вряд ли есть смысл повторять то, что всем известно. В его судьбе лично меня потрясла не только беда, случившаяся с ним весной

1958 года, в конце подготовки к поездке на чемпионат мира в Швецию, но и то, что этому предшествовало, словно и в самом деле есть какие-то потусторонние силы, которые, подобно хорошему писателю, закручивают непредсказуемые жизненные сюжеты. Ведь если разобраться во всей этой истории со Стрельцовым, то началась она за полгода до майской беды, когда мы отправились в ГДР играть дополнительный матч отборочного цикла чемпионата мира с поляками.

Напомню, что Стрельцов и Иванов опоздали на поезд и догнали только на какой-то станции. А теперь представьте, если бы Эдик не попал на игру с командой в ГДР, не забил бы в ворота сборной Польши гол, то мы не попали бы в финал, и, следовательно, не готовились бы к нему в Тарасовке, где случилось свидание с женщиной, которая позже обвинила его в том, что он якобы ее изнасиловал. Вот так трагически закончилась история, начатая Эдиком осенью 1957 года».

В. Шустиков, заслуженный мастер спорта СССР:

«О том, как играл Эдик, какие мячи он забивал и в чьи ворота, говорить не стану. Хотя поиграли мы вместе не один сезон. Немного о другом. Говорят, тюрьма калечит людей, делает их злобными, корыстными. С Эдиком этого не случилось. Хотя, конечно, пять лет, что он провел в заключении, практически закрыли для него будущность великого футбола.

Представьте себе, в 18–19 лет он уже знаменит, чемпион. Обласкан и болельщиками, и футбольными властями. Ему дали машину и квартиру. У него есть возможность хорошо и дорого одеваться. Какая почва для, как сейчас говорят, звездной болезни! Эдика она, к сожалению, коснулась. И довольно прямо.

Ну, могли бы мы даже на миг представить себе такое — отказаться играть за сборную страны? Или играть спустя рукава. Мог бы хоть на секунду представить или подумать об этом Стрельцов?

Он был немногословным, но очень общительным человеком. Годы прошли, и множество конкретных проявлений его человеческих качеств в памяти стираются. Осталось главное — Стрельцов был нормальным порядочным мужиком. Он был «отцом» для молодых футболистов. Михаил Гершкович, Анатолий Бышовец и многие другие известные футболисты вправе считать себя воспитанниками Стрельцова».

Ю. Золотов, мастер спорта СССР, заслуженный тренер России:

«Мне посчастливилось играть с Эдиком три сезона, хотя знал я его, начиная с появления парнишки в команде «Торпедо» и до конца жизни большого спортсмена. Он без всяких преувеличений был уникальным футболистом. Вот, к примеру, одна сторона его

одаренности. Для защитника главное было запугать нападающего своей мощью, жесткостью, напустить на него страху, заставить забыть о всяких обводках, технике. И очень многие нападающие действительно пасовали перед грубой силой. С Эдиком такой номер не проходил.

Многие знают об этом случае. В игре с киевлянами против Стрельцова вышел один из лучших в то время защитников страны Виталий Голубев. Тогда в футбольных кругах только начали говорить о том, что в «Торпедо» появился талантливый мальчик. Ну, Голубев решил сбить спесь с юнца. Еще перед выходом на поле он всячески пытался запугать «выскочку». Говорил что-то вроде того, что я, мол, из тебя котлету сделаю. Эдик молчал. А после первого тайма Голубев зашел в раздевалку, сел на пол (не на скамейку), достал «Беломор» и… закурил. Он никак не мог опомниться, что его «смяли». И кто?

Потом подобные чувства испытывали многие защитники как наших, так и зарубежных команд».

Н. Маношин, мастер спорта международного класса:

«Мы считали, что сильней футболиста, чем Стрельцов, в мире нет. Это позже, на чемпионате мира в 1958 году, где должен был, между прочим, играть и Стрельцов, появился Пеле. И не случись прискорбная история с Эдиком, кто знает, кого назвали бы королем футбола. Думаю, они оба стояли бы на пьедестале.

Вспоминая сейчас игру Стрельцова и стараясь выделить какие-то особые приемы, финты, теряешься: что же было главным?

Он не был искусным дриблером, но защитников обходил. Вроде бы и скорость не так велика, а противник оставался за спиной. Да и пасы его не отличались большим разнообразием, а перехватить соперник не мог.

В молодости был мощным тараном, способным проломить любую защитную стену и ворваться в штрафную площадку с защитником на плечах. Повзрослев, стал таким «диспетчером», который безошибочно выводил своих игроков на выгодные для обстрела ворот противника позиции.

Мог простоять восемьдесят минут, а за десять забить гол, а то и два.

Вот и думай, где здесь тайна, секрет, а где простота. Может, именно в том и есть талант великого мастера».

В. Царев, заслуженный мастер спорта СССР:

«Эдуарда Стрельцова считаю самым ярким нападающим в нашем футболе, под стать таким выдающимся футболистам, как Пеле и Пушкаш. Но слава не мешала ему оставаться на удивление скромным, добрым человеком, и неудивительно, что его любили

не только за великолепную игру. К сожалению, судьба распорядилась так, что свои лучшие годы Эдуард Стрельцов провел не на футбольных полях, а на таежных лесоразработках, в чем, безусловно, прежде всего, виноват сам: насколько он силен был на стадионах, настолько же слаб за их пределами. Пройдя с честью огонь и воду, Стрельцов не выдержал звуки медных труб, исполнявших марши в его честь с 17 лет. Раннее признание в конце концов и поломало его жизнь, а любителей футбола лишило возможности восторгаться игрой Стрельцова на протяжении многих лет».

В. Понедельник, заслуженный мастер спорта СССР:

«Наши пути в футболе с Эдуардом Стрельцовым неоднократно пересекались. Зимой 1958 года у него возникли первые осложнения, вызванные так называемой «звездной болезнью»: в «Комсомольской правде» был опубликован фельетон. Эдик был выведен из сборной, вылетавшей на тренировочный сбор в Китай. В результате вместо Стрельцова в эту поездку взяли меня.

Затем мы неоднократно встречались и на футбольных полях, и в другой обстановке. Последняя наша встреча как игроков сборной произошла осенью 1966 года. Тогда меня во время матча с командой ГДР провожали из сборной, а Эдуард Стрельцов вернулся в нее после восьми с половиной лет (!). Каким выдающимся игроком был Стрельцов, надо полагать, знают все любители футбола. Но, наверное, немногие знают о его скромности. Лично меня она всегда поражала. Похоже, Эдуард, несмотря на ошибки молодости, связанные с популярностью, до конца так и не понял своего величия и до смерти оставался простым, всем доступным человеком. Каким был и в юности, когда работал на «Фрезере».

З. Соткилава, народный артист СССР:

«Стрельцов — это футбольный памятник. В юности я тоже играл в футбол, в тбилисском «Динамо», и хорошо помню его один из первых мячей. Было это весной 1954 года в Тбилиси. Ту встречу выиграли динамовцы со счетом 2:1 и единственный гол у москвичей забил 17-летний Эдуард Стрельцов. С тех пор я внимательно следил за взлетом Эдуарда. И был сильно огорчен его падением. Но больше всего меня потрясло, что, вернувшись в большой футбол после 7-летнего перерыва, Стрельцов снова стал лучшим в нашем футболе, будто и сил у него не убавилось, и главное, сама игра за это время не изменилась».

А. Исаев, заслуженный мастер спорта СССР, Олимпийский чемпион:

«Эдуард Стрельцов был любимцем зрителей все годы,

проведенные им на футбольных полях. Но пик их любви пришелся на начало 60-х годов, когда он вышел на свободу, но не имел права участвовать в чемпионатах страны. Стрельцов играл тогда в первой мужской команде «Торпедо» в чемпионате Москвы. Сколько же зрителей собирала тогда заводская команда!

Вместительный стадион «Торпедо», например, не всегда вмещал всех желающих посмотреть на игру Стрельцова. А на других стадионах, несмотря на усиленную охрану, возникали потасовки из-за мест, случались даже и более неприятные вещи. Вот такой кумир был когда-то у наших любителей футбола, и мы, хотя и были постарше Эдуарда Стрельцова, чему-то учились у него».

Ю. Савченко, мастер спорта СССР, судья ФИФА:

«Я родился на 8 лет позже Стрельцова, поэтому когда в середине 60-х годов судьба свела меня с ним, более счастливого футболиста, чем я, наверное, не было. Поначалу, правда, авторитет Стрельцова действовал на меня отрицательно — все боялся ошибиться, дать неточный пас своему кумиру. Но Эдик был простым человеком, лишенным зазнайства, менторских привычек. И в конце концов он убедил меня в том, что рядом с ним могу играть неплохо, без оглядки на именитого партнера. В финале Кубка в 1968 г. Стрельцов выдал мне пяткой такой пас, что о нем вспоминаю уже 29 лет — ведь после его передачи я забил в ворота «Пахтакора» единственный гол, и мы выиграли Кубок. Такое не забывается никогда».

Привожу эти воспоминания, вдумываюсь в добрые слова, сказанные об Эдуарде Стрельцове, и снова возвращаюсь к мысли: как жаль, что история не знает сослагательных наклонений!

«За что меня посадили?»

Подходит к концу повествование о триумфе и трагедии Эдуарда Стрельцова — одного из лучших центральных нападающих отечественного и мирового футбола, человека изломанной судьбы, любимца и кумира болельщиков нескольких поколений.

И перечитывая написанное, переосмысливая вехи его пути, восстанавливая в памяти события и факты, вольно или невольно анализируешь поведение людей, их отношение к Стрельцову, благую или роковую роль в его жизни. Вновь и вновь напрашиваются вопросы, не попытавшись ответить на которые, нельзя поставить точку.

Я вижу необходимость на основании уже изложенного и того, что осталось за страницами книги, сделать еще одну попытку разобраться, почему так, а не иначе, сложилась судьба Стрельцова, почему, за что, кем было сделано все возможное, чтобы отлучить его от спорта и лишить наш футбол многих ярких страниц и блистательных побед.

На вопрос — «За что?» — могут ответить, что это понятно, это определил суд: за изнасилование. Но я и взялся за перо, чтобы оспорить это обвинение. Побудить пересмотреть дело и доказать, что не было изнасилования, а Стрельцов — не насильник. Доводы в пользу этого в книге изложены.

Вопросы, связанные с обрушившейся на него бедой, всю жизнь, конечно, мучили его.

Писатель Александр Нилин, друживший с Эдуардом, вспоминает, что незадолго до кончины Стрельцов снова с горечью произнес: «Одного не пойму — за что меня посадили?»

Нет сомнений, что человек, обреченный тяжелой болезнью на близкий конец, когда лукавить нет ни смысла, ни желания, ни сил, может задавать себе только самые важные для него вопросы.

И хотя эта книга посвящена разоблачению «дела Стрельцова», я не мог обойти его человеческие, спортивные, бойцовские качества. Через воспоминания друзей, организаторов футбола, товарищей по командам понимаешь, что все доброе, сказанное о Стрельцове, — правда, от души, по заслугам. И что все подмеченное ими — это главное в Эдуарде, Эдике Стрельцове. И это естественно, потому что память о хороших людях воскрешает только доброе.

И в то же время мы не впадем в противоречие и не погрешим против истины, и об этом в книге тоже сказано, если признаем, что поведение его далеко не всегда было безупречным.

На поле, как и многие футболисты, он не отличался корректностью, и его, случалось, наказывали. Вне поля, как и многие другие его друзья, соратники, соперники, он прослыл любителем выпить и побузить. Нападающий на футбольном поле, он задирался, конфликтовал, ввязывался в скандалы и потасовки и вне его.

Так уж сложилось, что в отрочестве он видел, как взрослые игроки регулярно отмечали состоявшиеся матчи возлияниями. Придя в команду мастеров, он стал участником частых выпивок и встреч с девушками. Это было у футболистов делом обыденным. Они были знамениты. Известность привлекала к ним. Поклонение болельщиков и славословие порой лишали их самоконтроля.

Процветали и такие явления, как переманивание игроков из команды в команду, что давало возможность мнить себя незаменимыми, чуть что не так, грубить руководителям, грозить уходом. Перед ведущими игроками заискивали, заигрывали, задаривали их, только бы не ушли в другие коллективы.

Стоит ли говорить, что это пагубно влияло и на Стрельцова, тем более что он, очень рано проявив свои великолепные спортивные качества, вовремя замеченный, выдвинутый, был в командах, где играл, едва ли не самым молодым? И принимал как должное все то, что происходило рядом.

Конечно же, молодого парня нужно и можно было поправить. А поправляя, разглядеть бы окружающим — взрослым, умудренным опытом, облеченным доверием и властью, призванным быть для Стрельцова наставниками, что имеют они дело со вчерашним пацаном из голодного военного времени, обделенным и лаской, и заботой, и поддержкой, и добрым примером, и отцовским влиянием, с парнем, оказавшимся в одночасье, в свои шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет на спортивном Олимпе в прямом и переносном смысле слова, растерявшимся от обрушившейся на него известности, узнаваемости, славы, от ревущих от восторга или негодования стадионов, от постоянно преследующего его скандирования трибун: «Стрелец! Стрелец! Стрелец!»

Об этом 40 лет назад написал адвокат С.А. Миловский в кассационной жалобе, направленной в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Делая основной упор на излишнюю суровость наказания, он настаивал, что суд не учел того, что сам Стрельцов явился жертвой меценатской опеки и уродливых методов воспитания молодых футболистов со стороны бывшего руководства Комитета по физкультуре и спорту СССР, общества «Торпедо», общественных организаций завода имени Лихачева и ряда других ответственных «покровителей» футбола.

Эти люди, утверждал адвокат, насаждая в спорте делячество, профессионализм (а спорт у нас, как известно, считался не профессиональным, а любительским) и нездоровый азарт, в безоглядной погоне за лаврами побед на футбольном поле любой ценой, за количеством забитых голов, видели в Стрельцове лишь футболиста, забыв о нем как о молодом человеке, только еще вступающем в жизнь. Они создали вокруг него ореол громкой славы «исключительного» и «незаменимого» центра нападения и атмосферу преклонения перед кумиром болельщиков.

По делу известно, что, будучи брошенным отцом, Стрельцов воспитывался одной матерью, полуграмотной женщиной. Несмотря на эти далеко не самые благоприятные семейные условия, Эдуард пришел в столичный спортивный мир скромным, застенчивым, вежливым и дисциплинированным шестнадцатилетним юношей, который не пил, не курил и краснел при замечаниях со стороны тренера.

Знакомство Стрельцова со спиртными напитками произошло не где-нибудь в пивных, а на официальных банкетах, где восхищенные его первыми блистательными успехами меценаты поили семнадцатилетнего рабочего паренька дорогим коньяком, а чтобы это не выглядело непедагогично, искусственно завышали в печати его возраст до двадцати четырех лет.

Ездившему до этого на электричке юноше по окончании матчей подавались комфортабельные «ЗИЛы» и «ЗИМы», в то время как остальные игроки довольствовались автобусами.

К нему на дом снаряжали посыльных с подарками; его засыпали премиями, шили ему костюмы у лучших портных, отдыхать отправляли в правительственные санатории.

Влияние этой шумной и щедрой опеки и бесконечные восхваления и воспевания способного спортсмена, почести и дифирамбы не замедлили сказаться на его характере и поведении. Со Стрельцовым происходит метаморфоза: он становится развязным, самоуверенным. Поскольку ему внушили, что он незаменим, что ему все дозволено, он начал нарушать спортивный режим, выпивать.

Вместо того чтобы вовремя осадить его, поставить на место, наказать и тем самым спасти, «добрые дяди» — меценаты мягко журят его, сквозь пальцы смотрят на его проделки. Больше того, они ограждают Стрельцова от справедливой критики, преследуя тех, кто осмеливается высказать правду о неблаговидных поступках знаменитого центра нападения.

А когда один из таких проступков был назван преступлением и стал широко известен, многие из тех, кто должен был чувствовать и свою вину за все, что произошло со Стрельцовым,

поспешили откреститься от него, присоединиться к хору обвинителей и хулителей, едва ли не обрадовались возможности сделать его «козлом отпущения».

Незадолго до события, которое было превращено в уголовное дело, Стрельцов и его друг и партнер Валентин Иванов попали в скандальную ситуацию, опоздав на поезд, увозивший команду за рубеж. Тогда руководители из Спорткомитета во имя грядущей победы в большом международном матче дозвонились до заместителя министра путей сообщения. Добились своего, ликвидировали ЧП. Поезд, вопреки расписанию, был остановлен в Можайске, опоздавшие заняли свои места.

Но когда под откос пошла жизнь Стрельцова, эти же руководители, боясь, что их каким-то боком может затронуть уголовное дело, безжалостно выбросили Эдуарда из футбола, и догонять ему «свой вагон» пришлось долгих семь лет.

Почему-то не попытались журналисты той же «Комсомольской правды» встретиться, поговорить дружески, по душам с известным спортсменом, не избежавшим, по их мнению, заражения вирусом «звездной болезни». Знаю, что в спортивном отделе газеты трудились тогда именитые, авторитетные, умудренные жизненным опытом знатоки спорта. Убежден, что общение с ними возымело бы куда больший успех, нежели оскорбительные, из пальца высосанные утверждения газеты. Такие, к примеру, как в статье «Еще раз о «звездной болезни» от 22 июня 1958 года.

«А человек-то Стрельцов был, — уверенно заявляют Н. Фомичев и И. Шатуновский, — серый, недалекий. Его некомпетентность в самых примитивных вопросах вызывала изумление и улыбки товарищей по команде. Он искренне считал, что Сочи находится на берегу Каспийского моря, а вода в море соленая оттого, что в ней плавает селедка».

Много возникает вопросов, когда читаешь подобное. Почему в прошедшем времени, почему такие обобщения, оценки и анекдоты-байки, почему говорится так высокомерно-снисходительно? И ведь это не единственный такой материал. На читателей и Стрельцова обрушилась серия заказных, написанных как бы под копирку, ругательных статей, в которых из одной в другую кочевали недопустимые и бездоказательные обвинения. В нарушение закона, еще до суда утверждалось, что он совершил тяжкое уголовное преступление, что он — хулиган и насильник. И так далее, и тому подобное.

Двадцатилетнего Стрельцова журналисты сами первыми нарекли «звездой», и они же с ходу объявили о ее закате, о «взлете и падении»… А ведь, к счастью, она, эта звезда, как ее ни

гасили, сияла еще долго.

Предвосхищали события, опять же с обвинительным уклоном, и некоторые руководители. Секретарь парткома ЗИЛа того времени А. Фатеев, например, задолго до суда, до того, как вина подследственного была доказана, угодливо докладывал следствию, что «…факт преступления Стрельцова широко обсуждался в коллективах завода и спортсменов и получил осуждение».

Еще более высокую «оперативность» проявили чиновники из Спорткомитета СССР. Уже на следующий день после случившегося, когда события еще только расследовались и вина не была доказана, они приняли решение дисквалифицировать Стрельцова. Срок не указывался, что означало: пожизненно.

Сегодня, задним числом, хорошо понимая особенности того времени, мы можем назвать все, что наговорили тогда о Стрельцове, словоблудием по чьей-то высокой воле, а карательные меры — государственным заказом. По сути, это стало тяжелым прессом, давившим жертву, на роль которой подобрали Стрельцова. Еще более изощренно давили на него следствие и суд. Невооруженным глазом видна их тенденциозность и заданность на обвинительный приговор.

Так, напомню, в качестве свидетелей привлекали в основном людей, враждебно настроенных к Стрельцову. В нарушение закона «забывали» предупредить их об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Между тем, общеизвестно, что ни один из действительно близко знавших Стрельцова людей не поверил в саму возможность совершения им преступления, тем более против человека. Все знали, как он добр и отзывчив.

К делу были приобщены характеризующие материалы, создающие исключительно негативный фон при оценке личности Стрельцова. И ни одной положительной характеристики, ни одного доброго слова. Это о человеке, в девятнадцать лет ставшем Олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта СССР. Вот и получилось: вознесли, развратили. А потом, лишь по навету, дружно и шумно дискредитировали и низвергли.

Эти и многие другие нарушения, которые уже приводились и изложены в кассационных жалобах, других материалах, были допущены вопреки закону. Права Стрельцова — подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного

— были попраны многократно. И когда об этом узнаешь и задумываешься сегодня, напрашиваются две аналогии из области искусства. Одна

— из сферы театра, другая — кино.

Первая. Уж очень похоже все то, что произошло, на хорошо

поставленный и сыгранный спектакль театра абсурда. Режиссер (мы уже говорили ранее, кто именно) сформулировал цель: в рамках очередной кампании борьбы за дисциплину и трезвость найти и примерно наказать какую-то, желательно колоритную фигуру (вот, мол, кого не пощадили), наказать построже, дабы другим неповадно было.

На главную роль выбрали подходящего человека (в отличие от настоящего театра — без его согласия) — широко известного и любимого, немного скандального, частенько выпивающего и «перебирающего», освистанного прессой и неискушенного в делах юриспруденции.

На остальные роли определили статистов, безоговорочно послушных замыслу режиссера, действующих по принципу «чего изволите-с?». Спектакль прошел «как по нотам», зрителей о впечатлении не спросили, да и нашлись, как всегда, те, что устроили овацию. Опять же — по извечному, нашенскому: пусть не все ладно в моем доме, лишь бы у соседа было похуже. А тут-то «похуже» у кого: у Олимпийского чемпиона, баловня судьбы, «звездного мальчика»! Зато мы — в порядке!

Вторая аналогия вызвана названием нашумевшего некогда фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Не так ли сложилось и у Стрельцова?

В фильме речь шла о другом времени, о давно канувшей в Лету эпохе. Но ощущать себя Стрельцов среди окружающих его людей мог именно так, как задолго до него герой фильма. С определенной долей условности примем, что «свои» — это те, кто находился рядом в нормальной, повседневной, до краев заполненной футболом, жизни. Это тренеры, руководители разных уровней, журналисты, а затем — работники милиции, суда и прокуратуры. Еще недавно многие из них расхваливали его. Восхищались, добивались дружбы, простое знакомство с ним старались всячески афишировать. От них, казалось бы, он и мог в трудную минуту ждать поддержки и помощи, объективности. Но этого не случилось.

Многие из «своих», когда со Стрельцовым случилась беда, когда над его головой грянул гром, отвернулись, отмахнулись, сделали вид, что иного финала и не ждали. Ни просьбы друзей, ни обивание матерью порогов организаций, еще вчера горячо в нем заинтересованных, результата не дали. В поддержке было отказано. А ведь он, неопытный в деле правовой защиты, неподготовленный, неискушенный в искусстве «мышиной возни», упав с высот, раздавленный чудовищными обвинениями, сам защищаться не мог. Да, наверное, и не хотел, из-за дурацкого мальчишеского упрямства: «С девушкой был, факт близости с ней

не отрицаю, а как это квалифицировать, ваше дело». Не допускал, видимо, по простоте душевной, что следователи и судьи так легко ухватятся за его признание. Это потом он будет годами терзаться вопросом: «Почему? За что?»

Да, многим «своим» именно это и было нужно: выдавить признания и свидетельские показания, подтасовать факты и — посадить надолго, как было велено.

Были среди «своих» и самые близкие — товарищи по спорту: чемпионы, рекордсмены, кавалеры высоких наград, люди, «вхожие» в высокие инстанции. Их заступничество, безусловно, могло благотворно сказаться на участи Стрельцова. Могло, но не сказалось.

Сошлюсь на документальный фильм «Вижу поле», посвященный Э. Стрельцову и демонстрировавшийся по телевидению. Один из участников экранного разговора поделился таким воспоминанием.

В 1963 году кем-то из друзей Эдуарда было подготовлено письмо на имя Н.С. Хрущева с просьбой об отмене дисквалификации Стрельцова, о его возврате в большой футбол. Под обращением автор поставил фамилии самых знаменитых спортсменов того времени в расчете на то, что уж ходатайство о снятии дисквалификации они подпишут. В передаче прозвучало несколько известных стране имен.

Эти имена с громкими титулами я перечислять не буду. Дело в том, что ни одной подписи, как об этом говорится в фильме, не появилось. Видимо, и эти сильные, мужественные люди дрогнули: а вдруг меня не поймут, как бы чего не вышло.

Горько об этом говорить, но факт остается фактом: письмо не пошло, шанс был упущен.

Это — о «своих».

Теперь — о «чужих», отнеся к ним, опять чисто условно, тех, кого Эдуард совсем не знал до «того случая», до следствия, суда и приговора. Это те, с кем «пересеклась» жизнь Стрельцова на его пути «в никуда»: подследственные, обвиняемые, заключенные, тюремный и лагерный персонал. Для них он поначалу был человеком из другого мира: недавно еще привилегированным, избалованным, зазнавшимся. Так им поначалу казалось. И он мог ждать от них не только настороженности и предубежденности, но и враждебности, агрессии. Однако и здесь случилось не так, и это тоже поучительно.

Как вы, наверное, помните, в камере, узнав в нем выдающегося футболиста, к нему отнеслись уважительно, а авторитет криминального мира Николай Загорский взял его под свое покровительство, и оно не раз выручало Эдуарда.

Многие надзиратели старались помочь, смягчить, облегчить его участь, условия пребывания в камере, лагере.

А как ему было не запомнить начальника Вятлага, организовавшего футбольный турнир! Понимал человек, что Олимпийский чемпион должен играть. И приезжал со своим окружением болеть за Стрельцова, верил, что, видя это, и подчиненные будут поддерживать знаменитого зэка-футболиста.

Вот и получилось, что среди многих «чужих» Стрельцов был своим в самом добром смысле этого слова.

Были, разумеется, и другие факты.

Чужие, например, оставили ему отметину на лице.

А свои? Были среди них и те, кто встал на защиту Стрельца: новые руководители ЗИЛа, генеральный директор Павел Дмитриевич Бородин и секретарь парткома Аркадий Иванович Вольский. Не оставляли в беде многие друзья-футболисты.

Бывший начальник команды московского «Торпедо», сделавший много для скорейшего возвращения Эдуарда в большой футбол и для увековечения его памяти, Ю.М. Степаненко вспоминает:

— Когда Стрельцов оказался в лагере, у нас состоялось собрание. Футболисты решили, что при выплатах премий за победу или по какому-либо другому случаю будем отчислять деньги и Стрельцову.

Его «долю» делили пополам: половину отдавали матери, а на вторую половину покупали продукты и отправляли их в лагерь посылкой или нарочным. В этой роли почти всегда выступал Витя Шустиков…

Слушал я этот рассказ и думал о том, как много значат настоящие дружба и товарищество!

И что уж вообще поразительно, так это свидетельства о том, что посылки с едой в тюрьму и лагеря Стрельцову посылали и болельщики на собранные ими деньги.

Пример этот, по-настоящему волнующий, зовет к тому, чтобы на несколько строк отвлечься от хода моих рассуждений и высказать хвалу по адресу этого удивительного и до конца не понятого еще нами братства людей — футбольных болельщиков.

Ревущие 100-тысячные стадионы, миллионы телезрителей, разные социальные сословия — от людей с мировой известностью до деградировавших личностей — все это включает в себя феномен болельщика.

Болельщики есть и в других видах спорта. Не менее темпераментные и не менее осведомленные о своих кумирах и знающие о них все — от размера обуви до имен любовниц.

Но футбольный болельщик — самый массовый, а поэтому,

наверное, и самый агрессивный.

К сожалению, мы знаем немало фактов, особенно на Западе, когда агрессия футбольных болельщиков не адекватна самому понятию «болельщики». Нередко, они представляют собой организованные группы, со своими лидерами, правилами, униформой, связью.

Сражения органов правопорядка с болельщиками на Западе, а теперь кое-где и у нас, задают массу вопросов людям, занимающимся социальной психологией.

И прежде всего возникает вопрос: почему именно в футболе болельщик так выплескивает свою агрессивность?

Что это? Несбывшиеся надежды, желание приобщиться к кумирам? Или какая-то другая аура, или какой-то психический вирус, заставляющий миллионы людей в едином порыве вскакивать с мест на стадионах, у радиоприемников и экранов телевизоров, превращаться в бесчисленное множество ревущих глоток: «Г-о-о-ол!!!» Что это? Ответа на этот вопрос у меня нет.

Что касается наших болельщиков того времени, когда играл Стрельцов, то они отличались своей коллективностью, значительно меньшей агрессивностью. Спокойный и доброжелательный был тогда наш болельщик. Давили его локтями в очередях, лез он без билетов через заборы и в дыры, чтобы попасть на футбол, аккуратно теснила его конная милиция.

Случалось, бывала пролита и кровь. Не выдерживали порой наши спортивные сооружения «массы» затиснутых на них людей, кипения страстей, бурного сопереживания происходящему на футбольном поле.

Вспоминается трагедия в Красноярске, когда в 1982 году при открытии Спартакиады народов СССР возникла такая давка на стадионе, что три человека погибли и 15 получили серьезные телесные повреждения.

Директор стадиона, уважаемый в Сибири человек М.Б. Дворкин чуть не пошел под суд: его обвинили в отсутствии необходимой предусмотрительности при прогнозировании количества болельщиков. Не дал, мол, своевременного распоряжения об открытии запасных ворот.

Дело за недоказанностью прекратили, но бесследно оно для Михаила Борисовича не прошло. Вскоре он умер от сердечного приступа. Светлая ему память!

Привел же я этот случай для того, чтобы еще раз показать: уникальна и непредсказуема эта 190 весьма предприимчивая и увлеченная спортом часть населения страны — болельщики. Трудно их сдержать, направить, удовлетворить.

Стрельцов, как правило, удовлетворял — своим мастерством,

своей искренностью и бескорыстной щедростью настоящего таланта.

Кумир! Больше к этому слову добавить мне нечего. Он, Стрельцов, был им для болельщиков. Можно по-разному расценивать, чьим кумиром он был: кумиром толпы или кумиром народа. За него одинаково болели и партийные боссы, и простые работяги, разбиравшие его голы у пивного ларька недалеко от стадиона «Торпедо».

На бескрайних просторах Союза футбольный гений Стрельцова под сомнение не брался никогда. Он был любим не только болельщиками «Торпедо», но и болельщиками других команд.

Вспомните, как толпились болельщики у здания Московского областного суда, когда 23 и 24 июля 1958 года туда привозили Стрельцова из Бутырки.

Искренние слезы на глазах. Робкая надежда на милосердие судей, недоумение и гнев после несправедливого, по их мнению, приговора…

И вот новая подробность: они создавали, оказывается, своеобразные кассы взаимопомощи (теперь их назвали бы «общак») для поддержки Стрельцова в лагерях. Так и хочется задним числом сказать им, оставшимся для нас безымянными: «Спасибо вам за Стрельцова!»

К слову сказать, и за рубежами нашей страны хорошо знали Стрельцова, хотя там он почти не выступал. Заслуженный мастер спорта СССР В. Шустиков вспоминает, что в 1960 или 1961 году команда московского «Торпедо» отлично проявила себя в ФРГ, выиграв почти все товарищеские встречи — с командой Мюнхена, со знаменитой «Шальке-04». И вот, когда ехали на очередную встречу, переводчик, слушавший в автобусе радиопередачу, оживился.

— Знаете, — говорит, — как оценивает комментатор вчерашний матч? Он говорит, что если бы участвовал в игре советский футболист Стрельцов, игра была бы еще интереснее, а счет — еще более разгромным. Но Стрельцов, мол, отбывает срок в тюрьме, и русские «ограничились скромным счетом 6:0!»

Такая слава шла тогда о Стрельцове. Заметим, уже два или три года не игравшем!

А в наши дни миллионы болельщиков выражают горячую признательность мэру столицы Юрию Михайловичу Лужкову за поддержку инициативы о присвоении стадиону «Торпедо» имени Эдуарда Стрельцова, за футбольные турниры памяти Стрельцова, за памятник ему в Лужниках — рядом с другими великими футболистами — Н. Старостиным и Л. Яшиным.

Делюсь своими наблюдениями и обобщениями не только для того, чтобы вспомнить, как было у нас «в те времена», времена, когда Стрельцовым пожертвовали во имя благой, как казалось кому-то (мы назвали уже, кому), цели. Дело в том, что и теперь с избытком хватает и театров абсурда с запрограммированными трагедиями, и недоброго отношения к людям со стороны тех, кто власть имеет, влиянием пользуется, кому доверено решать судьбу человека.

И хотя саму историю со Стрельцовым уже не поправишь, но уроки из нее могут пойти на пользу, послужить искоренению зла и утверждению справедливости, торжеству святого дела — защите прав человека.

Что до трагедии Стрельцова, то он ее пережил и никогда не узнает иного. А нам в память о нем, да и для себя, для нашей истории, для всего, что еще есть у нас и в нас доброго, святого, необходимо добиться его реабилитации. Этой благородной цели и должна послужить наша книга.

Вместо послесловия

Генеральному прокурору
Российской федерации
СКУРАТОВУ Ю.И.
Москва

Уважаемый Юрий Ильич!

В № 11 «Совершенно секретно» я прочитал статью заслуженного юриста России Андрея СУХОМЛИНОВА об уголовном деле Э. СТРЕЛЬЦОВА.

Для моего поколения и старше это дело всегда представлялось покрытым неловкостью, пятном в истории советского спорта. Получить мало-мальски объективную информацию было невозможно. В настоящий момент, благодаря усилиям А. СУХОМЛИНОВА, уголовное дело извлечено из тайников и создалась благоприятная ситуация для объективного, без какого-либо политического вмешательства, разбора дела.

Историю, конечно, не развернуть и не положить перед футбольными болельщиками те победы, которых лишилась Россия без Э. СТРЕЛЬЦОВА.

Но можно полностью вернуть доброе имя одному из величайших футболистов современности.

Я обращаюсь к Вам с предложением создать независимую комиссию по объективному рассмотрению дела в соответствии с имеющимися документами через 40 лет. Если недостаточно только моего обращения, я соберу в поддержку столько подписей величайших спортсменов России, сколько потребуется.

Объективный разбор дела может оказаться важным событием в реализации замысла построения правового государства, провозглашенного 1 Съездом народных депутатов СССР 1989 г.

Народный депутат СССР 1989–1991 гг.

А.Е. Карпов

01.12.1997 г.

Ответ из Генеральной прокуратуры РФ

Чемпиону мира по шахматам

Карпову А.Е.

Ваше обращение по делу Стрельцова Э.А. рассмотрено.

Генеральной прокуратурой РФ проверено в порядке надзора уголовное дело. Приговор Московского областного суда от 23–24.07.1958 г. является законным и обоснованным.

Вина Стрельцова в совершении преступления, помимо его объяснений, подтверждается показаниями потерпевшей Л., свидетелей Е., Востокова, П., Т., Огонькова и других, заключением судебно-медицинской экспертизы и другими материалами, проверенными в суде.

Действия Стрельцова квалифицированы в соответствии с законом, наказание назначено с учетом степени общественной опасности содеянного и данных о его личности.

Нарушений норм закона, влекущих отмену приговора, не имеется.

Оснований для постановки вопроса об опротестовании приговора не имеется.

Одновременно сообщаю, что в соответствии со ст. 325 УПК РСФСР правом обжалования приговора пользуются осужденные, их защитники и законные представители, а также потерпевшие, гражданские истцы и ответчики в части гражданского иска.

Начальник отдела управления по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам

В.К. Найданов

22.12.97 г. № 12–13 450–91
Генеральному прокурору
Российской федерации
СКУРАТОВУ Ю.И.
Москва

Уважаемый Юрий Ильич!

К сожалению, вынужден вновь обратиться к Вам по поводу уголовного дела выдающегося советского спортсмена, футболиста Эдуарда Стрельцова.

Как Вы, возможно, помните, в ноябре 1997 г. в ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 11) было опубликовано, на мой взгляд, серьезное и убедительное исследование А.В. Сухомлинова (полковник юстиции, заслуженный юрист РФ, в прошлом — прокурор), в котором была поставлена под сомнение законность

принятого в 1958 г. решения Московского областного суда об осуждении Эдуарда Анатольевича Стрельцова.

В декабре 1997 г. ежемесячник «Совершенно секретно» опубликовал мое обращение к Вам с просьбой вернуться к этому делу, создать независимую комиссию для проверки законности принятых решений по этому делу.

28 декабря 1997 г. я получил ответ из Генеральной прокуратуры РФ от начальника Отдела управления по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам В.К. Найданова. (Копия прилагается.)

Уважаемый Юрий Ильич!

Во-первых, я никаких жалоб по этому делу не подавал. Я всего лишь обратился к Вам с просьбой обратить внимание на это дело и дать поручение проверить его.

Во-вторых, я полагал, что Отдел тов. Найданова В.К. истребует дело из архива Московского областного суда, изучит его и примет прокурорское решение.

Как мне сообщил А.В.Сухомлинов, дело из Московского областного суда никуда не уходило, а изучать его из Генеральной прокуратуры в суд никто не приезжал.

Мне очень жаль, что я остался не понятым.

Дело Стрельцова досконально изучено А.В. Сухомлиновым, у него имеются все выписки, подобрана литература, проанализировано законодательство тех лет, получены консультации у ученых и практиков. А.В. Сухомлинов готовит к изданию новую книгу о Э. Стрельцове, где преобладает не спортивная, а правовая тема. Он готов все это доложить Вам.

Надеюсь, что мое вторичное обращение к Вам послужит поводом для выполнения соответствующих действий, поскольку, как я уверен, речь идет не столько о восстановлении доброго имени Э.Стрельцова, но и о соблюдении законности, что весьма важно и в наши дни.

С уважением

Заслуженный мастер спорта СССР, многократный чемпион мира по шахматам

А.Е. Карпов

P.S. *Если для реабилитации Стрельцова Э.А. необходимо обращение его родственников, то я готов организовать и это.*

Постскриптум

От замысла — собрать материалы и написать книгу о трагической судьбе Эдуарда Стрельцова — до его осуществления прошло не так уж много времени. Но жизнь наша так стремительна и динамична, что этот период вместил в себя множество «стрельцовских» событий.

Пока я ходил по инстанциям в поисках уголовного дела, изучал и анализировал его, стадиону «Торпедо» было присвоено имя Э.А. Стрельцова.

Пока расспрашивал об Эдуарде многих из хорошо знавших его людей, «лопатил» прессу, книгу «Вижу поле…», материалы спортивной статистики, отгремел футбольными баталиями международный турнир среди команд-ветеранов, посвященный 60-летию Стрельцова. Высокий ранг этого турнира был предопределен включением его в число мероприятий празднования 850-летия Москвы и 100-летия российского футбола.

Теперь проведение турниров памяти Э.А. Стрельцова стало славной традицией.

Я еще писал книгу, когда, заинтересовавшись темой, болея за доброе имя футболиста, активно включился в дело его реабилитации чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов. В декабрьском номере за 1997 год международного ежемесячника «Совершенно секретно» под рубрикой «Срочно в номер» опубликован его отклик на статью «Стрелецкая казнь» — открытое письмо Генеральному прокурору Российской Федерации Ю.И. Скуратову. В нем излагалось предложение создать независимую комиссию по объективному рассмотрению дела Стрельцова в соответствии с имеющимися документами. Ныне А.Е. Карпов повторно ставит этот вопрос.

Оба письма, как и ответ Генпрокуратуры на первое из них, включены в книгу.

И еще об одном событии. Когда работа над книгой была почти закончена, уже в 1998 году на стадионе в Лужниках был торжественно открыт памятник Эдуарду Стрельцову.

Пишу обо всем этом потому, что хочу еще и еще раз подчеркнуть: память о великом футболисте живет и будет жить. Надо только всем нам быть последовательными и официально очистить имя этого человека от всей той скверны, которая много лет назад была незаслуженно с ним сопряжена.

Буду счастлив, если этому послужит и моя книга.

Приложение

Дело № 2–196/58

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 23–24 июля 1958 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда в составе: председательствующего Гусева, народных заседателей Спасской и Попова, при секретаре Гольдшмид, с участием прокурора Выборнова и адвоката Миловского, рассмотрев в закрытом судебном заседании в гор. Москве дело по обвинению:

СТРЕЛЬЦОВА ЭДУАРДА АНАТОЛЬЕВИЧА,

1937 года рождения, уроженца г. Москвы, русского, члена ВЛКСМ, имеющего семиклассное образование, до ареста состоявшего футболистом ДСО «Торпедо» и сборной команды СССР, ранее не судимого, женатого, проживавшего в г. Москве по Автозаводской ул., корпус «г», кв. 55,

— по ст.74 ч.2, ст. 143 ч.1 УК РСФСР и по ч.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»;

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Стрельцов, будучи в нетрезвом состоянии в ночь с 25 на 26 мая на даче гр. Караханова на ст. Правда, Мытищинского р-на, Московской обл. изнасиловал гр. Л.

Находясь с гр. Л. в отдельной комнате, Стрельцов начал к ней приставать и требовать вступления с ним в половую связь. Получив категорический отказ, Стрельцов решил овладеть гр. Л. силой.

Л. оказала физическое сопротивление, кричала о помощи, но Стрельцов зажал ей рот, при этом Л. прокусила ему палец на руке.

После этого Стрельцов избил Л., ударами кулака причинил ей легкие телесные повреждения с расстройством здоровья. Когда

Л. впала в бессознательное состояние, Стрельцов ее изнасиловал.

Кроме того, в ночь с 8 на 9 ноября 1957 г. Стрельцов, будучи в состоянии опьянения, учинил хулиганские действия — ворвался в квартиру № 3, дома № 15 по К-ому валу, ломал там дверь, пытаясь проникнуть в комнату семьи С-ых и выражался нецензурными словами, за что был доставлен в отделение милиции 93. По пути следования в отделение милиции Стрельцов выражался нецензурными словами, оскорбляя задержавших его работников милиции.

Вина Стрельцова в указанных выше преступлениях доказана его личными показаниями на предварительном следствии и в судебном заседании, в которых он признал себя виновным в изнасиловании Л. и в нанесении ей легких телесных повреждений. Показаниями потерпевшей Л. и свидетелей Е., Т. и Огонькова, слышавших крик Л., взывавшей о помощи.

Заключениями судебно-медицинской и биологической экспертиз; показаниями свидетелей С-ой А.И., С-на И.Л., А-ва Д.П. и Ж-на А.В., подтвердивших факт учинения Стрельцовым хулиганских действий в квартире С. и в пути следования в отделение милиции, а так же другими материалами дела.

Таким образом, Стрельцов совершил преступления, предусмотренные ст. 74 ч. 2, 143 ч.1 УК РСФСР и ч.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Ввиду изложенного и руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам

ПРИГОВОРИЛА:

Стрельцова Эдуарда Анатольевича подвергнуть по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР лишению свободы на 3 (три) года;

по ст. 143 ч.1 УК РСФСР лишению свободы на 1 (один) год;

по ч.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах, а по совокупности преступлений на основании ст. 49 УК РСФСР лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах.

Меру пресечения Стрельцову оставить без изменений — содержание под стражей, засчитав в срок отбытия наказания время предварительного заключения, считая начало срока с 26 мая 1958 года.

Вещественные доказательства, указанные в справке, приложенной к обвинительному заключению возвратить

владельцам.

Приговор может быть обжалован в течение 72-х часов со дня вручения осужденному копии приговора в Верховный Суд РСФСР.

Председательствующий Гусев

Народные заседатели Спасская Попова

Дело № 2–196/58

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

23–24 июля 1958 г. Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда в составе:

председательствующего Гусева, народных заседателей Спасской и Попова, с участием прокурора Выборнова,

адвоката Миловского, при секретаре Гольдшмид, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению

СТРЕЛЬЦОВА ЭДУАРДА АНАТОЛЬЕВИЧА

по ст. ст. 74 ч. 2, 143 ч.1 УК РСФСР и по ч.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»

УСТАНОВИЛА:

Стрельцов будучи в нетрезвом состоянии в ночь с 25 на 26 мая 1958 года, на даче гр. Караханова на ст. Правда Мытищинского района Московской области изнасиловал гр. Л., при этом избил ее, причинив легкие телесные повреждения с расстройством здоровья.

Кроме того, в ночь с 8 на 9 ноября 1957 года, будучи в состоянии опьянения, учинил хулиганские действия — ворвался в квартиру 3 дома 15 по К-му валу, ломал там дверь, пытаясь проникнуть в комнату семьи С-ных и выражался нецензурными словами, за что был доставлен в 93-е отделение милиции. По пути следования в отделение милиции выражался нецензурными словами и оскорблял задержавших его работников милиции. За совершенные преступления Стрельцов осужден на 12 лет лишения свободы.

Но по делу Стрельцова вскрываются серьезные недостатки в

работе спортивных и других общественных организаций и, в частности, футбольных команд.

Некоторые работники этих организаций не принимали необходимых мер к воспитанию игроков футбольных команд. В результате среди футболистов имели место факты пьянок. Помимо Стрельцова в команде «Торпедо» замечались в выпивках Островский, Иванов, был отчислен из команды вратарь Бермцов и др.

В команде ДСО «Спартак» был дисквалифицирован за пьянство вратарь Тучкус, отстранен от поездки в Индонезию нападающий Иван Мозер, пьянствовали Татушин и Огоньков. В пьянках были в свое время замечены Ивакин, Тищенко, Масленкин и др.

Между тем, факты пьянства не находили надлежащего осуждения со стороны общественных организаций и печати. Например, отв. секретарь редакции газеты «Московский автозаводец» (завод им. Лихачева) тов. Новичков, будучи допрошен по делу Стрельцова, показал: «Общаясь с рабочими и бывая на стадионах, я узнал, что игроки В. Иванов, Стрельцов, Сафронов и др. пьянствуют. Я пытался выступить по этому вопросу в нашей газете, но редактор Ушаков говорил, что этого делать не следует, т. к. есть более важные вопросы, требующие нашего вмешательства» (л.д. 224). Так отнеслись к этому и другие работники общественных организаций завода. Они боялись обидеть игроков футбольной команды.

Новичков на предварительном следствии показал, что Платов, зам. председателя завкома, говорил: Стрельцов наша гордость, он защищает честь завода, и если мы его обидим, то он от нас уйдет.

Совершенно неправильно работники общественных организаций ЗИЛ и комитета по делам физкультуры и спорта относились к Стрельцову. Они видели в нем футболиста и проглядели человека. Создали Стрельцову «Ореол славы», которой он не заслуживал. Воспитывали в нем чувство высокомерия и безнаказанности за свои поступки, не только прощали ему хулиганские выходки, но и всецело старались «защищать» его от ответственности.

Так, вечером 14 апреля 1957 года Стрельцов учинил драку во дворце культуры завода им. Лихачева. При этом работник редакции газеты «Московских автозаводец» т. Устинов показал на предварительном следствии, что Стрельцов неоднократно хулиганил во дворце культуры завода им. Лихачева, дрался, сквернословил, кричал, что стоит ему позвонить директору завода Крылову и все будет в порядке. Все это проходило

бесследно.

В ноябре 1957 г., как уже указано выше, Стрельцов совершил уголовное преступление, и против него было возбуждено уголовное дело по обвинению его по ст. 74 УК РСФСР.

Зам. председателя завкома завода Платов и председатель заводского совета ДСО «Торпедо» Соколов — вопреки фактам представили следователю хорошую характеристику на Стрельцова и возбудили ходатайство о том, чтобы не привлекать его к уголовной ответственности. Следователь прокуратуры Пролетарского р-на т. Пронский и прокурор этого р-на т. Вашов, учитывая хорошую характеристику на Стрельцова, признали привлечение его к уголовной ответственности нецелесообразным и прекратили дело производством. Не успели высохнуть чернила на постановлении о прекращении этого дела (постановление вынесено 27 декабря 1957 г.), как Стрельцов совершил вновь хулиганство.

В 23 часа ночи 26 января 1958 года он около вестибюля ст. метро «Динамо» в нетрезвом виде приставал к гражданам, на их предупреждения не реагировал, учинял шум, сквернословил, наносил оскорбления гр. Иванову, ударил его по лицу. В комнате милиции вел себя буйно, набрасывался драться на работников милиции. За эти действия Стрельцов был привлечен к ответственности по Указу от 19. 12. 56 г. «Об ответственности за хулиганство» (хотя в действиях его были признаки ст. 74 ч. 2 УК РСФСР). Материал был направлен в народный суд Ленинградского р-на г. Москвы. Для того чтобы выгородить Стрельцова зам. начальника управления футбола Комитета по делам физической культуры и спорту тов. Мошкаркин направил в суд за своей подписью справку о том, что Стрельцов должен 02.02.58 г. выехать в Китайскую народную республику для проведения сбора по подготовке к первенству мира по футболу 1958 г.

Народный судья Ленинградского р-на г. Москвы тов. Филолова учла эту справку и назначила Стрельцову наказание трое суток ареста. Таким образом и в этом случае, благодаря вмешательству тов. Мошкаркина, Стрельцов отделался легким испугом.

Наконец, Стрельцов совершил особо опасное преступление. Несмотря на это, его друзья пытались его спасти от заслуженной кары. К потерпевшей Л. приезжали друзья Стрельцова и его собутыльники, Татушин, военнослужащий Караханов и др. Они очень активно уговаривали Л. отказаться от обвинения, изменить свои показания и простить Стрельцова. Под влиянием этих уговоров Л. написала в прокуратуру заявление о том, что она

прощает Стрельцова, а затем рассказала, что это заявление написала под влиянием уговоров указанных лиц и матери Стрельцова.

В деле Стрельцова неблаговидную роль играли Карахановы — ст. лейтенант авиации Э.С. Караханов, явившийся одним из организаторов пьянки, и его отец Караханов Санатрук Вабаевич — директор магазина № 88 торга «Мосовощ» Арбат, 38, член КПСС с 1943 года, на даче которого было совершено преступление Стрельцовым. По делу не было оснований для привлечения их к уголовной ответственности, однако они не могут находиться в стороне и должны ответить перед общественностью.

Ввиду изложенного судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

О вышеизложенном довести до сведения соответствующих организации.

Председательствующий Гусев

Народные заседатели Спасская Попова

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ

ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката МИЛОВСКОГО С.А. по делу СТРЕЛЬЦОВА Э.А.,

осужденного 24/VII.58 г. Мособлсудом по ст. 74 ч. 2 и 143 ч.1 УК РСФСР и по ч. 1 Указа от 4/1–49 г.

«Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к 12 годам заключения в Исправтрудлагерь.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Приговор по делу СТРЕЛЬЦОВА в части, касающейся его осуждения по Указу от 4/1–49 г., считаю чрезмерно суровым.

Суд, определяя СТРЕЛЬЦОВУ меру наказания, не учел ряда смягчающих его вину обстоятельств.

В частности, суд не учел, что СТРЕЛЬЦОВ судим впервые; что СТРЕЛЬЦОВ совершил преступление в состоянии сильного

опьянения.

Не учтено также, что СТРЕЛЬЦОВ явился жертвой уродливых методов воспитания молодых футболистов со стороны различных ответственных должностных лиц — меценатов, в частности, руководства Комитета по физкультуре и спорту и завода им. Лихачева, создавших вокруг его имени ореол славы, внушивших ему, что он является «незаменимым» и «исключительным», попустительствовавших в его антиобщественных поступках и ограждавших его от критики.

Не учел также суд и неправильного поведения потерпевшей Л., давшей СТРЕЛЬЦОВУ повод к обращению с ней как с доступной женщиной.

Что касается осуждения СТРЕЛЬЦОВА по ст. 74 ч. 2 УК, то в этой части считаю приговор необоснованным и подлежащим отмене, а дело — прекращению производством.

По делу установлено, что СТРЕЛЬЦОВ в ночь с 8 на 9-е ноября с.г. действительно стремился проникнуть в жилище семьи С-НЫХ, но не из хулиганских побуждений, а с целью обнаружения и задержания преступника, за несколько минут до этого ударившего его беспричинно по лицу и скрывшегося, по указанию свидетельницы ЧУПАЛЕНКОВОЙ, именно в этой квартире.

На основании изложенного прошу:

1. Приговор в части осуждения СТРЕЛЬЦОВА по ст. 74 ч. 2 УК отменить, а дело в отношении СТРЕЛЬЦОВА в этой части производством прекратить;

2. В части осуждения СТРЕЛЬЦОВА за изнасилование — применить к нему ст.51 УК РСФСР и определить ему наказание ниже предела, установленного Законом.

Адвокат: (МИЛОВСКИЙ).

«28» шюля 1958 г. г. Москва.

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката МИЛОВСКОГО С.А.
по делу СТРЕЛЬЦОВА Э.А.,
осужд. 24.VII.58 г. Мособлсудом по ст. ст.74 ч. 2 и 143 ч. 1 УК РСФСР и ч. 1 Указа от 4.1.49 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасиловании» по совокупности к 12 г. заключения в ИТЛ,

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ СТРЕЛЬЦОВА В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ гр. Л., СЧИТАЮ ИЗЛИШНЕ СУРОВЫМ, А В ЧАСТИ УЧИНЕНИЯ СТРЕЛЬЦОВЫМ ХУЛИГАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ 9 НОЯБРЯ 1957 г. — НЕОБОСНОВАННЫМ И ПОДЛЕЖАЩИМ ОТМЕНЕ.

I. ОБ ИЗЛИШНЕЙ СУРОВОСТИ НАКАЗАНИЯ, НАЗНАЧЕННОГО СТРЕЛЬЦОВУ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ гр. ЛЕБЕДЕВОЙ

Определяя СТРЕЛЬЦОВУ наказание за это преступление, Мособлсуд не учел ряда смягчающих его вину обстоятельств, дающих полное основание для применения к СТРЕЛЬЦОВУ ст. 51 УК РСФСР, назначения ему наказания, хотя бы и связанного с лишением свободы, но ниже предела, установленного законом.

1) Суд не учел, что СТРЕЛЬЦОВ явился жертвой меценатской опеки и уродливых методов воспитания молодых футболистов со стороны бывшего руководства Комитета по физкультуре и порту, Общества «Торпедо», общественных организаций завода им. Лихачева и ряда других ответственных «покровителей» футбола.

Насаждая органически чуждые советскому спорту делячество, профессионализм и нездоровый азарт, в безоглядной погоне за лаврами побед на футбольном поле, за количеством забитых голов, эти люди видели в СТРЕЛЬЦОВЕ лишь футболиста, забыв о нем как о человеке.

Не заботясь о его духовном и культурном росте, они создали вокруг него ореол громкой славы «исключительного» и «незаменимого» центра нападения и атмосферу преклонения перед кумиром «болельщиков».

По делу известно, что, будучи брошен отцом в 4-летнем возрасте, СТРЕЛЬЦОВ воспитывался одной матерью, неразвитой, полуграмотной женщиной. Несмотря на эти неблагоприятные семейные условия, Эдуард пришел в столичный спортивный мир скромным, застенчивым, вежливым и дисциплинированным 16-летним юношей, который не пил, не курил и краснел при замечаниях со стороны тренера.

Знакомство СТРЕЛЬЦОВА со спиртными напитками произошло не где-нибудь в пивных, а на официальных банкетах, где восхищенные его первыми блистательными успехами меценаты поили 17-летнего рабочего паренька дорогим коньяком, а чтобы это не выглядело непедагогично, искусственно завышали его возраст в печати до 24 лет (см. футбольный календарь за 1954 г. стр. 53).

Ездившему до этого на электричке юноше по окончании матча подавались комфортабельные «ЗИЛы» и «ЗИМы», в то время

как остальным игрокам приходилось довольствоваться автобусом.

Для него останавливали скорый поезд; к нему на дом снаряжали посыльных с подарками; его засыпали премиями, шили ему костюмы у лучших портных, отдыхать отправляли в правительственный санаторий.

В 20-летнем возрасте — он уже Заслуженный мастер спорта, обладатель отдельной квартиры, «Победы» и солидного годового дохода при отсутствии понятия о том, что такое труд, производство.

Тлетворное, развращающее влияние этой шумной и щедрой опеки и бесконечных восхвалений и воспеваний способного спортсмена не замедлили сказаться на его характере и поведении; со СТРЕЛЬЦОВЫМ происходит зловещая метаморфоза: от бесконечных почестей и дифирамбов у него кружится голова, да и у многих на его месте закружилась бы; поскольку ему внушили, что он незаменим и почти гений, что ему все дозволено, то он становится развязным, самоуверенным, пренебрегает честью коллектива, нарушает спортивный режим, начинает все чаще выпивать и совершать антиобщественные поступки.

Вместо того, чтобы вовремя осадить его, поставить на место, наказать и тем самым спасти от дальнейшей моральной деградации, — «добрые дяди» — меценаты мягко журят его, сквозь пальцы смотрят на его эксцессы, больше того, они ограждают СТРЕЛЬЦОВА от справедливой критики, преследуя тех, кто осмеливается высказать правду о неблаговидных поступках знаменитого центра нападения.

Чувство полной безнаказанности поэтому растет в Стрельцове и приводит, наконец, к роковой развязке.

Стрельцов должен ответить за совершенное им преступление, но сделать его «козлом отпущения» было бы несправедливо: наряду с ним несут ответственность (пусть не перед судом, но перед нашим обществом) лица, морально растлившие, развратившие, толкнувшие на преступление и погубившие способного спортсмена в период самого расцвета его спортивного таланта.

2) Суд не учел того, что одной из причин, толкнувших СТРЕЛЬЦОВА на преступление, явилось неосмотрительное, чересчур легкомысленное поведение самой потерпевшей Л., давшее СТРЕЛЬЦОВУ повод для обращения с ней не как с целомудренной девушкой, а как с доступной женщиной.

Защита СТРЕЛЬЦОВА не ставит, разумеется, перед собой цели выгораживания СТРЕЛЬЦОВА, оправдания его насилия за счет огульного очернения морального облика потерпевшей.

Но, вместе с тем, защита видит в ее фривольном, недопустимо легкомысленном (кстати, нехарактерном для нее) поведении со СТРЕЛЬЦОВЫМ логическую предпосылку его поступка и смягчающее в известной мере его вину обстоятельство.

Описанные ниже взаимоотношения между Л. и СТРЕЛЬЦОВЫМ, предшествовавшие преступлению, наглядно свидетельствуют о том, что Л. явилась жертвой не только насилия со стороны сильно захмелевшего, едва державшегося на ногах СТРЕЛЬЦОВА, но и своего собственного неправильного поведения с ним.

В самом деле:

Едва познакомившись со СТРЕЛЬЦОВЫМ и узнав, по его собственным словам, еще в Тишкове о том, что он женат, — она, тем не менее, избирает его своим кавалером, сразу переходит с ним на «ты», пьет с ним вино…

Свидетельницы КОЯНДЕР и КАРАХАНОВА, наблюдавшие со стороны отношения между Л. и СТРЕЛЬЦОВЫМ еще в первые часы их знакомства, решили, что они находятся в близких отношениях. Так, свид. КОЯНДЕР на л.д. 148 показала:

«Девушка, находившаяся около СТРЕЛЬЦОВА, сидела прислонившись к нему и полуоблокотившись на его колени…»

Правда, Л. поведала своим подругам Инне Е. и Тамаре Т., что СТРЕЛЬЦОВ ей нравится, но все же девушке не к лицу так откровенно проявлять свою симпатию к человеку, с которым она знакома всего пару часов.

При отъезде из Тишкова ей предлагают занять свободное место в машине ТАТУШИНА, но она предпочитает сесть на колени к СТРЕЛЬЦОВУ в другую машину. В пути обнимает его за шею. Позволяет ему обнимать ее за талию и целуется с ним (см. показ. всех участников этой поездки, косвенно подтвержденные и самой Л.).

За ужином на даче КАРАХАНОВЫХ, затянувшимся до ночи, с обильным возлиянием, Л. сидит, точнее полулежит, на коленях СТРЕЛЬЦОВА, прижимается к нему, целуется с ним (показ, свид. Т., П., ОГОНЬКОВА).

Когда по окончании ужина, около полуночи, хозяйка дома, свид. КАРАХАНОВА предложила всей компании, в частности Л. и СТРЕЛЬЦОВУ, идти спать («Вы еще поворкуете или сразу пойдете спать? Постели уже приготовлены»), — Л. не делает никаких попыток уйти домой и остается на даче.

Не насторожили и не встревожили Л. также и откровенные и неоднократные предложения пьяного СТРЕЛЬЦОВА вступить с ним в близкие отношения, которые он делал ей за столом и по

выходе из-за стола; зная о его намерениях по отношению к ней, Л. все же уединяется с ним в отдельной комнате и оказывается с ним в постели.

Неудивительно, что в затуманенном винными парами сознании СТРЕЛЬЦОВА после всего этого сложилось убеждение, что Л. идет на близость с ним.

О том, что Л. — девушка, СТРЕЛЬЦОВ и не подозревал, а сама Л. ему об этом не говорила.

Вот почему СТРЕЛЬЦОВА не остановило и не отрезвило неожиданное сопротивление со стороны Л., которое он счел притворным; по тем же причинам он иронически отнесся к предупреждениям Л. о том, что она будет кричать. Когда поведение Л. по отношению к нему резко переменилось и она в ответ на его домогательства причинила ему острую боль (нанесла глубокие царапины на лице и прокусила палец), — СТРЕЛЬЦОВ был взбешен и последовала мгновенная, рефлекторная реакция на боль с его стороны: он ударил Л. по лицу.

Так что нанесение СТРЕЛЬЦОВЫМ побоев Л. было вовсе не расчетливым насилием с целью ослабить сопротивление и привести Л. в беспомощное состояние, — а реакцией на причиненную боль.

3) Суд не учел, что СТРЕЛЬЦОВ судим впервые, что он уже наказан поздно спохватившимся Комитетом по физкультуре и спорту (на второй день после совершения насилия над Л. СТРЕЛЬЦОВ был лишен Комитетом звания Заслуженного мастера спорта, выведен из состава сборной команды СССР по футболу и дисквалифицирован, т. е. потерял все самое дорогое, чем может обладать советский спортсмен).

4) Не учел суд также и чистосердечного признания СТРЕЛЬЦОВЫМ своей вины и глубокого его раскаяния в содеянном.

II. О НЕОБОСНОВАННОСТИ ОСУЖДЕНИЯ СТРЕЛЬЦОВА ПО СТ. 74 ч. 2 УК

По делу установлено, что СТРЕЛЬЦОВ действительно пытался проникнуть в ночь с 8 на 9 ноября 1957 г. в комнату, где проживает семья свидетелей С-ных; СТРЕЛЬЦОВ действительно стучал кулаками в их дверь и бранился в связи с тем, что его не впускали в комнату. Однако, и это самое главное, поводом к этим действиям СТРЕЛЬЦОВА послужило не озорство и не желание проявить свое неуважение к обществу, т. е. не хулиганство со стороны

СТРЕЛЬЦОВА, а намерение задержать преступника, который за несколько минут до этого беспричинно нанес на улице СТРЕЛЬЦОВУ удары по лицу, затем обратился в бегство и

скрылся, по утверждению свид. ЧУПАЛЕНКОВОЙ, бывшей со СТРЕЛЬЦОВЫМ, именно в квартире С-НЫХ.

Объяснения СТРЕЛЬЦОВА и свид. ЧУПАЛЕНКОВОЙ по этому поводу нашли себе полное объективное подтверждение: так, свид. С-НА показала в суде, что она выбежала со своей матерью ночью из комнаты на шум, доносившийся со двора, и застала такую картину: девушка, оказавшаяся впоследствии свид. ЧУПАЛЕНКОВОЙ, кричала о помощи и указывала молодому человеку с окровавленными лицом (оказавшемуся СТРЕЛЬЦОВЫМ) на дверь их квартиры, а находившиеся во дворе дворники своими свистками вызвали милицию. Прибывшие на свистки дворников работники милиции подтвердили в суде, что СТРЕЛЬЦОВ был окровавлен и что он действительно разыскивал нанесшего ему удары гражданина. Однако вместо того, чтобы оказать СТРЕЛЬЦОВУ содействие в задержании преступника, работники милиции схватили СТРЕЛЬЦОВА и повезли в милицию. СТРЕЛЬЦОВ, со своей стороны, при его доставке в милицию выражал недовольство действиями работников милиции, нанося им оскорбления.

Учитывая мотивы шумного поведения СТРЕЛЬЦОВА, следует признать, что, поскольку оно не было озорным, хулиганским, то хотя оно и причинило известное беспокойство жильцам дома, все же у суда не было оснований квалифицировать поведение СТРЕЛЬЦОВА по ст. 74 УК, тем более по 2-й части этой статьи. В худшем случае его поведение охватывалось Указом от 19.12.1956 г. Что касается нанесения СТРЕЛЬЦОВЫМ оскорблений работникам милиции в милицейской машине, то эти действия следует квалифицировать ст. 76 УК РСФСР.

На основании изложенного прошу:

1) Приговор в части осуждения СТРЕЛЬЦОВА по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР отменить, и дело производством прекратить за необоснованностью осуждения; оскорбления СТРЕЛЬЦОВА по адресу работников милиции квалифицировать ст. 76 УК РСФСР.

2) В части осуждения СТРЕЛЬЦОВА по Указу от 4 января 1949 г. применить к нему ст. 51 УК РСФСР и назначить ему наказание не свыше 5 лет лишения свободы.

Адвокат (МИЛОВСКИЙ)

2 августа 1958 г.

Дело № 408–180

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе:

председательствующего — Назаровой А.Н., членов суда — Филиппова Р.С. и Будаговского Ф.В.

рассмотрела в судебном заседании от 8 августа 1958 года дело по кассационным жалобам Стрельцова и адвоката Миловского на приговор Московского областного суда от 23–24 июля 1958 года, по которому

СТРЕЛЬЦОВ ЭДУАРД АНАТОЛЬЕВИЧ, 1937 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, член ВЛКСМ, с семиклассным образованием, ранее не судимый, женатый, бывший футболист ДСО «Торпедо» и сборной команды СССР, — осужден по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к трем годам лишения свободы; по ст. 143 ч. 1 УК к одному году лишения свободы и по ч. 1 Указа от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к двенадцати годам лишения свободы, без поражения в правах.

По совокупности преступлений, в силу ст. 49 УК РСФСР к 12 (двенадцати) годам лишения свободы, без поражения в правах.

Заслушав доклад члена суда Будаговского, заключение прокурора Гаврилова О.А., полагавшего приговор суда оставить в силе, и выступление адвоката Миловского, поддерживавшего свою жалобу, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Стрельцов признан виновным в том, что он в ночь на 26 мая 1958 года в помещении дачи гр. Караханова, на ст. Правда, Мытищинского р-на Московской области, будучи в нетрезвом состоянии, с применением физической силы изнасиловал гр. Л. Марианну, 20 лет. Поскольку потерпевшая сопротивлялась и прокусила палец на руке Стрельцову, последний путем нанесения ударов кулаком избил Л., причинив ей легкие телесные повреждения с расстройством здоровья.

Кроме того, Стрельцов осужден за то, что он в ночь на 9 ноября 1957 г. в гор. Москве, будучи пьяным, из хулиганских побуждений ворвался в квартиру № 3 дома № 15 по К-ому валу и ломал дверь комнаты граждан С-ных, пытаясь туда проникнуть, а также выражался нецензурными словами.

Будучи задержанным работниками милиции, осужденный в пути следования в отделение милиции выражался нецензурными словами и оскорблял задержавших его.

В кассационных жалобах Стрельцов и адвокат Миловский с его стороны просят приговор в части обвинения осужденного по ст. 74 ч. 2 УК отменить и дело производством прекратить, а по части 1 Указа от 4 января 1949 года снизить меру наказания.

Обсудив материалы дела и доводы, приведенные в жалобах, в

заключении прокурора и в выступлении адвоката, Судебная коллегия не нашла оснований к изменению приговора суда.

Виновность осужденного в совершенных преступлениях материалами дела доказана.

Стрельцов виновным себя в изнасиловании гр. Л. и в нанесении ей побоев признал, а виновность свою в хулиганстве отрицал.

Осужденный объяснил, что на улице его ударил какой-то пьяный, за которым он, Стрельцов, погнался и стучал в какую-то дверь, предполагая, что убегавший укрылся за этой дверью.

Виновность осужденного в изнасиловании Л., помимо его признания, доказана показаниями потерпевшей и свидетелей Е., Т. и Огонькова, слышавших крик потерпевшей Л.

Заключением судебно-медицинской экспертизы проверено, что Л. была лишена девственности и что ей были причинены телесные повреждения, относящиеся к разряду легких с расстройством здоровья.

Виновность Стрельцова в хулиганстве подтверждена показаниями свидетелей С-ной А.И., С-на И.Л., А-ова Д.П. и Ж-на А.В.

Из показаний этих свидетелей видно, что Стрельцов в ночное время ворвался в квартиру, где стучал и ломал дверь комнаты гр. гр. С-ых и выражался нецензурными словами. При задержании его работниками милиции Стрельцов продолжал выражаться нецензурными словами.

При наличии таких данных, отрицание в кассационных жалобах наличия в действиях осужденного признаков преступления, предусмотренного ст. 74 ч. 2 УК, является необоснованным.

Просьба в жалобах о смягчении осужденному меры наказания удовлетворению не подлежит ввиду тяжести совершенных преступлений.

А потому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, руководствуясь ст. 436 УПК РСФСР,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Московского областного суда от 23–24 июля 1958 года в отношении СТРЕЛЬЦОВА ЭДУАРДА АНАТОЛЬЕВИЧА оставить в силе, а жалобы без удовлетворения.

Председательствующий Назарова

Члены суда Филиппов Будаговский

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

4 февраля 1963 года
Донской районный народный суд Тульской области

в составе председательствующего народного судьи Рябова

народных заседателей Корнеева и Фомина, с участием р/прокурора Ушенина, при секретаре Жигиной, рассмотрев в открытом судебном заседании материал Донской ИТК

об условно-досрочном освобождении осужденного

СТРЕЛЬЦОВА ЭДУАРДА АНАТОЛЬЕВИЧА, 1937 года рождения, уроженца и жителя г. Москвы, русского, б/п,

окончившего 8 классов, женатого, не судимого,

ранее состоявшего футболистом ДСО «Торпедо» и сборной команды СССР.

Осужденного 23–24 июля 1958 года Судебной коллегией по Уголовным делам Московского областного суда по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к трем годам лишения свободы, по ст. 143 ч. 1 УК РСФСР к одному году лишения свободы, по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к 12 годам лишения свободы (срок наказания снижен до 7-ми лет лишения свободы Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июня 1960 года) за то, что он будучи в нетрезвом состоянии в ночь с 24 на 25 мая на даче гр. Караханова на ст. Правда, Мытищинского района Московской области, изнасиловал гр. Л. При изнасиловании применил физическую силу, избил Л., ударами кулака причинил ей легкие телесные повреждения с расстройством здоровья.

Когда Л. впала в бессознательное состояние, Стрельцов ее изнасиловал. Кроме того, он в ночь с 8 на 9 ноября 1957 года, в г. Москве, в состоянии опьянения, учинил хулиганские действия в квартире дома № 3 квартиры № 15 по К-ому валу, ломал там дверь, пытаясь проникнуть в квартиру семьи С-ных, выражаясь нецензурными словами, за что был доставлен в отделение милиции № 93. По пути следования в отделение милиции Стрельцов выражался нецензурными словами, оскорблял задержавших его работников милиции.

Ознакомившись с личным делом, выслушав осужденного Стрельцова и представителя администрации колонии, заключение райпрокурора, поддержавшего ходатайство администрации колонии и наблюдательной комиссии Донского райсовета депутатов трудящихся о его условно-досрочном

освобождении

УСТАНОВИЛ:

Наказание Стрельцов отбывает с 26 мая 1958 года. 2/3 срока наказания отбыл 26 января 1963 года. Отбывая наказание в местах заключения в Московской, Кировской и Тульской областях, Стрельцов показал себя с положительной стороны. Работал на производстве. К работе относился добросовестно, за что ему начислено 1207 зачетных рабочих дней.

Находясь в Комендантском ОЛП в 1959 году, Стрельцов допустил одно нарушение режима, за что был лишен ранее начисленных зачетов в количестве 90 дней.

За добросовестное отношение к труду и примерное поведение приказом начальника того же ОЛП со Стрельцова указанное взыскание было снято. Находясь в Смородинской, а затем в Донской ИТК с 1960 года, Стрельцов проявил себя исключительно хорошо. Во время пребывания в колониях все время работал на производстве лекальщиком-инструментальщиком. К работе относился добросовестно.

Порученные работы выполнял своевременно и качественно.

Вел себя положительно, установленного режима не нарушал.

Во внерабочее время принимал активное участие в работе, связанной с благоустройством колонии, в аварийных работах, за что имел несколько благодарностей от администрации колонии.

В 1962–1963 учебном году обучается в 9-м классе общеобразовательной школе. Являлся участником слета передовиков труда.

Исходя из вышеизложенного суд считает: Стрельцов доказал свое исправление, а поэтому, руководствуясь ст. 363 УПК РСФСР

ОПРЕДЕЛИЛ:

СТРЕЛЬЦОВА ЭДУАРДА АНАТОЛЬЕВИЧА от неотбытого срока наказания два (2) года, три (3) месяца, десять (10) дней лишения свободы условно-досрочно освободить.

Народный судья Рябов

Народные заседатели Корнеева Фомина